

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2018 Том 9 № 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Россия

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Россия

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Россия

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Центр международного образования МГУ (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный Университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (*Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 30.03.2018. Выход в свет 05.04.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 27,90. Тираж 500 экз. Заказ № 29. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2018 VOLUME 9 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: denissen-

ko_vn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Kludlia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russia)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticzj@rudn.university

Editor K.V. Zenkin

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticzj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Новоспаская Н.В. (Москва, Россия). Первый тематический выпуск Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика	9
--	---

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.В. (Екатеринбург, Россия). Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров	14
Карасик В.И. (Волгоград, Россия). Адресная специализация в публичном политическом дискурсе	32
Лысякова М.В., Гаева А.А. (Москва, Россия). Лексико-грамматические свойства дисфемизмов (на материале политического дискурса)	50
Мухортов Д.С. (Москва, Россия). О прагмалингвистических особенностях вербального поведения американского Президента Ричарда Никсона (на материале избранных речей)	77
Шапочкин Д.В. (Тюмень, Россия). Семантические трансформации при переводе немецкого дипломатического дискурса (на материале публичных выступлений Франка-Вальтера Штайнмайера)	93
Тымбай А.А. (Москва, Россия). Коммуникативные стратегии американских политиков (на примере избирательной кампании 2016)	105
Бугаева И.В. (Москва, Россия). Прецедентный топоним как политический символ	124
Устинова О.В. (Москва, Россия). Особенности репрезентации образа Канады в политическом дискурсе	136

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА. НАУКА 21.0

Dugalich N.M. (Moscow, Russia). Political cartoon as a genre of political discourse (Дугалич Н.М. Политическая карикатура как жанр политического дискурса)	158
Casañ-Pitarch R. (Valencia, Spain). ‘Mr. President, discourse matters: a contrastive analysis of Donald Trump and Barack Obama’s discourse (Касань-Питарч Р. Сопоставительный анализ речей Дональда Трампа и Барака Обамы)	173
Тимофеев С.Е. (Брянск, Россия). Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе	186

Суханов Ю.Ю. (Москва, Россия). Политический дискурс как объект лингвистического анализа	200
Кобылко Я. (Москва, Россия). Русско-польская общеславянская терминология в политическом пространстве	213
Ди Чжан (Санкт-Петербург, Россия). Формы обращения как средство выражения социального конфликта в повести М. Булгакова «Собачье сердце»	223

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

- Novospasskaya N.V. (Moscow, Russia).** The first thematic issue of RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics 9

POLITICAL LINGUISTICS

- Chudinov A.P., Nakhimova E.A., Nikiforova M.V. (Yekaterinburg, Russia).** Russian linguopolitical personology: political leaders' discourse 14
- Karasik V.I. (Volgograd, Russia).** Adresata specialization in public political discourse 32
- Lysyakova M.V., Gaevaia A.A. (Moscow, Russia).** Lexico-grammatical properties of dysphemisms (on the material of political discourse) 50
- Mukhortov D.S. (Moscow, Russia).** Pragmalinguistics of Richard Nixon's stylistic behavior (research into the president's selected speeches) 77
- Shapochkin D.V. (Moscow, Russia).** Semantic transformations in the translation of german diplomatic discourse (based on Frank-Walter Steinmeier's public speeches) 93
- Tymbay A.A. (Moscow, Russia).** Communicative strategies of american politicians (basing on the 2016 election campaign) 105
- Bugaeva I.V. (Moscow, Russia).** Precedent toponym as a political symbol 124
- Ustinova O.V. (Moscow, Russia).** The representation of canada in political discourse 136

POLITICAL LINGUISTICS. SCIENCE 21.0

- Dugalich N.M. (Moscow, Russia).** Political cartoon as a genre of political discourse 158
- Casac-Pitarch R. (Valencia, Spain).** 'Mr. President, discourse matters: a contrastive analysis of Donald Trump and Barack Obama's discourse 173
- Timofeev S.E. (Bryansk, Russia).** Ideologeme the "Slavic community" in the modern political discourse 186

Sukhanov Yu.Y. (Moscow, Russia). Political discourse as object of linguistic analysis	200
Kobylko J. (Moscow, Russia). Russian and Polish political lexis of the proto-slavic origin	213
Zhang Di. (Saint Petersburg, Russia). Forms of address as a mean of expressing social conflict in the Mikhail Bulgakov’s “Heart of a Dog”	223

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ПЕРВЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК ВЕСТНИКА РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

Н.В. Новоспасская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

ВВЕДЕНИЕ

Первый номер 2018 года научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» является тематическим выпуском, все предложенные читателям статьи посвящены широкому кругу вопросов актуальной темы — политической лингвистике, лингвистической дисциплине, сложившейся как самостоятельная лингвистическая дисциплина в конце 20 столетия.

В настоящее время сформирован основной понятийный аппарат политической лингвистики, определены основные направления ее развития, работы в области которых представлены в предлагаемом нами выпуске журнала:

- 1) *общетеоретические проблемы политической лингвистики*, определяющие ее основные категории, понятия и термины;
- 2) *исследование языковых уровней политического языка*, рассматривающие фонетические, лексические, паремиологические, грамматические средства на материале текстов и других явлений политического языка;
- 3) *лингвополитическая персонология*;
- 4) *политическая концептология*, новая отрасль политической лингвистики, объектом которой является политическая реальность в новых условиях;
- 5) *дискурсивные исследования стратегий и тактик в политике*, основой которых является анализ коммуникативного поведения субъектов политической деятельности разных типов;
- 6) *сопоставительные исследования*, выполняемые на материале двух или более языков и/или содержание рекомендации по особенностям перевода текстов обусловленной направленности.

КРАТКИЙ ОБЗОР СТАТЕЙ НОМЕРА

Открывает журнал статья **А.П. Чудинова, Е.А. Нахимовой и М.В. Никифоровой** (Екатеринбург, Россия), в которой исследуется вербальный облик первых лиц государства — объект исследования нового направления политической лин-

гвистики — лингвополитической персонологии, которое изучает феномен профессиональной языковой личности. Авторы статьи предлагают свой взгляд на такие предметные сферы, как различные аспекты речевой деятельности высших лиц страны в политической коммуникации; описание прецедентных имен политики — имен собственных, которые принадлежат политическим лидерам прошлого; анализ языковых средств создания портрета политического деятеля, например, в текстах СМИ. Эта тема продолжена в статье **Д.С. Мухортова** (Москва, Россия), в которой описаны прагмалингвистические особенности речевого поведения Ричарда Никсона, в работе **Ricardo Casañ-Pitarch** (Валенсия, Испания), в которой рассмотрены особенности речевой деятельности американских президентов Барака Обамы и Дональда Трампа, в частности, языковые средства их публичных выступлений и исследовании **А.А. Тымбая** (Москва, Россия), посвященному анализу речевых стратегий предвыборных выступлений Дональда Трампа и Хиллари Клинтон.

Продолжает номер статья **В.И. Карасика** (Волгоград, Россия), посвященная публичному политическому дискурсу, анализ которого проведен на материале выступлений официальных лиц на сессии генеральной Ассамблеи ООН, который позволяет выявить интересную стилистическую тенденцию экспансии медийно-развлекательного дискурса в официально-дипломатическую коммуникацию. В статье предложена типология самопрезентации политика в докладах; охарактеризованы типы адресатов; описаны различия тематического, институционального, тонального и перформативного подхода в изучении дискурса.

Общетеоретические проблемы политической лингвистики, основные понятия и термины рассматриваются в статье **Ю.Ю. Суханова** (Москва, Россия).

Политическая концептология является предметной сферой исследования **С.Е. Тимофеева** (Брянск, Россия), посвященного описанию основных подходов интерпретации идеологемы *русский мир*, ее инвариантов и составляющих ее смыслового поля.

В современной политической лингвистике значительный интерес представляют работы, посвященные исследованию отдельных уровней современного языка политики, сфере, к которой можно отнести статью **М.В. Лысяковой** и **А.А. Гаевой** (Москва, Россия) о лексико-грамматических свойствах дисфемизмов политического языка. В статье предложен анализ функционально-грамматических трансформаций дисфемизмов в разных типах политических текстов, описана их частеречная принадлежность и рассмотрена их морфологическая структура.

Тему изучения лексических средств политического языка продолжает работа **О.В. Устиновой** (Москва, Россия), посвященная анализу языковой репрезентации образа Канады, которая была сделана на материале публичных выступлений политических деятелей Канады и других государств, а также правительственных документов страны, в которых нашли отражение общественно-политические реалии.

Также языковые средства языка политики рассмотрены в статье **И.В. Бугаевой** (Москва, Россия), в которой на материале прецедентного топонима-символа Красная площадь с помощью семантического анализа определяется его значение в различных употреблениях. С данной работой тематически сближается статья

Ди Чжан (Санкт-Петербург, Россия), в которой рассмотрены формы обращения как средство выражения социального конфликта на примере текстов М. Булгакова.

В работах **Д.В. Шапочкина** (Тюмень, Россия) и **Н.М. Дугалич** (Москва, Россия) предметом исследования является язык политических текстов на иностранных языках. Д.В. Шапочкин на примере публичных речей рассматривает немецкий дипломатический дискурс и особенности перевода его текстов на русский язык и подтверждает гипотезу о модуляции как доминирующем семантическом приеме при переводе данного типа текстов. Н.М. Дугалич анализирует особенности креолизованного текста на примере арабских и французских политических карикатур. Русско-польская общеславянская терминология является объектом исследования **Ярослава Кобылко** (Москва, Россия).

В качестве итога необходимо отметить, что данный выпуск нашего журнала отразил многоаспектную проблематику современной политической лингвистики и, как нам кажется, будет иметь продолжение.

THE FIRST THEMATIC ISSUE OF RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University
6, Miklukho-Maklaia str., Moscow, Russia, 117198

INTRODUCTION

The first issue of the year 2018 of the scientific journal “Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series Theory of language. Semiotics. Semantics” is a thematic issue, where all the articles proposed to readers are devoted to a wide range of questions of the topical theme — political linguistics and linguistic discipline established as an independent linguistic discipline at the end of the 20th century.

At present, the basic conceptual apparatus of political linguistics has been formed, the main directions of its development have been determined and fulfilled works are presented in the issue of the magazine that we are proposing:

1) *general theoretical problems of political linguistics* defining its main categories, concepts and terms;

2) *the study of the language levels of the political language* considering phonetic, lexical, paremiological and grammatical means on the basis of texts and other phenomena of the political language;

3) *linguistic and political personology*;

4) *political conceptology*, a new branch of political linguistics, which object is the political reality in the new conditions;

5) *discursive studies of strategies and tactics in politics*, which basis is the analysis of communicative behavior of persons implementing political activities of different types;

6) *comparative studies* carried out on the material of two or more languages and/or the recommendation content on the translation peculiarities of the texts of the discussed orientation.

BRIEF REVIEW OF ARTICLES OF THE ISSUE

The article by **A.P. Chudinov**, **E.A. Nakhimova** and **M.V. Nikiforova** (Ekaterinburg, Russia) opens the journal. It examines the verbal appearance of the first persons of the state — the study object of a new direction in political linguistics — *linguistic and political personology*, which studies the phenomenon of a professional language personality. The authors of the article offer their views on such subject areas as various aspects of the speech activity of the country's higher officials in political communication; description of the precedent names in politics — the proper names that belong to political leaders of the past; analysis of the linguistic means of creating a portrait of a politician, for example, in media texts. This topic is continued in the article by **D.S. Mukhortov** (Moscow, Russia), which describes the pragmalinguistic features of speech behavior of Richard Nixon, in the work of **Ricardo Casañ-Pitarch** (Valencia, Spain), which examines speech activity features of American presidents Barack Obama and Donald Trump, in particular, linguistic means of their public performances as well as in the research of **A.A. Tymbay** (Moscow, Russia) devoted to the analysis of speech strategies of the pre-election speeches of Donald Trump and Hillary Clinton.

The following article of the journal belongs to **V.I. Karasik** (Volgograd, Russia). It is devoted to public political discourse, the analysis of which was carried out based on the officials' speeches at the UN General Assembly session. The article allows us to reveal an interesting stylistic tendency of expansion of media entertainment discourse into formal diplomatic communication. It also proposes a typology of politicians' self-presentations in reports; types of addressees are characterized; differences of thematic, institutional, tonal and performative approaches in the study of discourse are described.

General theoretical problems of political linguistics, basic concepts and terms are considered in the article by **Yu.Yu. Sukhanov** (Moscow, Russia).

Political conceptology is the research subject of **S.E. Timofeev** (Bryansk, Russia), devoted to the description of the main approaches in interpretation of the ideologeme *russian world*, its invariants and the semantic field that makes it up.

In modern political linguistics the works devoted to the study of individual levels of the modern language of politics are of considerable interest, an area to which the article by **M.V. Lysyakova** and **A.A. Gayeva** (Moscow, Russia) can be attributed. It considers such issues as lexical and grammatical properties of political language dysfemisms. The article suggests the analysis of functional and grammatical transformations of dysfemisms in different types of political texts, it also describes their part-time affiliation and considers their morphological structure.

The theme of the study of the political language lexical means is continued in the article by **O.V. Ustinova** (Moscow, Russia) devoted to the analysis of the linguistic representation of the image of Canada, which was made on the basis of public statements made by political figures of Canada and other states, as well as government documents of the country reflecting social and political realities.

The language tools of the politics language are also considered in the article by **I.V. Bugayeva** (Moscow, Russia), in which on the basis of the material of the precedent toponym-symbol Red Square with the help of the semantic analysis its significance in various uses is determined. The article by **Di Zhang** (St. Petersburg, Russia) is subjectively approaching to this work, in which forms of treatment are considered as a means of expressing social conflict. M. Bulgakov's texts are used as example.

In the works by **D.V. Shapochkin** (Tyumen, Russia) and **N.M. Dugalich** (Moscow, Russia) the study subject is the language of political texts in foreign languages. D.V. Shapochkin uses as the example public speeches and examines German diplomatic discourse as well as peculiarities of translating such texts into Russian. He confirms the hypothesis of modulation as the dominant semantic technique in translating this type of texts. N.M. Dugalich analyzes features of a creolized text using Arab and French political cartoons as the example. Russian-Polish common Slavic terminology is the subject of research carried out by **Yaroslav Kobylko** (Moscow, Russia).

As a result, it should be noted that this issue of the journal has reflected multifaceted problems of modern political linguistics and will have continuation.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК: 811.161.1'276.6:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31

РОССИЙСКАЯ ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ*

А.П. Чудинов¹, Е.А. Нахимова¹, М.В. Никифорова²

¹Уральский государственный педагогический университет
пр-т Космонавтов, 26, Екатеринбург, Россия, 620017

²Уральский государственный горный университет
ул. Куйбышева, 30, Екатеринбург, Россия, 620144

В работе представлены результаты аналитического обзора публикаций, посвященных изучению вербального облика первых лиц государства. Исследование дискурса политических лидеров принадлежит сфере интересов лингвополитической персонологии — относительно нового направления в отечественном языкознании, изучающего феномен профессиональной языковой личности в сфере политики. Актуальность предпринятого обзора обусловлена необходимостью уточнения понятийно-терминологического аппарата, определения наиболее востребованных методик анализа и перспективных исследовательских задач, а также определения границ рассматриваемого научного направления в контексте современной гуманитарной науки. В ходе анализа выделены такие предметные области лингвополитической персонологии, как президентский дискурс и изучение образов исторических персоналий. В качестве периферийной предметной сферы рассматривается изучение имен политических лидеров в аспекте прецедентности. Каждое из обозначенных субнаправлений характеризуется с точки зрения проблематики исследования, применяемых методов анализа и принципов отбора языкового материала. Авторы статьи приходят к выводу, что применение широкого подхода в определении исследовательских границ лингвополитической персонологии обуславливает возможность использования разнообразных методик анализа и включение в процесс изучения обширного языкового материала, а также увеличение междисциплинарных связей лингвополитической персонологии и шире — политической лингвистики — с другими областями современного гуманитарного знания. По мнению авторов статьи, обозначенные тенденции в полной мере соответствуют междисциплинарному ракурсу современных научных изысканий и призваны обеспечить разноаспектный, комплексный анализ феномена профессиональной языковой личности в сфере политической коммуникации.

Ключевые слова: лингвополитическая персонология, политическая коммуникация, языковая личность политика, президентский дискурс, исторический политический дискурс, прецедентные имена собственные

* Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда: проект 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик».

ВВЕДЕНИЕ

Лингвополитическая персонология является пограничной областью языкознания, оформившейся на стыке политической лингвистики [Чудинов 2006 и др.] и лингвистической персонологии [Базылев 2005; Иванцова 2002; Нерознак 1996 и др.]. Последняя, в свою очередь, методологически восходит к исследованиям в области теории языковой личности [Богин 1984; Виноградов 1980; Карасик 1992; Караулов 1987; Седов 2000 и др.] и социально-речевого портретирования [Китайгородская, Розанова 1995; Крысин 1989; Николаева 1991; Панов 1970 и др.]. Успешно пользуясь методологическими достижениями обозначенных дисциплин, лингвополитическая персонология в то же время активно расширяет границы собственных практических изысканий, что закономерно ведет к углублению ее теоретической базы и формированию собственной терминосистемы.

Цель статьи — на основании аналитического обзора публикаций по изучению речи политических лидеров уточнить понятийно-терминологический аппарат и очертить границы наиболее востребованных предметных областей лингвополитической персонологии на современном этапе ее развития.

ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

Объект исследования и одновременно основной термин современной российской лингвополитической персонологии — «языковая личность (политика)» [Мадалиева 2011; Нехорошева 2012 и др.]. В лингвоперсонологии «языковая личность» понимается как «личность, отраженная в созданных ею текстах» [Иванцова 2002: 10]. Специфика языковой личности политика как профессиональной (дискурсивной) личности определяется комбинаторикой индивидуальных и институциональных коммуникативно-речевых проявлений. Характеризуя политика как языковую личность, исследователи подчеркивают синкретичный, многомерный характер данного феномена. В близком и даже аналогичном значении используются термины «речевой/коммуникативный портрет» [Алышева 2012, Гаврилова 2011, 2012 и др.], «идиостиль» [Седых 2016 и др.] и «речевой/коммуникативный имидж» [Романова 2009; Руженцева 2015 и др.]. Каждый из этих терминов сам по себе не вызывает возражений, особенно когда используется в рамках исследований, принадлежащих к соответствующим научным школам и направлениям (лингвистическая персонология, имиджелогия, стилистика, речевое портретирование и др.). В то же время в исследованиях, декларирующих свою принадлежность сфере политический лингвистики и лингвополитической персонологии, целесообразно использовать присущий им понятийно-терминологический аппарат.

В рамках анализируемого научного направления внимание исследователя могут привлечь люди, играющие различные роли в политической жизни страны, — лидеры партий, депутаты, министры, руководители регионов, духовные лидеры, однако опыт показывает, что наибольший интерес у специалистов и широкой общественности вызывают речевые портреты представителей высшей власти.

Обзор публикаций по обозначенной тематике демонстрирует интерес лингвистов как к речи современников, так и исторических государственных деятелей.

Обращаясь к анализу выступлений представителей верховной власти России последних трех десятилетий, отечественные ученые вслед за западными коллегами применяют термины «президентская риторика» [см. Гаврилова 2006, 2011, 2012 и др.] и «президентский дискурс» [см. Нахимова 2007, 2011, 2016 и др.]. Заметим, что в странах Запада, и в первую очередь США, изучение дискурса первых лиц государства ведется очень активно, при этом наибольшее признание среди исследовательских методов получили когнитивный анализ [Hodges 2013; Lakoff 2017 и др.] и риторическая критика [Arthur, Woods 2013; Stuckey 2015 и др.].

Как подчеркивает Е.А. Нахимова, в современной политической лингвистике выделяются два подхода к изучению президентского дискурса. В первом случае (узкий подход) предметом рассмотрения становится собственно речевая деятельность президента — проявление различных аспектов языковой личности в жанрах президентского дискурса. Во втором случае (широкий подход) исследуются не только речь президента, но и пути создания образа президента в коммуникативной деятельности иных политических деятелей и журналистов. Изучение подобных материалов позволяет определить, как руководитель страны воспринимается в национальном сознании [Нахимова 2007: 44].

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА

Аналитический обзор публикаций, посвященных исследованию дискурса политических лидеров, демонстрирует, что наибольший интерес у отечественных специалистов вызывает публичная речевая практика нынешнего Президента России В.В. Путина. Языковые особенности выступлений политика рассматриваются лингвистами в различных аспектах — коммуникативно-прагматическом [Паршина 2005 и др.], когнитивном [Васильев 2015; Нахимова 2016 и др.], лексико-фразеологическом [Седых 2012, 2016 и др.], интонационном [Альшеева 2011 и др.], жанрово-стилевым [Кошкарлова 2011 и др.] и др. Так, А.П. Седых, обращаясь к изучению специфических для политика устойчивых выражений (фразеологического узуса), наиболее репрезентативно представляющих характерологические параметры личности политического лидера, выявляет, что идиополитический потенциал дискурса действующего российского Президента характеризуется такими чертами, как институциональная эстетика риторики, приоритет профессиональной этики, регулируемая творческая активность, демократичность идиолектного узуса [Седых 2016: 40].

Интерес к коммуникативной практике Д.А. Медведева определяется как занимаемой им должностью Председателя российского правительства, так и тем, что ранее он занимал пост президента страны. Характерно при этом, что индивидуальный дискурс Д.А. Медведева большинством исследователей рассматривается не в качестве самостоятельного лингвистического явления, а в контексте сравнения с дискурсом В.В. Путина и отчасти дискурсом Б.Н. Ельцина [Альшеева 2012; Гаврилова 2011; Дементьева 2009 и др.]. Особое внимание в этом смысле обращают на себя работы санкт-петербургского лингвиста М.В. Гавриловой, которая анализирует профессиональную коммуникативную деятельность трех российских Прези-

дентов с учетом динамики культурно-исторического контекста. Так, характеризуя президентский дискурс Д.А. Медведева, автор делает интересные выводы о трансформации смыслового наполнения ключевых политических концептов, таких, например, как единство: единство (страны) у В.В. Путина связано с «государством», «правом», «территорией», в то время как у Д.А. Медведева единство (общества) связано с «духовностью» и «культурой». М.В. Гаврилова также отмечает увеличение роли виртуального общения и тенденцию к интимизации выступлений Д.А. Медведева [Гаврилова 2011: 8]. Отмечается изменение тематической макроструктуры выступлений и расхождения в плане метафорического переосмысления политических реалий. Так, например, если В.В. Путин использует милитарную метафору для описания конкурентных отношений в экономической сфере, то Д.А. Медведев предлагает сражаться с проблемами в социальной сфере [там же: 9].

Обращение лингвистов к индивидуальному дискурсу Б.Н. Ельцина обусловлено не только той уникальной ролью, которую политик сыграл в истории страны, став первым президентом России, но и определенным лингвистическим новаторством, отличающим его выступления от выступлений политических лидеров советской эпохи [Гаврилова 2012; Сурина 2004 и др.]. Так, М.В. Гаврилова отмечает, что Б.Н. Ельцин является инициатором введения в русскую политическую коммуникацию таких жанров, как радиообращение, встречи и совещания в ходе рабочих поездок по стране, послание Федеральному собранию, инаугурационная речь, интервью большому количеству журналистов после окончания политического сезона, интернет-конференция, прощальная речь. Кроме того, Б.Н. Ельцин изменяет контекст произнесения политических речей, расширяет репертуар невербального поведения на официальных мероприятиях. Для Б.Н. Ельцина характерна ориентация на диалогическое общение, политик активно использует прямое обращение к народу в кризисных ситуациях. Кроме того, как отмечает М.В. Гаврилова, в речи первого Президента России имеют место авторские неологизмы и образные выражения: *многополюсный мир*, *господа интернетовцы*, *единодушие*, *сверхбюрократизм*, *ползучий переворот* и др. [Гаврилова 2012: 22].

Внимание лингвистов к речи М.С. Горбачева также во многом связано с исследованием тех исторических процессов, которые характеризовали советскую действительность второй половины 80-х годов XX века, и с изучением языковых новшеств, которые политик привнес в отечественную политическую коммуникацию в период руководства страной. Как отмечает Л.А. Капанадзе, «с горбачевской гласности, с горбачевского „человеческого фактора“ плотина была прорвана, и система канцелярита, парадных плетений словес и умолчаний заменилась многоголосицей и речевым разнообразием» [Капанадзе 2005: 329]. Анализируя речь М.С. Горбачева с различных точек зрения — фонетической, лексико-грамматической и невербальной, исследователь отмечает в выступлениях М.С. Горбачева «ту необходимую многомерность языка, что стоит за многомерностью мыслей и представлений личности» [там же: 332]. Так, разговорная лексика в выступлениях политика сочетается с высокими и сугубо книжными оборотами речи; литературное произношение в эмоциональной речи уступает место южнорусскому

говору, обнаруживая происхождение политика; речь М.С. Горбачева сопровождается не патетическими взмахами, столь свойственными лидерам советской эпохи, а искренними, непосредственными, часто непроизвольными жестами (постукивание ребром ладони, «перст указующий»), выражающими досаду, недоумение, боль, но чаще всего — стремление убедить и настоять на своем [там же].

Представляется очевидным, что публичная речевая деятельность первых лиц государства всегда идеологизирована и отражает ключевые аспекты национально-культурной риторики: выбор политиком языковых средств во многом обусловлен той системой ценностных принципов и ориентиров, которые в целом определяют специфику национального самосознания членов лингвокультурного сообщества. В этой связи отдельного внимания заслуживают сопоставительные исследования, в которых речевые портреты российских (советских) лидеров анализируются в контексте сравнения с портретами лидеров других государств. По нашим данным, наиболее часто лингвисты обращаются к сопоставительному изучению дискурса российских и западных политиков. Так, в публикациях А.П. Седых [Седых 2012 и др.] в сопоставительном аспекте изучаются выступления российского Президента В.В. Путина и канцлера Германии А. Меркель. В кандидатской диссертации Н.В. Сальниковой [Сальникова 2011] выявляется национально-культурная специфика президентской риторики М.С. Горбачева и Р. Рейгана. В статье С.А. Анисимовой [Анисимова 2016] исследуется роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства в индивидуальных дискурсах В.В. Путина и Б. Обамы.

В исследованиях, учитывающих широкий подход к определению президентского дискурса, в качестве материала для анализа служат публикации политиков, журналистов и интернет-пользователей, которые при помощи разнообразных лингвистических средств создают политические, психологические, оценочные, ассоциативные и др. портреты высших руководителей страны [Алексеева 2012; Зелянская 2014; Ким, Мустайоки, Пяйтиляйнен 2013; Нахимова 2007, 2011; Стрельников 2004 и др.].

При обращении к публикациям, посвященным изучению образа В.В. Путина в текстах СМИ, а также в высказываниях других политиков обнаруживается значительное разнообразие исследовательских подходов и методик анализа. В качестве средства образного представления российского Президента лингвисты рассматривают метафоры, прецедентные феномены, политические карикатуры, фразеологию и др. Так, Н.Л. Зелянская [Зелянская 2014] реконструирует медиаобраз В.В. Путина на материале комментариев интернет-пользователей с форумов и блогов, посвященных обсуждению политических проблем.

Используя частотный анализ и графосемантическое моделирование, исследователь формирует тематические блоки и семантические поля, актуализируемые в сознании интернет-аудитории в связи с деятельностью нынешнего Президента. На основании полученных данных Н.Л. Зелянская делает вывод, что интернет-пользователи воспринимают В.В. Путина не столько как личность, сколько в качестве олицетворения власти как таковой. В этой связи какая-либо активная де-

тельность политика не обретает в медиаобразе самостоятельной значимости, а заменяется рефлексией о правильности/неправильности принципов правления [Зелянская 2014: 125].

В ряде исследований [Алексеева 2012; Ким, Мустайоки, Пиетилайнен 2016 и др.] реконструкция образа политического лидера осуществляется не только по данным анализа материалов СМИ, но и с применением экспериментальных методов, раскрывающих специфику восприятия образа политика рядовыми носителями языка. Так, в работе А.А. Алексеевой [Алексеева 2012] применяется метод ассоциативного эксперимента, словами-стимулами при проведении которого послужили имена В.В. Путина и Д.А. Медведева. На основании полученных данных автор статьи делает вывод, что в сознании носителей языка образы этих политиков имеют как сходства, так и различия. В.В. Путин воспринимается как сильный духом, волевой, решительный, амбициозный и умный политик. Д.А. Медведев вызывает достаточно противоречивые ассоциации: респонденты, с одной стороны, отмечают его нерешительность, безвольность, мягкость и пассивность, а с другой — решительность, активность, энергичность. Исследователь также отмечает, что представления о В. В. Путине и Д. А. Медведеве в СМИ и обыденном сознании носителей разных языков имеют много общего. Это объясняется тем, что обычные граждане нашего и других государств получают информацию о президентах главным образом из СМИ, которые формируют и в некотором смысле навязывают определенные модели восприятия этих лиц.

Интересна работа авторского коллектива Л.Г. Ким, А. Мустайоки и Ю. Пиетилайнен [Ким, Мустайоки, Пиетилайнен 2016], выполненная в русле обыденной политологии с применением метода интерпретационного эксперимента, целью которого было изучение влияния образа автора — В.В. Путина и Д.А. Медведева — на восприятие содержания политического текста рядовыми носителями языка. В качестве материала для проведения эксперимента авторы статьи использовали фразу «Говорить о модернизации общества — это значит говорить о том, что нужно постричь больного, когда его нужно лечить» (модификация фразы кинорежиссера А. Кончаловского — *прим. авт.*).

На первом этапе, целью которого было выявление смысловых версий исходного текста и моделирование его интерпретационного поля, респондентам предлагалось дать собственное толкование исходной фразы. На втором этапе другой группе респондентов предстояло истолковать эту же фразу, при этом в одних анкетах она была подписана В.В. Путиным (80 анкет), а в других — Д.А. Медведевым (80 анкет). Таким образом, на основе анализа смысловых версий исходного текста, приписываемого В.В. Путину и Д.А. Медведеву, авторы статьи моделируют образ политического лидера и его политические интенции в сознании рядовых носителей языка. Исследователи делают вывод, что В.В. Путин воспринимается в основном как политик, убежденный, что модернизация не решает главных задач, стоящих перед обществом, и необходимо проводить коренные изменения в стране. Образ Д.А. Медведева как политика представляется более противоречивым в отношении курса страны на модернизацию.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗОВ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Наряду с изучением политического дискурса современности отечественные языковеды обращаются к историческому (диахронному) портретированию руководителей страны.

Среди политических лидеров советской эпохи наибольшее внимание лингвистов закономерно привлекают фигуры В.И. Ленина и И.В. Сталина [Михальская 1996; Приходько 2011; Сергеева 2006; Чудинов 1997 и др.]. Так, в работах А.П. Чудинова, посвященных исследованию идиостиля И.В. Сталина в 10—20-х годах, отмечается риторическое мастерство будущего советского лидера: хорошо подобранный материал сочетается с выверенной композицией речи, ясность и точность языка с оправданным использованием фигур и тропов [Чудинов 1997: 29]. В то же время в качестве отличительных особенностей речи И.В. Сталина исследователи называют обилие разговорно-просторечных элементов и большевистского жаргона, а также намеренную грубость речи, доходящую до брани и прямого хамства [Михальская 1996, Чудинов 1997]. Одним из слабых мест сталинской риторики лингвисты также считают злоупотребление развернутыми метафорами, придающими речи излишнюю патетику [Чудинов 1997].

В статье Е.В. Сергеевой, посвященной изучению текстов выступлений В.И. Ленина и И.В. Сталина с точки зрения их воздействующего потенциала, отмечается огромное количество уловок и манипулятивных приемов в текстах выступлений политиков: оба используют алогизмы, мнимые выводы, подмену понятий. Автор статьи делает вывод, что речи этих государственных деятелей — яркий пример того, как манипулятивные приемы были применены заведомо успешно, а также того, как советский политический дискурс влияет на современную политическую коммуникацию [Сергеева 2006: 199].

Особое место в ряду публикаций, посвященных диахронному анализу политического дискурса, занимают работы, направленные на реконструкцию вербального облика российских монархов — царей и императоров. Так, лингвисты обращаются к изучению речи И. Грозного [Попова 2004 и др.], Петра Первого [Гайнуллина 2002], Екатерины Второй [Никитина 2013] и др.

Особый статус данным исследованиям придает тот факт, что в качестве языкового материала используются литературные и историографические источники, отражающие специфику исторического развития языка. Так, например, в монографии Н.И. Гайнуллиной на материале обширного эпистолярия Петра Первого исследуется проблема языковой личности первого русского императора в аспекте истории русского литературного языка начала XVIII века. В работе не только предлагается подробный анализ когнитивного и прагматического уровней личности Петра Первого, но и предпринимается попытка по-новому — через призму анализа конкретной языковой личности — осмыслить основные функционально-стилистические особенности русского языка в период его становления как национального.

В рамках изучения исторического политического дискурса власти, как и в случае с изучением президентского дискурса, можно выделить широкий подход, при

котором воссоздание политического портрета первого лица государства осуществляется на основе представлений его современников. Так, в статье О.Н. Кондратьевой [Кондратьева 2011] анализируются языковые средства создания образа политического противника в средневековом политическом дискурсе на примере анализа метафорического образа Ивана Грозного, созданном его современником и политическим оппонентом князем Андреем Курбским. На основе изучения древнерусских текстов — мемуаров А. Курбского и текстов его переписки с И. Грозным — О.Н. Кондратьева выявляет ключевые концептуальные оппозиции, задействованные в метафорической репрезентации внутреннего мира И. Грозного: «здоровье/болезнь», «жизнь/смерть», «праведное/греховное», «чистое/грязное». Исследователь определяет прагматический потенциал используемых А. Курбским метафор и отмечает, что в его интерпретации внутренний мир И. Грозного характеризуется исключительно отрицательными членами каждой из оппозиций, что создает негативный образ самодержца всея Руси [Кондратьева 2011: 224].

Следует отметить, что применение диахронного метода в ряде работ выводит исследование исторического политического дискурса за пределы собственно политической лингвистики в смежную область социально-гуманитарных и исторических дисциплин (лексикографии, историографии и др.). Так, в одной из недавних публикаций В.Н. Базылева [Базылев 2017] рассматриваются принципы реконструкции российского исторического политического дискурса на примере анализа канона русской политической лексики Павла I. На основе анализа корпуса известных произведений Павла I (указов, уставов, распоряжений и др.), а также анализа исторического контекста, с которым тесно связана языковая политика императора, в работе характеризуется цель павловского канона и реконструируются идеографические сферы лексики, формирующей его состав.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИМЕН ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В АСПЕКТЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

В качестве одной из периферийных предметных областей лингвополитической персонологии можно рассматривать изучение имен собственных, принадлежащих политическим лидерам прежних эпох и перешедших в разряд прецедентных имен. Анализ функционирования прецедентных имен собственных позволяет понять, какие из присущих им смыслов и коннотаций актуализируются в национальном сознании на конкретном этапе развития лингвокультурного сообщества.

Имена политических лидеров государств (монархов, генеральных секретарей, президентов и др.) с давних пор не только символизировали верховную власть и само государство в целом, но и, вследствие своей широкой известности, использовались для обозначения тех или иных качеств человека и политика. В самых различных лингвокультурных сообществах английский король *Ричард Львиное сердце* символизирует воинскую доблесть, его соотечественники *Карл Первый* и *Генрих VIII Синяя Борода* — смерть на эшафоте и жестокость по отношению к возлюбленным, а французские *Людовики* — абсолютное самовластие. Полко-

водческие таланты символизируют *Гай Юлий Цезарь* и *Наполеон Бонапарт*, безмерную жестокость — римские императоры *Нерон* и *Калигула*. Для русского национального сознания многое значат прецедентные имена *Дмитрий Донской*, *Иван Грозный*, *Петр Великий*, *Екатерина Великая*, *Александр I*, *Николай II*, которого одни называют *Кровавым*, а другие — *Святым*. В этом же ряду находятся послереволюционные лидеры Советского Союза и России — *Керенский*, *Ленин*, *Сталин*, *Хрущев*, *Брежнев*, *Ельцин* и др. В последние годы количество подобных прецедентных концептов, используемых в средствах массовой коммуникации, заметно расширяется, растет и частотность их употребления.

Изучение прецедентных имен, относящихся к данной группе, позволяет лучше понять представления создателя текста о его адресате. Рассмотрение арсенала прецедентных имен позволяет проанализировать интересный материал для постижения специфики национальной ментальности на определенном культурно-историческом срезе [Нахимова 2011].

Как известно, каждая эпоха выстраивает свой вариант исторического развития общества и рождает свои представления о качествах той или иной личности [Слышкин 2004]. Очевидно, что образы Ивана Грозного, Николая I или Александра II Освободителя неодинаково воспринимались в начале прошлого века, в его середине и в современную эпоху. В зависимости от политической ситуации на том или ином этапе развития общества оказываются востребованными различные прецедентные имена, при использовании которых акцентируются то одни, то другие смысловые компоненты. В частности, Александр II может быть представлен и как освободитель крестьян, и как реформатор судебной системы, и как жертва террора, и как сторонник политического либерализма, и как жестокий преследователь революционеров.

Значительный интерес представляет уже сам факт использования того или иного имени российского руководителя в современных СМИ и частотность такого употребления; еще более интересны актуальные смыслы, проявляющиеся при этом у прецедентных имен. Источником для целого ряда наших исследований послужил полнотекстовый корпус современных печатных и электронных СМИ, отражающий более 82 тысяч текстов, который обрабатывался с использованием специальных компьютерных программ [Нахимова 2011]. На этой основе были выявлены тысячи апелляций к указанным прецедентным концептам.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что среди «лидеров прецедентности» оказываются политические лидеры советской эпохи: И.В. Сталин (16 409), В.И. Ленин (6910), Н.С. Хрущев (2965), Л.И. Брежнев (2363). Среди русских царей «лидируют» Николай II (3 436), Петр I (2 850), Иван Грозный (2845), Николай I (1685). Наиболее известные древнерусские князья — Рюрик (359), Владимир Святой (1028), Дмитрий Донской (1189) и Александр Невский (972). Разумеется, по этим цифрам нельзя объективно судить о значимости соответствующих правителей в истории нашей страны, но они определенным образом отражают важность соответствующих прецедентных имен для современного национального сознания.

При конкретном анализе прецедентного имени и его роли в современном национальном сознании целесообразно учитывать следующие ведущие параметры:

— высокая, средняя или низкая частотность, свидетельствующая о роли соответствующего концепта в национальном сознании;

— многополюсность (потенциал для акцентирования различных личностных и политических качеств) или однополюсность (возможность акцентирования лишь одного качества);

— преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность неоценочного использования;

— широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования;

— использование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса;

— принадлежность к центральной зоне поля прецедентности или же к ее периферии.

В зависимости от аксиологических модусов прецедентные концепты властителей России можно подразделить на следующие подгруппы:

— регулярно используемые со стабильной позитивной оценкой (*Александр Невский, Алексей Михайлович, Иван Калита*);

— регулярно используемые со стабильной негативной оценкой (*Керенский, Лжедмитрий*);

— регулярно используемые в оценочных контекстах с различными модусами — позитивным и негативным (*Сталин, Иван Грозный, Николай II*);

— используемые преимущественно в контекстах, не содержащих оценки (*Иоанн Антонович, Рюрик, Екатерина I*).

Аксиологический модус — это не свойство самого имени собственного, а характеристика его ментального соответствия, которое может приобретать свойства аксиологемы, то есть концепта, включающего аксиологический компонент (позитивный, негативный или переменный). Аксиологичность — это не обязательное, а факультативное свойство прецедентных концептов. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода аксиологему можно охарактеризовать как когнитивный феномен (концепт), включающий аксиологический компонент (позитивный, негативный или переменный). Этот компонент предопределяет особенности использования репрезентантов соответствующей аксиологемы. Следует различать аксиологемы со стабильным оценочным модусом (позитивным или негативным) и с вариативным оценочным модусом.

Прецедентные имена собственные былых властителей России в современной массовой коммуникации часто репрезентируют мифологемы, то есть ментальные единицы, отражающие принимаемые на веру стереотипы массового сознания, которые часто характеризуются неверифицируемостью и внерациональностью, гиперболичностью и аксиоматичностью, динамичностью, зависимостью от социального этапа развития общества и его идеологии. Мифологема формирует концептуальные схемы и категории, обуславливающие процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином объекте. Типичными

свойствами репрезентанта мифологемы обладает имя собственное *Александр Невский*: в современной массовой коммуникации последовательно выдвигаются на первый план то одни, то другие, то третьи аспекты деятельности (воинская доблесть, подвиг смирения, патриотизм, борьба с католицизмом и др.), однако практически не упоминаются поступки, которые могли бы принизить образ святого. При характеристике деятельности Александра Невского ему нередко приписываются высказывания, которые он, судя по всему, не произносил в действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный аналитический обзор позволяет заключить, что исследование коммуникативного облика политических лидеров, занимающих высшие государственные должности и добившихся значительных успехов в своей деятельности, является перспективной областью исследования современной лингвополитической персонологии. В центре внимания данного направления — различные аспекты речевой деятельности высших руководителей страны в сфере политической коммуникации. В то же время одной из тенденций развития направления является расширение предмета анализа за счет включения в сферу исследования текстов СМИ, в которых при помощи арсенала лингвистических средств создаются политические, оценочные, метафорические, психологические, ассоциативные и т.д. портреты политических деятелей. Кроме того, в качестве одной из предметных областей лингвополитической персонологии можно рассматривать изучение имен собственных, принадлежащих политическим лидерам прежних эпох и перешедших в разряд прецедентных имен.

Отмеченное расширение предметной сферы исследования, в свою очередь, закономерно влечет за собой увеличение междисциплинарных связей лингвополитической персонологии и других отраслей современного гуманитарного знания (политологии, социологии, историографии и др.). Представляется, что подобного рода тенденции в полной мере отражают установку современной науки на интегративность исследовательских подходов, которая призвана обеспечить многомерное, комплексное описание рассматриваемого феномена.

© Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.В.

Дата поступления: 20.12.2017

Дата приема в печать: 20.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеева А.К.* Политический портрет В.В. Путина и Д.А. Медведева (на материале прессы и ассоциативного эксперимента) // *Политическая лингвистика.* № 41. С. 64—80.
2. *Алышева Ю.С.* Речевой портрет В.В. Путина // *Вестник Волгогр. гос. ун-та.* 2012. № 2 (16). С. 171—174.
3. *Анисимова С.А.* Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В.В. Путина и Б. Обамы) // *Политическая лингвистика.* 2016. № 57. С. 77—83.

4. *Базылев В.Н.* Канон русской политической лексики Павла I (о принципах реконструкции российского исторического политического дискурса) // *Политическая лингвистика*. 2017. № 61. С. 10—20.
5. *Базылев В.Н.* Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) // *Известия УрГПУ. Лингвистика*. Выпуск 15. Екатеринбург, 2005. С. 163—167.
6. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
7. *Васильев А.Д.* Свои и чужие в контексте программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» (2014 г.) // *Политическая лингвистика*. 2015. № 4 (54). С. 18—24.
8. *Виноградов В.В.* Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 53—175.
9. *Гаврилова М.В.* Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2006. Т. 2. № 1. С. 98—108.
10. *Гаврилова М.В.* Некоторые черты речевого портрета президента России Д.А. Медведева // *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. 2011. № 1. С. 4—10.
11. *Гаврилова М.В.* Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Ельцина // *Политическая лингвистика*. 2012. № 4. С. 17—22.
12. *Гайнуллина Н.И.* Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: Казахский университет, 2002. 126 с.
13. *Дементьева М.К.* Языковые средства выражения оценки в современном Российском официальном политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2009. № 4. С. 82—92.
14. *Зелянская Н.Л.* Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 120—126.
15. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
16. *Капанадзе Л.А.* Грамматика гласности: устная речь Михаила Горбачева // *Голоса и смыслы: избранные работы по русскому языку*. М., 2005. С. 329—332.
17. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Просвещение, 1987.
18. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН: ВГПУ, 1992.
19. *Ким Л.Г., Мустайоки А., Пиетилäinen Ю.* Восприятие модернизации русскими студентами как результат влияния образа автора на интерпретации политического текста // *Политическая лингвистика*. 2013. № 4 (46). С. 47—58.
20. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М.: Наука, 1995.
21. *Кондратьева О.Н.* Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // *Политическая лингвистика*. 2010. № 4. С. 101—111.
22. *Кондратьева О.Н.* Метафорическое моделирование внутреннего мира как способ создания образа политического противника (образ Ивана Грозного в интерпретации Андрея Курбского) // *Политическая лингвистика*. 2011. № 3 (37). С. 220—226.
23. *Кошкарлова Н.Н.* Пресс-конференция президента России (18 мая 2011 г.): стилистика и риторика текста // *Политическая лингвистика*. 2011. № 3 (37). С. 87—92.
24. *Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
25. *Маркова О.А., Харламова Т.В.* Лингвокультурологический анализ речей американских и российских президентов // *Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика*. Выпуск 16. Екатеринбург, 2005. С. 82—97.
26. *Мадалиева Е.В.* Прагматикон языковой личности политика в жанре исповеди // *Политическая лингвистика*. 2011. № 1. С. 143—146.

27. *Михальская А.К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов. М.: Издательский центр «Academia», 1996.
28. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в президентском дискурсе // *Политическая лингвистика* 2007. № 2 (22). С. 44—48.
29. *Нахимова Е.А.* Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // *Политическая лингвистика*. 2013. № 3. С. 48—56.
30. *Нахимова Е.А.* «Прямая линия» с народом»: президентские ответы на детские вопросы // *Политическая лингвистика*. 2016. № 2 (56). С. 22—26.
31. *Нерозник В.П.* Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // *Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет*, 1996. С. 112—116.
32. *Нехорошева А.М.* Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель // *Политическая лингвистика*. 2012. № 1. С. 147—150.
33. *Никитина А.Ю.* Вербально-семантический уровень языковой личности Екатерины II (на материале «Собственноручных записок императрицы Екатерины II») // *Вестник ЧГУ*. 2013. № 4. С. 248—252.
34. *Николаева Т.М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания // *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюз. науч. конф.* 1991. Ч. 2. С. 73—75.
35. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М.: Едиториал УРСС, 2002.
36. *Паришина О.Н.* Риторический портрет В.В. Путина // *Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов*, 2005. № 5. С. 25—35.
37. *Попова О.В.* Языковая личность Ивана Грозного: на материале деловых посланий: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2004.
38. *Приходько С.А.* Оппозиции в политическом дискурсе В.И. Ленина // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4 (38). С. 129—138.
39. *Романова Т.В.* Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // *Политическая лингвистика*. 2009. № 27. С. 109—117.
40. *Руженцева Н.Б.* Имиджевое интервью-перформанс В. Жириновского: смена масок, эпатаж, технология примитива // *Политическая лингвистика*. 2015. № 3. С. 50—56.
41. *Сальникова Н.В.* Национально-культурная риторика политического дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ставрополь, 2011.
42. *Седов К.Ф.* Речевое поведение и типы языковой личности // *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург, 2000. С. 298—311.
43. *Седых А.П.* К вопросу об идиополитическом стиле В.В. Путина // *Политическая лингвистика*. 2016. № 55. С. 35—41.
44. *Седых А.П.* Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В.В. Путина и А. Меркель) // *Политическая лингвистика*. 2012. № 1. С. 57—67.
45. *Сергеева Е.В.* Приемы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на материале ораторских произведений В.И. Ленина и И.В. Сталина) // *Изв. УрГПУ. Лингвистика*. Екатеринбург, 2006. №. 19. С. 194—208.
46. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, Перемена, 2004.
47. *Стрельников А.М.* Оценочный портрет В.В. Путина в дискурсе кампании по выборам президента в России 2004 г. // *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Уральский гос. пед. университет. Екатеринбург, 2004. Т. 14. С. 81—90.
48. *Сурина А.В.* Милитарная метафора в мемуарах Б.Н. Ельцина // *Речевая культура в разных сферах общения*. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2004. С. 82—87.

49. Чудинов А.П. Заметки о риторическом мастерстве И.В. Сталина // *Художественный текст: Структура, семантика, прагматика*. Екатеринбург: изд-во Урал, ун-та, 1997. С. 201—212.
50. Чудинов А.П. *Политическая лингвистика: учеб. пособие*. М.: Флинта: Наука. 2006.
51. Arthur D. Woods J. The Contextual Presidency: The Negative Shift in Presidential Immigration Rhetoric // *Presidential Studies Quarterly*. 2013. Vol. 43. Iss. 3. P. 468—489. DOI: <https://doi.org/10.1111/psq.12041>.
52. Hodges A. The Generic U.S. Presidential War Narrative: Justifying Military Force and Imagining the Nation // *Discourses of War and Peace* / ed. by A. Hodges. New York: Oxford Univ. Pr. 2013. P. 47—68. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199937271.003.0003>.
53. Lakoff G. The President Is The Nation: The Central Metaphor Trump Lives By. Georgelakoff.com. Режим доступа: <https://georgelakoff.com/2017/08/01/the-president-is-the-nation-the-central-metaphor-trump-lives-by>. Дата обращения: 15.08.2017.
54. Stuckey M. *Political Rhetoric. A Presidential Briefings*. New Brunswick: Transaction Publishers. 2015. 125 p.

УДК: 811.161.1'276.6:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31

RUSSIAN LINGUOPOLITICAL PERSONOLOGY: POLITICAL LEADERS' DISCOURSE*

Anatoly P. Chudinov¹, Elena A. Nakhimova¹,
Marina V. Nikiforova²

¹Ural State Pedagogical University
Kosmonavtov St., 26, Yekaterinburg, Russia, 620017

²Ural State Mining University
Kuibysheva St., Yekaterinburg, Russia, 620144

Abstract. The paper presents an analytical review of publications devoted to the study of political leaders' verbal image. The research of politicians' individual discourses belongs to the sphere of linguopolitical personology, which is a relatively new field of Russian linguistics that focuses on the phenomenon of professional linguistic personality in the sphere of politics. The objectives of the review are to specify basic terminology, which is in use, to determine the most popular methods of analysis and research tasks, and to define the boundaries of the considered research area in the context of modern Humanities. The analysis highlighted two main subject areas of linguopolitical personology: presidential discourse study and historical personalities study. The research of political leaders' proper names in terms of precedent phenomena is also considered to be a peripheral subject area. Each of the identified research spheres is characterized from the perspective of the goal, methods of analysis to be applied and principles of language material selection. We have grounds to believe that the use of a broad approach in defining research boundaries of linguopolitical personology enables to study a vast language material base and to use various methods of study, which in its turn results in increasing interdisciplinary connections of linguopolitical personology and even broader, of political linguistics, with other fields of modern Humanities. Thus, the identified research areas reflect the perspectives of the modern science and therefore, are to provide a multidimensional, comprehensive analysis of the phenomenon of professional linguistic personality in the field of political communication.

Keywords: linguopolitical personology, political communication, linguistic personality of a politician, presidential discourse, historical political discourse, precedent names

* The study was supported by RGNF, project 16-18-02102 "Speech influence in the Russian language in conflict and non-conflict political situations and the methodology of its linguistic expertise using modern techniques".

REFERENCES

1. Alekseeva, A.K. (2012). The Political Portraits of V. Putin and D. Medvedev (on the material of the modern press and the associative experiment). *Political linguistics*, 41, 64—80. (In Russ).
2. Alysheva, Yu. (2012). Speech Portrait of Vladimir Putin. *Vestnik of Volgograd State University*, 2(16), 171—174. (In Russ).
3. Anisimova, S.A. (2016). The Role of Precedent Phenomena in the Process of Mental Space Formation (based on the materials of the comparative analysis of V.V. Putin and B. Obama Discourses). *Political linguistics*, 57, 77—83. (In Russ).
4. Arthur, D. & Woods, J. (2013). The Contextual Presidency: The Negative Shift in Presidential Immigration Rhetoric. *Presidential Studies Quarterly*, 43 (3), 468—489. DOI: <https://doi.org/10.1111/psq.12041>.
5. Bazylev, V.N. (2017). The Canon of Russian Political Vocabulary of Paul I (based on the principles of historical reconstruction of Russian political discourse). *Political linguistics*, 61, 10—20. (In Russ).
6. Bazylev, V.N. (2005). Linguistic Personology: Irina Khakamada (the discipline status determination). *Izvestiya of Ural State Pedagogical University. Linguistics*, 15, 163—167. (In Russ).
7. Bogin, G.I. (1984). The model of Linguistic Personality in Its Relation to Various Types of Texts. Leningrad. (In Russ).
8. Chudinov, A.P. (1997). *Some Notes on the Rhetorical Skill of I.V. Stalin*. Literary Text: Structure, Semantics, Pragmatics. Yekaterinburg: Ural University press. (In Russ).
9. Chudinov, A.P. (2006). *Political Linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka.
10. Dementieva, K.M. (2009). Linguistic Means of Evaluation Expression in Current Russian Official Political Discourse. *Political linguistics*, 4, 82—92. (In Russ).
11. Gavrilova, M.V. (2011). Some Features of a Rhetoric Portrait of Russian President D.A. Medvedev. *Vestnik of Tver State University. Philology*, 1, 4—10. (In Russ).
12. Gavrilova, M.V. (2012). Some Features of a Rhetoric Portrait of the First Russian President B.N. Yeltsin. *Political linguistics*, 4, 17—22. (In Russ).
13. Gavrilova, M.V. (2006). Key Concepts of Russian Political Discourse “People”, “Power”, “Russia” in the Inaugural Speeches of Russian President. *Political Expertise: POLITEKS*, 2 (1), 98—108. (In Russ).
14. Gainullina, N.A. (2002). Linguistic Personality of Peter the Great (the experience of a diachronic description). Almaty: Kazakh University. (In Russ).
15. Hodges, A. (2013). The Generic U.S. Presidential War Narrative: Justifying Military Force and Imagining the Nation. *Discourses of War and Peace*. New York: Oxford Univ. Press. pp. 47—68. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199937271.003.0003>.
16. Ivantsova, E.V. (2002). The Phenomenon of a Dialect Linguistic Personality. Tomsk: Tomsk University press. (In Russ).
17. Kapanadze, L.A. (2005). Grammar of publicity: Oral Speech of Mikhail Gorbachev. *Voice and Meaning: Selected Papers on the Russian Language*. Moscow: Nauka. pp. 329—332. (In Russ).
18. Karaulov, Yu.N. (1987). The Russian Language and Linguistic Personality. Moscow: Obrazovanie.
19. Karasik, V.I. (1992). The Language of Social Status. Moscow: the Institute of Linguistics. (In Russ).
20. Kim, L.G., Mustajoki, A. & Pietilainen, Y. (2013). Perception of Modernization by Russian Students as a Result of the Influence of the Author’s Image on the Interpretation of Political Texts. *Political linguistics*, 4, 47—58. (In Russ).
21. Kitaigorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1995). *Russian Speech Portrait. Phonoanthology*. Moscow: Nauka. (In Russ).
22. Kondratyeva, O.N. (2010). Metaphorical Representation of Political Life in the Ukraine in Yulia Tymoshenko Idiostyle. *Political linguistics*, 4, 101—111. (In Russ).

23. Kondratyeva, O.N. (2011). Metaphorical Modeling of the Inner World as the Way of Creation of the Image of a Political Opponent (an image of Ivan Grozniy in Andrey Kurbskiy's interpretation). *Political linguistics*, 3, 220—226. (In Russ).
24. Koshkarova, N.N. (2011). Press Conference of Russia's President (May, 18 2011): Text-Oriented Stylistics and Rhetoric. *Political linguistics*, 3, 87—92. (In Russ).
25. Krysin, L.P. (1989). *Socio-Linguistic Aspects of the Modern Russian Language Studies*. Moscow: Nauka. (In Russ).
26. Lakoff, G. The President Is The Nation: The Central Metaphor Trump Lives By. Georgelakoff.com. URL: <https://georgelakoff.com/2017/08/01/the-president-is-the-nation-the-central-metaphor-trump-lives-by> (accessed: 15.08.2017).
27. Madalieva, E.V. (2011). Pragmatical Level of the Linguistic Personality of a Politician in the Genre of Political Confession. *Political linguistics*, 1, 143—146. (In Russ).
28. Markova, O.A. & Kharlamova, T.V. (2005). Linguistic and Cultural Analysis of Speeches of America's and Russia's Presidents. *Izvestiya of Ural state pedagogical University. Linguistics*, 16, 82—97. (In Russ).
29. Michalskaya, A.K. (1996). *Russian Socrates: Lectures on Comparative and Historical Rhetoric*. Moscow: Academia. (In Russ).
30. Nakhimova, E.A. (2007). Precedent Names in Presidential Discourse. *Political linguistics*, 2, 44—48. (In Russ).
31. Nakhimova, E.A. (2013). The Use of Corpus Methodology in Comparative Study of Precedent Names. *Political linguistics*, 3, 48—56. (In Russ).
32. Nakhimova, E.A. (2016) "Direct Line" with People: President's Answers to the Questions from Children. *Political linguistics*, 2, 22—26. (In Russ).
33. Nechorosheva, A.M. (2012). Communicative Self-Representation Peculiarities of the German Political Leader Angela Merkel. *Political linguistics*, 1, 147—150. (In Russ).
34. Neroznak, V.P. (1996). *Linguistic Personology: Determination of the Discipline Status. Language. Poetics. Translation*. Moscow: Moscow State Linguistics University. (In Russ).
35. Nikitina, A.Yu. (2013). Verbal-Semantic Level of Linguistic Personality of Catherine II (on "The handwritten notes of Empress Catherine II" material). *Vestnik of Chuvasiya State University*, 4, 248—252. (In Russ).
36. Nikolaeva, T.M. (1991). "Sociolinguistic Portrait" and Methods of its Description. In *The Russian Language and Modernity. Problems and Prospects of the Russian Language Studies*. Moscow: Nauka. (In Russ).
37. Panov, M.V. (2002). *The History of the Russian Literary Language of the XVIII—XX centuries*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ).
38. Parshina, O.N. (2005). Rhetoric Portrait of Vladimir Putin. *Problems of Verbal Communication*, 5, 25—35. (In Russ).
39. Popova, O.V. (2004). *Linguistic Personality of Ivan the Terrible* [dissertation]. Omsk: Omsk State University. (In Russ).
40. Prikhod'ko, S.A. (2011) Oppositions in V. I. Lenin's Political Discourse ("Materialism and empirio-criticism" is taken as an example). *Political linguistics*, 4, 129—138. (In Russ).
41. Romanova, T.V. (2009). The Communicative Image and Linguistic Portrait of a Contemporary Politician. *Political linguistics*, 27, 109—117. (In Russ).
42. Ruzhentseva, N.B. (2015). Image Interview-Performance of V. Zhirinovskiy: Change of Guise, Shock and Primitivism Technology. *Political linguistics*, 3, 50—56. (In Russ).
43. Salnikova, N.V. (2010). *National and Cultural rhetoric of the Political Discourse* [dissertation]. Stavropol' State University. Stavropol'. (In Russ).
44. Sedov, K.F. (2000). *Verbal Behaviour and Types of Linguistic Personality*. Cultural and Speech Situation in Modern Russia. Yekaterinburg: Ural University Publ. (In Russ).
45. Sedykh, A.P. (2012). Ideological Elements in Phraseology of Political Leader (on the basis of discourses of V.V. Putin and A. Merkel). *Political linguistics*, 1, 57—67.

46. Sedykh, A.P. (2016). On the Problem of Ideopolitical Discourse of V.V. Putin. *Political linguistics, 1*, 35—41. (In Russ).
47. Sergeeva, E.V. (2006). Techniques of Manipulative Influence in Political Discourse (based on the material of the oratorical works of V.I. Lenin and I.V. Stalin). *Izvestiya of Ural State Pedagogical University. Linguistics, 19*, 194—208. (In Russ).
48. Slyshkin, G.G. (2004). *Linguocultural Concepts and Metaconcepts*. Volgograd: Peremena. (In Russ)
49. Strelnikov, A.M. (2004). Evaluation Portrait of Vladimir Putin in the Discourse of the Presidential Campaign in Russia. *Linguistics: the Bulletin of Ural linguistic society, 14*, 81—90. (In Russ).
50. Stuckey, M. (2015). *Political Rhetoric. A Presidential Briefings*. New Brunswick: Transaction Publishers.
51. Surina, A.V. (2004). Military Metaphor in the Memoirs of Boris Yeltsin. Speech Culture in Different Spheres of Communication. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy. (In Russ).
52. Vasilyev, A.D. (2015). Friends and Enemies in the Context of Program “Direct Line with Vladimir Putin” (2014). *Political linguistics, 4* (54), 18—24. (In Russ).
53. Vinogradov, V.V. (1980). *Selected Papers: the Language of Prose*. Moscow: Nauka, 53—175. (In Russ).
54. Zelyanskaya, N.L. (2014). Mediaimage of a Politician: the Internet Community as an Agent of Political Reality. *Political linguistics, 4*, 120—126. (In Russ).

Для цитирования:

Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.В. Российская лингвополитическая персонология: исследование образов политических лидеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 14—31. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.

For citation:

Chudinov, A.P., Nakhimova, E.A. & Nikiforova, M.V. (2018) Russian Linguopolitical Personology: Political Leaders' Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 9* (1), 14—31. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.

Anatoly P. Chudonov, Elena A. Nakhimova, Marina V. Nikiforova, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 9* (1), 14—31. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.

Сведения об авторах:

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; *научные интересы*: политическая лингвистика, медиалингвистика, метафорология, концептология, дискурсология, риторика; *e-mail*: ap_chudinov@mail.ru

Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета; *научные интересы*: политическая лингвистика, медиалингвистика, метафорология, концептология, дискурсология, риторика; *e-mail*: v.nakhimov@rambler.ru

Никифорова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и деловой коммуникации Уральского государственного горного университета; *научные интересы*: политическая лингвистика, дискурсология, германистика; *e-mail*: armada29@yandex.ru

Bio Note:

Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Crosscultural Communication, Rhetoric, and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University; *Research Interests*: political linguistics, mediallynguistics, metaphor studies, concept studies, discourse studies, rhetoric; *e-mail*: ap_chudinov@mail.ru.

Nakhimova Elena Anatoliievna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Crosscultural Communication, Rhetoric, and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University; *Research Interests*: political linguistics, mediallynguistics, metaphor studies, concept studies, discourse studies, rhetoric; *e-mail*: v.nakhimov@rambler.ru.

Nikiforova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate professor of the Chair of Foreign Languages and Business Communication; *Research Interests*: political linguistics, discourse studies, germanistics; *e-mail*: armada29@yandex.ru.

УДК: 81'276.6:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49

АДРЕСАТНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В.И. Карасик

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр. Ленина, 27, г. Волгоград, Россия, 400066

Рассматривается публичный политический дискурс на материале выступлений официальных лиц в Организации Объединенных Наций. Охарактеризованы подходы к изучению дискурса (тематический, институциональный, тональный и перформативный), выделены основные типы адресатов в политическом дискурсе (широкая публика, основные оппоненты, профессиональные интерпретаторы). Выявлены два типа самопрезентации в докладах на международном форуме: акцентирование интересов своего государства либо мирового сообщества. Стилистика выступлений докладчиков на сессии Генеральной Ассамблеи ООН соответствует канонам речи дипломатов, но в ряде случаев намеренно выходит за рамки этих канонов, что свидетельствует об экспансии медийно-развлекательного дискурса в официально-дипломатическую коммуникацию. Тональность выступлений политиков является важнейшим индикатором приоритетов, определяющих вероятность практических действий различных государств на международной арене.

Ключевые слова: политический дискурс, институциональная коммуникация, адресатная специализация, эмоционально-стилевой формат, вербальное поведение

ВВЕДЕНИЕ

Публичный дискурс представляет собой вербальное общение с неопределенно широкой массой адресатов. Системообразующим признаком политического дискурса является борьба за власть [Астафурова, Олянич 2008; Базылев 1998; Балашова 2014; Баранов 1997; Блакар 1987; Будаев, Чудинов 2006; Водак 1997; Купина 1995; Попова 1995; Шейгал, 2004; Bergsdorf 1978; Bitzer 1981; Chilton 1994; Denton, Woodward 1985; Diekman 1969; Dijk 1995; Graber 1981; Meadow 1980; Zimmermann 1975]. В этом плане особенность публичного политического дискурса состоит в адресатной специализации — дифференцированном воздействии субъекта речи на разные типы адресатов, при этом такое воздействие часто осуществляется синкретично в одном и том же высказывании. Представляется, что для каждого типа институционального дискурса характерны определенные разновидности адресатов, которые выделяются на основании базовых установок участников соответствующего дискурса. Адресатная специализация применительно к разным типам публичного дискурса еще недостаточно освещена в научной литературе [Карасик 2016; Попова 2011].

В современном обществе политическая власть получает легитимный статус на основании демократического выбора населения, соответственно важнейшим адресатом публичного политического дискурса является широкая масса избира-

телей, и кандидат на выборную должность стремится сформулировать свою программу и сформировать свой имидж таким образом, чтобы максимально эффективно учесть предпочтения разных групп электората. Тем не менее, вербальное осуществление прямого и косвенного воздействия на избирателей в прагмалингвистическом плане характеризуется общностью коммуникативных стратегий.

Политический дискурс состязателен по своей природе, и по этой причине любое выступление политика неизбежно представляет собой борьбу с соперником. Такая борьба ведется по канонам принятого в обществе агонального поведения, при этом ее участники в полной мере отдают себе отчет в том, что максимальный эффект в публичном поединке возникает при столкновении, выходящем за рамки привычных конвенций, поскольку публичный поступок политика включает зрелищные постановочные элементы, благодаря которым политик набирает очки и запоминается публике.

Борьба за власть предполагает наличие группы поддержки у каждого из участников этой борьбы, профессионально подготовленных советников и помощников, разрабатывающих концепцию политика и осуществляющих режиссуру его публичных поступков. Специфика такой режиссуры заключается в том, чтобы поведение главного действующего лица было в максимальной степени естественным и выглядело спонтанным. Адресатами политического дискурса в этом плане выступают профессионалы, обычно представители иных политических сил, которым демонстрируется арсенал приемов и методов воздействия на широкую аудиторию. Есть определенное сходство между рекламным и политическим дискурсом, поскольку эти типы коммуникативной интеракции строятся по определенным моделям, составляющим технологию воздействия на публику.

Такая специализация адресатов политического дискурса не исключает наличия других типов адресатов, но здесь важно подчеркнуть, что основанием для выделения соответствующих типов является их доминирующая функция в институциональном дискурсе.

Существующие подходы к изучению институционального дискурса можно разбить на четыре группы. К первой относятся описания дискурса на основании его тематики. Этот подход включает множество исследований, посвященных экономическому, экологическому, гастрономическому и многим другим типам дискурса, их число практически бесконечно. Тематический подход к дискурсу позволяет выделить ключевой объект описания и построить топик общения, это дает возможность выделить ключевой словарь по теме и поэтому соответствует традиционному пониманию содержания текста и текстотипа [Баранов 2008] как жанровой разновидности дискурса, сюда относятся также политические нарративы и рассуждения политологов. Достоинством такого подхода является измеримость рассматриваемых единиц и вытекающая отсюда высокая объективность получаемых выводов. Применительно к политическому дискурсу предметом изучения оказывается в таком случае любой текст на политическую тему — от партийной программы до системы лозунгов и от инаугурационной речи до политических анекдотов.

Вместе с тем при таком подходе к пониманию и описанию политического дискурса вне поля зрения исследователя оказываются коммуникативная личность политика как институционального субъекта и ситуативные особенности общения, определяющие его собственно дискурсивную специфику. Реальные участники общения в первом случае — это не политики, а наблюдатели, которые выражают свое мнение по поводу тех или иных политически релевантных тем. Типология таких субъектов может быть построена на разных основаниях, сюда входят политологи, историки, частные лица («пикейные жилеты»), обсуждающие в устном и письменном общении проблемы политики (в наши дни Интернет дает возможность многим выступить в этой роли), авторы художественных произведений, сюжеты которых отражают политические события, мемуаристы и т.д.

Второй подход к пониманию институционального дискурса акцентирует специфику института, а не текста как средства общения [Карасик 2002]. Соответственно, его субъектами выступают представители того или иного института и граждане, вступающие во взаимодействие с этим институтом. Если первый подход по своей сути является объектным, то второй можно определить как субъектный, или точнее, как институциональный. В рамках этого понимания дискурса прежде всего определяется социально значимая цель общения: борьба за власть в политическом дискурсе, приобщение к вере — в религиозном, социализация — в педагогическом, познание истины — в научном, информативно-развлекательное воздействие — в медийном и т.д. Цель дискурса в этом смысле является основанием для выделения того или иного социального института. Описание такого дискурса сводится к установлению характеристик его основных участников и определению временных и пространственных параметров его осуществления (хронотоп, по М.М. Бахтину, — начало и завершение судебного заседания и зал суда для юридического дискурса, границы школьного урока и учебное помещение — для педагогического, беседа терапевта с пациентом в поликлинике — для медицинского и т.д.).

Существенными оказываются коммуникативные стратегии, используемые в общении, например, построение позитивного собственного имиджа и негативного имиджа конкурента в политическом дискурсе, доказательство, опровержение, верификация в научном дискурсе, привлечение внимания к товару, его продвижение и аргументация в пользу его приобретения в рекламном дискурсе. Сюда относится и описание жанров того или иного институционального дискурса — исторически сложившихся конкретных форматов общения в рамках ситуативно определенной коммуникации — лекция, семинар, экзамен, защита дипломной работы в академическом дискурсе, парламентские прения, листовки, предвыборные дебаты в дискурсе политическом. Достоинство этого подхода заключается в выявлении и описании компонентов коммуникативной ситуации, представляющей собой единицу институциональной реальности. Сложность такого понимания дискурса логически вытекает из его многомерного моделирования, в результате чего традиционно выделяемые области научного описания в известной степени оказываются размытыми. Многие жанры институционального дискурса обнаруживают гибридную природу. Например, популярно-медицинский дискурс (выступ-

ления врачей или журналистов перед широкой аудиторией на медицинскую тему) по объекту общения относятся к медицине, а по способу осуществления, по ситуативно-коммуникативным характеристикам являются разновидностью медийного дискурса. Аналогичным образом интервью политика по жанровым признакам относится к медийному общению, а по тематике и целям коммуникации это политический дискурс, включающий элементы рекламы и развлекательного шоу.

Третий подход состоит в определении коммуникативной тональности — эмоционально-стилевого формата общения. Общение может быть официальным либо бытовым, серьезным либо шутивным, обиходным либо ритуальным, информативным либо фасциновым, идеологически нейтральным либо акцентированным, направленным на прямое либо завуалированное выражение смысла и т.д. Список тональностей общения достаточно широк, лингвистически релевантной процедурой установления тональности является комментарий к высказыванию в виде обстоятельства образа действия при глаголах речи (*он сказал/заметил/спросил шутивно, взволнованно, безучастно, ласково, насмешливо, ехидно* и т.д.). Такой подход дает возможность охарактеризовать взаимоотношения между коммуникантами.

В институциональном общении мы сталкиваемся с разными видами тональности — от сугубо официального протокольного диалога во время судебного заседания до эмоционально маркированных поступков участников политических дебатов. Этот подход является прагмалингвистическим по своей сути. Его достоинство заключается в характеристике коммуникативного поведения различных людей в их диалогических интеракциях. Такое поведение обусловлено не только личностными качествами коммуникантов и их отношениями друг к другу и к предмету речи, но и сложившимися нормами культуры [Костомаров 1994]. Например, ироническая тональность воспринимается как естественная в научном дискурсе, но вызывает протест в разных жанрах религиозного дискурса. Политический дискурс достаточно часто носит официальный и ритуальный характер, по определению является идеологически маркированным и при этом может быть полемическим, ироническим, саркастическим и остроконфликтным.

Трудность выделения типов дискурса на основании разновидностей коммуникативной тональности состоит в установлении оттенков эмоций и стилистических модусов общения (например, интуитивно мы чувствуем разницу между наглым и нахальным вопросом, подлинным либо наигранным волнением, но измерить и объективировать такую тональность бывает достаточно сложно).

Четвертый подход направлен на выделение и описание социально значимых действий, которые совершают участники общения. Если в первом случае мы уточняем, о чем идет речь, во втором — кто участники коммуникативной ситуации, в третьем — в каком ключе осуществляется общение, то в четвертом — каковы коммуникативно значимые поступки участников диалога. Этот подход базируется на теории социального действия, обоснованной М. Вебером и включающей четыре типа действий, противопоставляемых по признаку рациональности: 1) целерациональные (направленные на достижение конкретного результата), 2) ценностно-рациональные (предпринимаемые для подтверждения определенных норм об-

щества), 3) аффективные (выражающие эмоции), 4) традиционные (выполняемые в соответствии с ритуалами). Ю. Хабермас уточняет эту схему, выделяя четыре основных типа действий: 1) телеологические (сориентированные на достижение поставленной цели), 2) нормативные (осуществляемые для подтверждения своей принадлежности определенному сообществу), 3) драматургические (реализуемые для построения своего имиджа в глазах партнеров), 4) коммуникативные (организуемые для достижения взаимопонимания) [Habermas 1984: 85—86]. Этот подход детально разработан в теории перформативных действий (поступков, меняющих статус участников коммуникации) (Остин, 1986) и может быть определен как перформативный. В рамках политического дискурса его участники характеризуют реальность как действительную либо возможную, берут на себя обязательства, призывают адресатов совершить то или иное действие, присваивают себе и другим определенные статусные характеристики, демонстрируют знаки солидарности, групповой идентичности и т.д. Плюсы такого понимания институционального дискурса состоят в возможности описания установок и норм поведения в том или ином социальном институте и, соответственно, в определении ценностной картины мира его участников. Сложность моделирования институционального дискурса с прагматингвистических позиций состоит в доказательстве объективности полученных данных, т.е. в обосновании методов и приемов исследования.

Эти подходы не исключают друг друга, а являются взаимодополнительными.

С учетом сказанного охарактеризуем адресатную специализацию в публичном политическом дискурсе на примере выступлений политиков на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Генеральная Ассамблея представляет собой совещательный, директивный и представительный орган Организации Объединенных Наций, включающий на сегодня 193 члена и предназначенный для обсуждения актуальных вопросов поддержания мира и безопасности во всем мире. Ассамблея ежегодно собирается с сентября по декабрь. Участниками политического дискурса на этом форуме являются высшие представители исполнительной власти различных государств, дипломаты, журналисты, переводчики и опосредованно все мировое сообщество, получающее информацию о заседаниях в отчетах журналистов и в виде публикаций докладов, тиражируемых в СМИ.

В своем первом выступлении на Ассамблее 19 сентября 2017 года Президент США Дональд Трамп (<http://inosmi.ru/politic/20170920/240335250.html>) охарактеризовал международную обстановку, выделив в качестве узловых угроз для современности терроризм и авторитарные режимы:

Террористы и экстремисты набирают силу и распространяются по всей планете. Режимы-изгои, представленные и в этом зале, не только поддерживают террористов, но и грозят другим странам и своим собственным народам самым разрушительным оружием в истории человечества. Власть и авторитарные режимы пытаются подорвать ценности системы и альянсы, которые предотвращают конфликты и ведут мир к свободе со времен Второй мировой войны. Международная преступность торгует наркотиками, оружием, людьми, провоцирует массовую миграцию, угрожает нашим границам и создает новые формы агрессии, используя инновационные технологии для запугивания наших граждан.

Специализация адресатов этого обращения позволяет установить три типовые группы участников политического дискурса. К первой группе относится все мировое сообщество получателей информации, включая официальных лиц, и все человечество в виде читателей и слушателей масс-медиа. Президент США прямо называет врагов своей страны и всех народов мира — террористы, экстремисты, международные преступники и режимы-изгои. Определены действия этих субъектов: угрозы самым разрушительным оружием в истории человечества, торговля наркотиками, оружием и людьми, действия, провоцирующие массовую миграцию, осуществление новых видов агрессии, использование новых технологий для запугивания людей во всем мире. Такое позиционирование в речи Д. Трампа реализуется в виде оппозиции своих и чужих, к первым говорящий относит свою страну и тех, кто разделяет ценности американского народа, ко вторым — тех, кто противостоит этой системе ценностей.

Оппозиция «свои — чужие» поддерживается серией бинарных противопоставлений: успех команды действующего президента на прошедших выборах в США — поражение его политических противников; новые открытия и технологические возможности, позволяющие радикально улучшить жизнь многих людей — угрозы человечеству, усиленные возможностями новейших технологий; демократизм как базовый принцип политики США — авторитарность как отсутствие демократического устройства общества; значимый отказ США от территориальной экспансии — подразумеваемое отсутствие такого отказа со стороны оппонентов Америки; активное противодействие разрушительным тенденциям в развитии мирового сообщества — благодушное игнорирование этих тенденций; реализм политики США — нереалистичность планов со стороны конкурентов этой страны; добропорядочное большинство государств — порочное меньшинство.

Оратор прямо и недвусмысленно обозначает приоритеты государственной политики своей страны: это отстаивание собственных интересов, продвижение американских ценностей путем демонстрации своих успехов, активное противостояние режимам, позиционирующим себя в качестве врагов США, противопоставление руководства и населения в этих странах, сосредоточенность на проблемах внутренней политики в США и вытекающая отсюда экономия по отношению к помощи другим государствам.

Политические оппоненты нынешней администрации США — вторая группа адресатов — обозначены в речи Д. Трампа прямо: это лидеры Северной Кореи, Ирана и Сирии, которые названы руководителями тоталитарных режимов, приносящими вред своему народу и угрожающими всему миру, это президент Венесуэлы, провозгласивший свою приверженность идеалам социализма и коммунизма. Заслуживает внимания пассаж, характеризующий внутривнутриполитическую борьбу в США:

У себя в Америке мы стремимся укреплять деловые и торговые связи со всеми странами доброй воли. Но такая торговля должна быть справедливой и взаимной. Слишком долго американскому народу говорили, что гигантские многосторонние торговые сделки, никому не подотчетные международные трибуналы и влиятельные международные бюрократические аппараты — это лучший способ обеспечить

ему успех. Но пока звучали эти обещания, страна лишилась миллионов рабочих мест и тысяч заводов и фабрик. Находились и такие, кто обманывал систему и нарушал правила. Наш великий средний класс, составлявший когда-то незыблемую основу американского благополучия, был забыт и заброшен. Но больше это не повторится. Больше этих людей никто не будет игнорировать.

Д. Трамп высказывает критику в адрес своих политических соперников, сосредоточенных в Демократической партии США, воплощением которых являются бывший Президент Б. Обама и главный конкурент действующего Президента на недавних выборах Х. Клинтон. Объектами критики выступают бюрократические структуры в США и международных организациях, обманывающие американский народ и приносящие вред американскому среднему классу, интересы которого стремится выразить Д. Трамп.

Политический дискурс не требует сложных аллегорий и неоднозначных импликаций: речь американского президента прямо выражает политическую волю консервативного американского истеблишмента, ядро которого составляет средний класс англосаксонского населения страны. Обозначив своих политических оппонентов как «чужих», Президент США очерчивает круг «своих» внутри страны и за рубежом. К своим относятся те, кто поддержал Д. Трампа на выборах, и сторонники американской системы ценностей во всем мире, которых докладчик считает политическими реалистами, активно противостоящими разрушительным силам.

Обратим внимание на важную оппозитивную диаду: «добропорядочное большинство — порочное меньшинство». Эта диада отражает существенный сдвиг в массовом оценочном осмыслении демократии. В соответствии с известной схемой структуры концепта, предложенной Ю.С. Степановым, в каждом кванте переживаемого знания можно выделить три слоя — внутреннюю форму, обычно не осознаваемую носителями языка, дополнительные признаки, известные многим, но воспринимаемые как уточнение информации, основной актуальный признак [Степанов 1997: 44].

Исходный смысл демократии — власть демоса, свободного большинства в античной Греции, противопоставляемого аристократии и рабам, дополнительные признаки — система прав и обязанностей, составляющая основу политического устройства современного Западного общества (сменяемость выборной власти, учет интересов всех групп населения, разделение исполнительной, законодательной и судебной власти, независимая пресса и т.д.), основной признак — разрастание оценочного содержания концепта и размывание его понятийных и образных характеристик (демократия — это главная характеристика общественного устройства, свобода, ответственность, прогресс и т.д.) [Филиппова 2007]. Происходит сдвиг в понимании соотношения интересов большинства и меньшинства: в США интересы меньшинств получили в течение последних десятилетий приоритетное выражение по сравнению с интересами большинства, и это положение дел стало распространяться на весь мир, подверженный глобализации. Избрание Д. Трампа отразило сдвиг в сознании американцев: «добропорядочное» большинство требует учета его интересов в первую очередь. Оценочная гипертрофия характерна для

всех политических концептов: в частности, массы не вникают в понятийные оттенки содержания терроризма, этот концепт выхолащивается и превращается в ярлык для обозначения любых проявлений враждебной идеологии.

Специфика воздействия на третью группу адресатов — политологов, спичрайтеров и журналистов — показана в риторике оратора. Обратим внимание на аргументы, используемые Д. Трампом:

К счастью, после выборов 8 ноября прошлого года Соединенные Штаты чувствуют себя очень хорошо. Фондовый рынок находится на максимальной отметке, устанавливая рекорды. Уровень безработицы самый низкий за последние 16 лет.

Оратор акцентирует положительный образ своей страны и своей администрации, показывая экономический прогресс в качестве главного индикатора социального развития.

Скоро наши вооруженные силы будут самыми сильными, какими они были всегда.

Этот тезис представляет собой прямое выражение угрозы потенциальным противникам США.

И только от нас зависит, сумеем мы поднять мир на новые высоты, или позволим ему скатиться в хаос.

В содержательном плане акцентируется ответственность всех правительств за положение дел в мире, риторически выстраивается оппозиция позитивного и негативного развития человечества в виде символического противопоставления добра и зла как верха и низа.

Сильные суверенные страны позволяют человеку жить полной жизнью, дарованной ему Богом.

В этом высказывании смысловым центром является атрибут «сильные»: отсюда вытекает, что судьба мира решается только сильными игроками на политической арене, и большинство должно им подчиниться.

Соединенные Штаты всегда будут большим другом для всего мира, и особенно для своих союзников. Но мы больше никому не позволим пользоваться собой в своекорыстных интересах и заключать односторонние сделки, от которых Соединенные Штаты ничего не будут получать взамен.

Словосочетание «больше не позволим» является ключевым для понимания перспектив развития международных отношений: оратор прямо обвиняет предшествовавшую администрацию США в ошибочной политике, в результате которой американской экономике был нанесен ущерб.

Америка больше делает, чем говорит, отстаивая ценности, изложенные в Уставе ООН. ... Нам нужна гармония и дружба, а не конфликт и вражда. Мы руководствуемся не идеологией, а результатами. Мы проводим политику принципиального реализма, основанную на общих ценностях, интересах и целях.

Активно используется семантический контраст: дело и слово (прямое обвинение разных партнеров в лицемерии), гармония и конфликт, дружба и вражда (констатация приоритетов), результаты и идеология (прагматизм, а не идеологи-

ческие ценности, хотя заметим, что прагматизм — это идеология; слово «идеология» используется как ярлык для обозначения чужих идеологий).

Обращаясь к своим политическим оппонентам, Президент США характеризует их позицию в жесткой тональности осуждения:

Никто не демонстрирует такого презрения к другим странам и к благополучию собственного народа, как безнравственный режим Северной Кореи. Он несет ответственность за голодную смерть миллионов северокорейцев, а также за пытки, убийства, аресты и угнетение бесчисленного множества людей.

В устах оратора его противники показаны как преступники. Эта позиция сформулирована как прямая угроза военного нападения:

У Соединенных Штатов много сил и терпения, но если Америку вынудят защищаться или защищать своих союзников, у нас не останется выбора, кроме как полностью уничтожить Северную Корею.

Президент называет лидера КНДР «человеком-ракетой» (в оригинале *Rocket Man is on a suicide mission for himself and for his regime — Человек-ракета встал на самоубийственный путь для себя и для своего режима*).

В этом ироническом высказывании выражена аллюзия к фантастическому фильму «Человек-ракета» (1997), героем которого является нелепый смешной молодой человек, участник экспедиции на Марс. В ответ на такое обращение северокорейский лидер Ким Чен Ын назвал Президента США «испуганной лающей собакой». Подобный обмен инвективами не характерен для публичной межгосударственной дискуссии. Можно сделать вывод о том, что стилистика политического дискурса на сессии Генеральной Ассамблеи ООН приобретает характеристики драматургически организованного столкновения.

В аналогичной тональности выдержана характеристика руководства Ирана:

Под личиной демократии в Тегеране прячется коррумпированная диктатура. Она превратила богатую страну с многовековой историей и культурой в изгой с полуразрушенной экономикой, главной статьёй экспорта которого является насилие, кровопролитие и хаос. А главной жертвой иранских руководителей стал народ этой страны.

Обратим внимание на контраст: история и культура Ирана — его нынешнее положение, коррумпированная диктатура — иранский народ.

Заключительные слова в цитируемом выступлении представляют собой идеологически маркированный речевой акт взятия на себя обязательства:

Мы будем вместе бороться, будем вместе жертвовать собой, будем вместе выступать за мир, за свободу, за справедливость, за семью, за человечность, за Всемогущего Бога, который сотворил всех нас.

В этом высказывании выражено послание ко всем народам (призыв к совместной борьбе), к политическим оппонентам (ключевое слово — бороться), к спичрайтерам и журналистам (названы доминантные ценности политической элиты США — мир, свобода, справедливость, семья, человечность, Бог).

Выступление на этой же сессии Генеральной Ассамблеи ООН министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова (http://www.mid.ru/foreign_

policy/news/-/asset_publisher) тематически посвящено той же проблематике, что и речь Президента США (актуальные вопросы международной политики), его хромотоп совпадает с характеристиками времени и места для официальной коммуникации людей, имеющих соответствующие полномочия, но тональность и выбор коммуникативных поступков в составе этой речи отличаются от стилистики рассмотренного ранее доклада.

В самом начале своей речи С.В. Лавров напоминает присутствующим об основополагающих принципах международных отношений:

В декабре прошлого года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о содействии установлению демократического и справедливого миропорядка, в которой четко заявлено о недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенных государств, непризнании государственных переворотов как метода смены власти, необходимости исключить из международного общения попытки незаконного давления одних государств на другие, включая экстерриториальное применение национального законодательства.

Фактически речь идет о нарушении этих принципов, при этом подразумевается, что именно Соединенные Штаты Америки допускают вмешательства во внутренние дела других государств, организуют государственные перевороты, оказывают давление на правительства других стран. Прямым текстом это, однако, не выражено в соответствии с принятыми нормами дипломатического общения. Такая коммуникативная практика дает возможность коммуникантам в любой момент заявить, что та или иная интерпретация сказанного является субъективной.

Вместе с тем определенные позиции в выступлении российского министра обозначены предельно прямо:

Рассчитываем, что российское предложение будет способствовать урегулированию внутриукраинского кризиса, разразившегося в результате антиконституционного государственного переворота, совершенного ультра-радикалами. Надеемся на конструктивное, без игр с нулевым результатом, взаимодействие в этих вопросах с партнерами — как в Европе, так и в США.

Адресатом этих утверждений является все мировое сообщество, но предполагается, что основной политической оппонент нашей страны — США — верно проинтерпретирует озабоченность российского руководства сложившейся ситуацией. Обратим внимание на ключевые термины: *внутриукраинский кризис* (официальные лица и средства массовой информации на Западе прямо и косвенно говорят о вмешательстве России в ситуацию на Юго-Востоке Украины), *ультра-радикалы* (имеются в виду националистические группировки), *игры с нулевым результатом* (имитация дипломатических усилий). Профессионалы-политологи, выступающие в качестве референтов у официальных лиц, должны сделать выводы о том, что российское руководство не питает иллюзий относительно искренности своих партнеров.

С.В. Лавров говорит о том, что в Европе возрождается реваншизм:

В цивилизованной Европе допускают сносы памятников освободителям континента, героям Второй мировой войны, победа в которой создала фундамент Объединенных Наций.

Имеются в виду позорные факты демонтажа памятников советским воинам в независимых странах Восточной Европы. Словосочетание «цивилизованная Европа» приобретает оксюморонный смысл: не могут считаться цивилизованными те, кто допускает подобные действия.

Российский представитель призывает к сдержанному и сбалансированному подходу к решению проблемы на Корейском полуострове: однозначно отрицательно оцениваются *«ракетно-ядерные авантюры Пхеньяна»*, но вместе с тем сказано, что *«нагнетание военной истерии — не просто тупиковый, а губительный путь»*.

Такая истерическая риторика звучит как северокорейской, так и с американской стороны.

Говоря о применении химического оружия в Сирии, российский министр иностранных дел заявил, что такие случаи *«должны расследоваться честно и профессионально, без попыток манипулировать деятельностью Организации по запрещению химического оружия»*, тем самым имплицитно вывод о предвзятом отношении к этой проблеме со стороны противников сирийского Президента. Каждое слово дипломата имеет значимость: высказаны обвинения в нечестности, т.е. стремлении обмануть мировое общественное мнение, и в непрофессионализме, т.е. в недостаточно квалифицированном расследовании.

В речи российского министра уделено внимание новым проблемам современности, вызванным развитием информационных технологий:

Призываем сказать «нет» милитаризации информационного пространства. Нельзя допустить его превращения в арену военно-политического противоборства, использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как инструмента давления, нанесения экономического ущерба, пропаганды идей террористической и экстремистской идеологии.

Такие технологии являются не только катализатором прогресса, но и в значительной мере порождают вероятность кризиса в разных сферах человеческой активности.

Завершая свое выступление, С.В. Лавров ссылается на тезис античного мыслителя:

Два тысячелетия назад римский философ Сенека писал: «Мы рождены, чтобы жить совместно». Ближе всех к осознанию этой данности подошли отцы-основатели ООН. Они были убеждены (и записали это в Уставе), что само дарованное всем нам Богом сосуществование на одной планете должно заставить нас объединиться, чтобы не допустить ужасов новых войн. Сегодня для этого остро необходимо возрождение культуры дипломатии, диалога, поиска баланса интересов в противовес инстинктам быстрых решений и желанию «наказывать непокорных». По сути речь идет о сбережении человечества во всем его богатстве и многообразии.

Содержательно этот пассаж адресован всему человечеству и призван подчеркнуть миролюбие как основной приоритет внешней политики России. Критика в адрес оппонентов выражена применительно к практикуемым ими действиям,

которые основаны на инстинктах быстрых решений и желании доминировать (*наказывать непокорных*). Понятно, что инстинктивным действиям нужно противопоставить рациональные поступки, а стремление доминировать должно уступить место признанию многообразия человеческих организаций. Подчеркнем стилистику этого важного высказывания: цитируя Сенеку, С.В. Лавров не просто демонстрирует свою эрудицию, но и показывает, что Россия считает себя наследницей мирового интеллектуального богатства и стремится выражать общечеловеческие ценности. Выражение *«отцы-основатели»* исторически используется применительно к тем, кто заложил основы политического устройства США (Founding Fathers). Тем самым признается, что Россия ценит значимость вклада американской цивилизации в современное мироустройство.

Выступление министра иностранных дел Китайской Народной Республики Ван И на этой сессии Генеральной Ассамблеи ООН было выдержано в традиционной для Китая уважительной тональности по отношению к мировому сообществу (http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-09/22/content_41633207.htm). Как и другие докладчики, представитель Китая изложил понимание международной политической ситуации с позиций своей стороны, сделав акцент на китайском проекте развития человечества:

ООН внесла выдающийся вклад в дело мира и развития человечества, однако мечта о том, чтобы каждый человек мог наслаждаться миром, развитием и достоинством, пока не осуществилась. Два года назад председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на общих дебатах сессии ГА ООН призвал «создать международные отношения нового типа, ядром которых будут сотрудничество и взаимный выигрыш, а также построить глобальное сообщество с единой судьбой».

Заслуживает внимания формулировка «мир, развитие и достоинство» как перспектива развития человечества. Мир в этом контексте осмысливается как существование разных государств в обстановке сотрудничества, развитие — как возможность эффективно использовать достижения научно-технического прогресса и достоинство — как уважительное отношение всего мирового сообщества к каждому государству. Подчеркнуто, что эта мечта человечества до сих пор не осуществилась. Представитель Китая процитировал слова лидера своей страны о необходимости построения «глобального сообщества с единой судьбой». Этот тезис свидетельствует о готовности Китая взять на себя долю ответственности за развитие человечества в целом и свидетельствует о понимании руководством своей страны ее роли в судьбе всего мирового сообщества. Обратим внимание на то, что в выступлении американского Президента акцентированно выражена мысль о том, что приоритетом государственной политики США являются интересы его страны.

В этой связи оратор подчеркнул роль ООН, которая должна *«стать движущей силой мирового развития, продвигать демократизацию, рационализацию международных отношений, управлять ими на основе закона и направлять глобальное управление, способствовать многообразию цивилизаций, культур и наций и стать связующим звеном внутри человеческой цивилизации».*

В качестве концептуальных приоритетов мирового развития названы демократизация, рационализация, соблюдение законов, многообразие цивилизаций. Эти направления в известной мере соответствуют идеалам общественного устройства в конфуцианстве. Тем самым представитель Китая подчеркнул целесообразность учета исторических традиций. Стилистика его выступления свидетельствует о том, что Китай стремится избежать конфронтационных отношений с кем бы то ни было, настаивает на политике здравого смысла и развитии многообразия культур.

Финальный тезис выступления Ван И подчеркивает заинтересованность руководства его страны в мирном взаимовыгодном развитии человечества:

Прогресс Китая и дальше принесет миру больше дивидендов в области мира, развития и управления. Китай является «стабилизатором» в процессе осуществления мира на планете, «двигателем» в развитии и процветании, а также «ускорителем» для реализации мультилатерализма.

Обратим внимание на диалектику основных понятий в модели мира, которая изложена докладчиком: на первый взгляд, стабилизатор и ускоритель взаимно исключают друг друга, но в соответствии с китайской философской идеей взаимосвязи противоположностей (инь и ян) мировое равновесие базируется на подобных диадах. Мультилатеральность (многосторонность) отражает реальное положение дел и недопустимость унификации мирового порядка.

Министр иностранных дел Республики Казахстан К. Абдрахманов, выступая с докладом на этой сессии Генеральной ассамблеи ООН (<http://mf.gov.kz/ru/content-view/vystuplenie-ep-g-na-kajrata-abdrahmanova>), сосредоточил внимание на модернизации Казахстана, на роли своей страны в развитии регионального сотрудничества и важности борьбы за ликвидацию ядерного оружия:

Процессы экономической и политической модернизации будут сопровождаться нашим стремлением к модернизации национальной идентичности Казахстана и его собственного культурного кода, чтобы создать условия для нового поколения конкурентоспособных и прагматичных граждан и лидеров с жаждой знаний, прогрессивным сознанием и открытостью.

Обращаясь к мировому сообществу, министр подчеркнул стремление политического руководства своей страны вывести Казахстан на принципиально новый уровень экономического развития, для которого требуется воспитать новое поколение граждан республики в качестве активных современных компетентных и прагматичных людей. Прагматизм как мировоззрение является стержневым качеством общества, сориентированного на ценности рыночной экономики. Тем самым докладчик показывает элитам Западной цивилизации готовность его страны принять в качестве основных ориентиров высокую состязательность и приоритеты индивидуалистического мировоззрения.

Акцентируется важность укрепления регионального сотрудничества:

Мы делаем упор на создании в нашем регионе Центральной Азии модели региональной зоны мира, безопасности, развития и сотрудничества.

Эта модель созвучна китайскому проекту «Один пояс — один путь», предполагающему взаимовыгодное экономическое и идеологическое развитие независимых государств Центральной Азии.

Особое внимание оратор уделил теме ядерного оружия, заявив о том, что необходимы «*всеобъемлющий запрет ядерных испытаний, полный запрет ядерного оружия, а также полное и поддающееся проверке уничтожение ядерных арсеналов*».

Этот тезис адресован мировому сообществу как отчетливое выражение осуждения испытаний ядерного оружия, проводимых в Северной Корее.

Известны достижения Казахстана по борьбе с международным терроризмом. Представитель республики сформулировал конкретные предложения для повышения эффективности этой борьбы:

Казахстан выступает за максимально широкое применение многосторонних механизмов и инструментов для борьбы с иностранными боевиками-террористами и закрытие каналов финансовой поддержки их деятельности за счет незаконной торговли наркотиками, природными ресурсами и культурным наследием. Поскольку существует широкий спектр подходов к проблеме контроля над интернет-контентом, Организация Объединенных Наций необходимо предпринять согласованные действия для предотвращения использования Интернета для вербовки, распространения террористической идеологии и радикализации населения, особенно среди молодежи. В Казахстане мы работаем над созданием национальной системы «Кибер-щит».

Этот тезис адресован мировому сообществу, но вместе с тем является призывом к специалистам во всем мире ускорить работу по повышению надежности защиты пользователей сети Интернет от воздействия террористической идеологии на молодежь через современные сетевые технологии. Обратим внимание на стилистику выражения приоритетов внешней политики Казахстана: используются рациональные аргументы, а не риторические фигуры украшения речи.

ВЫВОДЫ

Подведем основные итоги.

Публичный политический дискурс в жанре официальных выступлений на международном форуме представляет собой выражение идеологических приоритетов руководства страны, которую представляет оратор. Эти приоритеты формулируются в двух основных разновидностях: с акцентированием интересов своего государства либо всего мирового сообщества. Тематика таких выступлений отражает актуальные проблемы современной политической ситуации и противоборство основных участников мировой политики. Институциональная организация такого дискурса соответствует канонам международных встреч дипломатов, но возможны отклонения от этих канонов. Основными адресатами такого дискурса выступают представители мирового сообщества, включая заинтересованное население своих стран и стран-союзников. Тезисы, вынесенные на обсуждение, предназначены и для тех адресатов, которые являются оппонентами, а в ряде случаев и противниками говорящих. Предполагается, что эти адресаты должны сделать выводы о возможности последующих действий со стороны своих критиков. Стилистика таких выступлений, их риторическая организация отражают вкусовые предпочте-

ния основных участников современного политического процесса, эти предпочтения оказывают влияние на вербальное поведение политологов и медийных специалистов. Тональность выступлений политиков, выбор тех или иных коммуникативных поступков являются важнейшими индикаторами возможного перевода слов в действия.

© Карасик В.И.

Дата поступления: 1.01.2018

Дата приема в печать: 9.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография. Волгоград: Нива, 2008.
2. Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России—2: Материалы раб. совещ. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 6—8.
3. Балашова Л.В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40—50.
4. Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. 188 с.
5. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108—118.
6. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 88—120.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие. Екатеринбург: УрГПУ, 2006.
8. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Волгоград: Перемена, 1997.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
10. Карасик В.И. Адресатная специализация в разных типах дискурса // Языковые процессы в эпоху глобализации: Материалы Международного научного семинара (Москва, 22 декабря 2016 г.). М.: МГПУ, 2016. С. 79—86.
11. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
12. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург—Пермь: ЗУУНЦ, 1995.
13. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22—129.
14. Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995.
15. Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
16. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170—194.
17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
18. Филиппова М.А. Идеологический концепт «демократия» (на материале лингвокультуры США): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
19. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
20. Bergsdorf W. Politik und Sprache. München, Wien: Olzog, 1978.

21. *Bitzer L.F.* Political Rhetoric // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 225—248.
22. *Chilton P.A.* Politics and Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R.E. Asher. Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. P. 3214—3221.
23. *Denton R.E. Jr., Woodward G.C.* Political Communication in America. New York: Praeger, 1985.
24. *Dieckmann W.* Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Heidelberg: C. Winter, 1969.
25. *Dijk T.A. van.* Discourse Semantics and Ideology // Discourse and Society. Vol. 6. No. 2. 1995. P. 243—285.
26. *Graber D.* Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195—224.
27. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann, 1984.
28. *Meadow R.G.* Politics as Communication. Norwood (New Jersey): Ablex Publ. Co., 1980.
29. *Zimmermann H.D.* Die politische Rede: Der Sprachgebrauch Bonner Politiker. Stuttgart: Kohlhammer, 1975.

УДК: 81'276.6:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49

ADRESATA SPECIALIZATION IN PUBLIC POLITICAL DISCOURSE

Vladimir I. Karasik

Volgograd State Socio-Pedagogical University
Lenina pr., 27, Volgograd, Russia, 400066

Abstract. The paper deals with public political discourse as presented in official speeches at the UN General Assembly sessions. I argue that main approaches to discourse studies may be defined as analysis of topic, institutional structure, tonality and performative meaning of communication. Three main types of addressees in public political discourse are singled out: general public, basic opponents and professional interpreters. Usually orators emphasize the priorities of humankind when analyzing the world political situation but sometimes they make accent on the problems of their own states or regional interaction. Stylistic and rhetorical format of official presentations at the UN mostly corresponds to norms of diplomatic interaction but sometimes it deliberately deviates from such norms which proves that media discourse with its entertaining techniques gradually infiltrates new areas of communication. Political speech tonality is the most important priority indicator of possible practical actions the world powers may take in their international policy.

Key words: political discourse, institutional communication, addressee specialization, emotional and stylistic format, verbal behavior

REFERENCES

1. Astafurova, T.N. & Olenic, A.V. (2008). Lingvosemiotika power: sign, word, text. Volgograd: Niva. (In Russ).
2. Bazylev, V.N. (1998). To the study of political discourse in Russia and the Russian political discourse the Political discourse in Russia—2: proceedings of the RAB. the meeting. Moscow: Dialogue-MSU. pp. 6—8. (In Russ).

3. Balashova, L.V. (2014). The Implementation of the concepts of “friend or foe” in Russian political discourse of the beginning of XXI century, *Political linguistics*, 1 (47). pp. 40—50. (In Russ).
4. Baranov, A.G. (2008). Pragmatics as the methodological perspective of the language. Krasnodar: Prosveschenie-Yug. (In Russ).
5. Baranov, A.N. (1997). Political discourse: a farewell to ritual, *Man*, 6. pp. 108—118. (In Russ).
6. Blakar, R.M. (1987). Language as a tool of social power. In *Language and modeling of social interaction*. M.: Progress. pp. 88—120. (In Russ).
7. Budaev, E.V. & Chudinov, A. P. (2006). Modern political linguistics: teaching aid. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ).
8. Wodak. R. (1997). Language. Discourse. Politics / TRANS. from English. and it. Volgograd: Peremena. 139 C. (In Russ).
9. Karasik, V.I. (2002). Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. 477 p. (In Russ).
10. Karasik, V.I. (2016). Adresata specialization in different types of discourse. In *Linguistic processes in the era of globalization: Materials of International scientific seminar (Moscow, 22 December 2016)*. M.: MGPU. pp. 79—86. (In Russ).
11. Kostomarov, V.G. (1994). Language taste of epoch. From observations of speech practice of mass-media. Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ).
12. Kupina, N. (1995). Totalitarian language: dictionary and speech reaction. Ekaterinburg—Perm: SOUNZ. (In Russ).
13. Austin George. (1986). Word as action, *New in foreign linguistics*. Vol. XVII. The theory of speech acts. M.: Progress. pp. 22—129. (In Russ).
14. Popova, E.A. (1995). Cultural and linguistic characteristics of political discourse (on the material of newspaper interviews): [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ).
15. Popov, S.V. (2011). Linguo-cultural type “school teacher”: the subjective positioning: [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ).
16. Searle, J.R. (1986). The classification of illocutionary acts. In *New in foreign linguistics*. Vol. 17. M.: Progress. pp. 170—194. (In Russ).
17. Stepanov, Y.S. (1997). Constants. Dictionary of Russian culture. Study experience. Moscow: School “Russian culture Languages”. (In Russ).
18. Filippova, M.A. (2007). Ideological concept of “democracy” (in the linguistic culture of the USA): [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ).
19. Sheigal, E.I. (2004). Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ).
20. Bergsdorf, W. (1978). Politik und Sprache. München, Wien: Olzog.
21. Bitzer, L.F. (1981). Political Rhetoric. In *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London: Sage Publications. pp. 225—248.
22. Chilton, P.A. (1994). Politics and Language. In *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, R.E. Asher (ed.). Oxford, New York: Pergamon Press. pp. 3214—3221.
23. Denton, R.E.Jr. & Woodward, G.C. (1985). Political Communication in America. New York: Praeger.
24. Dieckmann, W. (1969). Sprache in der Politik. Einführung in die Semantik und Pragmatik der politischen Sprache. Heidelberg: C. Winter.
25. Dijk, T.A. (1995). Van. Discourse Semantics and Ideology. *Discourse and Society*, 2. Vol. 6. pp. 243—285.
26. Graber, D. (1981). Political Languages. In *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, London: Sage Publications. pp. 195—224.
27. Habermas, J. (1984). The Theory of Communicative Action. Vol.1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann.
28. Meadow, R.G. (1980). Politics as Communication. Norwood (New Jersey): Ablex Publ. Co.
29. Zimmermann, H.D. (1975). Die politische Rede: Der Sprachgebrauch Bonner Politiker. Stuttgart: Kohlhammer. (In Russ).

Для цитирования:

Карасик В.И. Адресатная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 32—49. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

For citation:

Karasik, V.I. (2018). Adresata specialization in public political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 32—49. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

Vladimir I. Karasik, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 32—49. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории английского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета; *научные интересы*: социолингвистика, лингвокультурология, теория дискурса; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru

Bio Note:

Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of theory of English language at the Volgograd State Social and Pedagogical University; *scientific interests*: sociolinguistics, cultural linguistics, theory of discourse; *e-mail*: vkarasik@yandex.ru

УДК: 81'276.12:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДИСФЕМИЗМОВ (на материале политического дискурса)

М.В. Лысякова, А.А. Гаева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2А, Москва, Россия, 117198

Виртуальная картина политической медиареальности, отражающая в СМИ функционирование современных политических систем, оказывает существенное воздействие на сознание граждан, приобретая в настоящее время все большую актуальность. Объектом данного исследования стали способы и особые лексические средства подобного воздействия, реализующие коммуникативные интенции адресата, — дисфемизмы русского языка. Противопоставленная эвфемии, весьма полно описанной в лингвистической литературе, дисфемия до настоящего времени не получила сколько-нибудь последовательного системного изучения. Научная новизна работы заключается в установлении лексико-грамматической природы дисфемизмов, выявлении их морфологической структуры, частеречной классификации дисфемизмов, анализе функционально-грамматических трансформаций дисфемизмов в разных типах политического дискурса.

В работе предложено лексико-стилистическое определение дисфемизма с учетом его прагматических функций и приоритетных сфер функционирования; показано принципиальное отличие использования дисфемизмов в разговорной речи, публицистике, политическом медиадискурсе. Центральным объектом рассмотрения стала важнейшая характеристика дисфемии — ее лексико-грамматический аспект. В статье на обширном текстовом материале проводится последовательный анализ дисфемизмов разной частеречной принадлежности: имен существительных, прилагательных, глаголов, наречий, частиц, междометий и звукоподражательных слов.

В результате проведенного исследования установлено, что в политическом дискурсе в роли дисфемизмов преимущественно используются дисфемизмы-существительные. Особое эмоционально-оценочное наполнение получают имена собственные — антропонимы (в том числе прозвища) и топонимы (комонимы). Допускающие высокую вариативность конкретные имена существительные реализуют дисфемистическую функцию чаще существительных других разрядов.

В стратегиях дискредитации также частотны имена прилагательные всех трех разрядов — качественные, относительные, притяжательные. Отмечена дисфемистическая активность качественных прилагательных. Прилагательные относительные, как правило, выполняют дисфемистическую функцию в составе фразеологических оборотов. Выявлено усиление дисфемистического эффекта в двухсловных композитах «дисфемизм-прилагательное + дисфемизм-существительное».

Активно дисфемизируют формы глагола с семантикой состояния, активного действия и результата действия. Частицы, междометия и звукоподражания реализуют дисфемистическую функцию крайне редко.

Авторская неология, грамматические трансформации, окказиональные способы словообразования значительно расширяют дисфемистический репертуар, корпус дисфемистических наименований русского языка, постоянно обогащая исследовательский материал, поддерживая научно-практический интерес к столь актуальному явлению языка и речи.

Ключевые слова: политический дискурс, дисфемия, дисфемизм, лексико-грамматическая природа дисфемизмов, грамматические трансформации дисфемизмов

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время одним из актуальных направлений лингвистических исследований является изучение политического дискурса. Вследствие наступившей эпохи глобализации коммуникативного пространства, многоуровневости и способности охватить деятельность всех институтов современного общества дискурс становится масс-медиальным. Политический медиадискурс представляет собой «коммуникативный процесс обмена между политическими акторами и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса» [Сулина 2014: 221].

Политический медиадискурс находится в тесной взаимосвязи со средствами массовой информации, являющимися каналом его передачи, но при этом оставляющими за собой право на интерпретацию тех или иных событий в зависимости от интересов представляемой группы людей. Таким образом, медиадискурс становится совокупностью конкурирующих между собой способов интерпретации событий в СМИ, связанных с применением определенных манипулятивных медиа-технологий, рассматриваемых в качестве «mass-media-оружия» [Русакова, Грибовод 2014: 65]. Кроме того, политический медиадискурс характеризуется коммуникативной природой, наличием политических акторов, тематической определенностью, а также развитой речевой культурой.

Основная функция политического медиадискурса заключается в формировании коллективной политической картины мира через выработку и трансляцию определенных образов и смыслов, идеологических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений. Сконструированная медиадискурсом виртуальная картина политической реальности представляет собой политическую медиареальность, которая включена в символическое поле политики и оказывает существенное воздействие на политическое сознание граждан [Русакова, Грибовод 2014: 65]. Способы и средства этого воздействия стали объектами исследования многих научных работ, посвященных лингвистике медиатекста.

Одним из основных направлений в исследовании текстов политического медиадискурса является рассмотрение специфики функционирования лексических средств, их роли в реализации коммуникативной цели адресанта. В этом смысле особый интерес представляют эвфемизмы и дисфемизмы, способные к передаче формально одинаковой информации с разной оценочной интерпретацией.

В современной филологии принята точка зрения, согласно которой термин *эвфемизм* происходит от греческого *euphemismos* (*eu* — «хорошо», *phemi* — «говорю», *eupheteo* — «говорю вежливо», *euphemia* — «благоречие, воздержание от неподобающих слов»). Этот термин означает «смягчающее выражение того, что представляется говорящему нетактичным, неприличным, грубым по отношению к слушающему» [Арапова 1997: 636]. Эвфемизмы, в отличие от дисфемизмов, как риторические и стилистические единицы изучаются на протяжении пяти веков, начиная с 80-х годов XVI в.; термин *эвфемизм* ввел в обращение английский писатель Дж. Блаунт [Москвин 2007: 9].

Прагматическая функция эвфемизмов состоит в их способности «скрывать, затушевывать, вуалировать явления, имеющие в общественном сознании заведомо негативную оценку» [Беляева, Куликова 2009: 17]. Эвфемизмы способны отвлечь внимание получателя информации от объекта, потенциально вызывающего антипатию. Скрывая истинную сущность явления созданием нейтральной или положительной коннотации, эвфемизмы превращаются в средство манипуляции реципиентом, обычно не успевающим идентифицировать эвфемизмы в контексте. Приведем пример: в 2016 г. в одном из своих выступлений Премьер-министр РФ Д.А. Медведев сделал прогноз на текущий год:

«Рост экономики будет нулевым или в отрицательной зоне»¹.

Нулевой рост экономики есть стагнация, в свою очередь *отрицательный рост экономики* в сущности является ее упадком. Лексема *рост*, ключевая в данном высказывании, эвфемистично вуалирует истинное положение дел в экономике государства.

В современной лингвистике об эвфемии и эвфемизмах создано гораздо больше научно-исследовательских работ и монографий, чем по дисфемии, которая обрела первичную научную базу только в последние два десятилетия в связи с отменой в 90-е годы XX века цензуры и возросшей частотой употребления дисфемизмов в речи [Арапова 1997: 10, Катенева 2013: 270, Ковшова 2007: 7, Райчева 2010: 2].

Дисфемизм — бранное, грубое, просторечное или даже нейтральное (реже с мелиоративной окраской) слово или выражение, употребленное с целью дискредитации адресата или выражения негативной оценки со значением неодобрения, пренебрежения, презрения. Активно используется в публицистике, особенно в политическом дискурсе, для привлечения внимания читателя к определенной проблеме с целью направленного воздействия, т.е. формирования мнения. В этом смысле роль дисфемизмов в разговорной коммуникации принципиально иная. В быденном общении дисфемизм, как правило, — средство выражения эмоций или элемент речевой агрессии, и только в этом последнем случае дисфемизмы являются средством воздействия, реализующим волюнтаривную модальность приказа или запрета.

Для политического медиадискурса характерно использование дисфемизмов в текстах оппозиционного характера, цель которых не просто изобличить эвфемизмы в первичных источниках, но и обратить особое внимание на скрывающиеся за ними денотаты путем их замены отрицательно окрашенными синонимами или негативным оценочным суждением. Ср.:

*Экономика России **развалится** в этом году².*

В настоящее время дисфемия частично рассматривается в рамках практической стилистики, лексикологии и семантики. Научные работы, посвященные дисфемии, направлены преимущественно на изучение ее функциональных свойств, в то время как социолингвистический, прагматический и когнитивный аспекты дисфемии стали объектом анализа сравнительно недавно — эти исследования

¹ <https://obzor.press/biznes/2016050421389>.

² <https://allinvestments.ru/ekonomika-rossii-razvalitsya/>.

носят нерегулярный, точечный характер. Незаслуженно остается в стороне лексико-грамматический аспект, являющийся не менее важной характеристикой дисфемии. Кроме политического дискурса, в данной работе обратимся и к иным сферам речевой деятельности для более полного описания лексико-грамматической природы дисфемизмов.

Использование той или иной лексической единицы обусловлено не только ее семантикой, лексическим значением, но и грамматическими характеристиками.

ДИСФЕМИЗМЫ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Самый значительный класс слов, функционирующих в роли дисфемизмов, составляют имена существительные. Приоритетная функция дисфемизации — дискредитация определенной личности, группы людей или любого другого объединения — обуславливает широкое употребление дисфемизмов-существительных, так как именно этот класс, обладающий категориальным значением предметности, используется для прямой номинации предмета или явления, которой авторы подменяют или дополняют имя (если речь идет о человеке) или название (если речь идет о группе людей, организации и т.д.) объекта дискредитации.

Традиционное деление существительных на имена собственные и нарицательные применимо и к дисфемизмам. В составе имен собственных преобладают дисфемизмы-антропонимы. На функционирование антропонимов в речи влияют различные социальные факторы, в связи с этим априори лишённые лексических значений антропонимы приобретают контекстуальные оттенки значения, в которых содержатся социальный, эстетический, оценочный и эмоциональный компоненты. Антропонимы могут быть использованы как средства дискредитации не только отдельной личности, но и группы людей.

В большинстве случаев признаком эмоционально-оценочного наполнения антропонима является изменение его формы [Гайдук 2001: 10]. Тем не менее, некоторые антропонимы приобретают отрицательную коннотацию, не претерпевая при этом изменений в своей морфологической структуре. Поэтому ответ на вопрос, допустима ли интерпретация того или иного антропонима как дисфемизма, определяется контекстом его употребления.

Обратим внимание на являющееся частью антропонимики понятие «прозвище». Прозвище — название, данное человеку помимо его имени (обычно указывающее на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности) [Ефремова 2000: 165]. Некоторые из рассматриваемых антропонимов, ввиду своей неосновной номинации, можно интерпретировать как прозвища, но это не одно и то же. Эти два понятия необходимо разграничить. Прозвище — это, прежде всего, постоянное название человека, в то время как окказиональный антропоним — скорее, специальная номинация, используемая в определенных ситуациях.

Рассмотрим примеры, где производный антропоним выполняет дисфемистическую функцию:

А Журик сказал, что: «Все коммунисты негодяи и подонки, однозначно!». Этот «либеральный святой» был редактором журнала ЦК КПСС «Коммунист»³.

³ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

Жирик — антропоним, производный от фамилии Жириновский. Вследствие усечения фамилии и прибавления к усеченной основе суффикса *-ик-* данный антропоним приобрел негативную коннотацию с оттенком пренебрежения, причем не зависящую от контекста. Вот еще пример:

*Чтобы снять премьеру, Янек может и найдет необходимое количество депутатов — но создать коалицию, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на премьеру, силенок не хватает*⁴.

Для читателей, следящих за политической обстановкой на Украине, является очевидным, что *Янек* не личное имя, а прозвище, производное от фамилии Янукович, — результат усечения исходного антропонима и прибавления, вносящего оттенок пренебрежения суффикса *-ек-*.

Отдельные случаи дисфемизации существительных, производных от личных имен, верифицируются исключительно контекстом. Приведем следующие примеры:

*Нерусские приехали в «Зенит», чтобы отбирать рабочие места у простых пацанов. У Саньки Кержакова, у Володьки Быстрова, у Саишки Анюкова, а ведь и Славку Малафеева можно подсидеть. Причем у них тоже зарплата — два с половиной ляма*⁵.

Использование фамильярных, пренебрежительных уменьшительно-ласкательных имен, образованных присоединением суффикса *-к-*, усиливает и без того ироничное высказывание.

Проанализируем следующие контексты:

1. *Однако демарш «Петро шоколадного» с энтузиазмом был поддержан его сторонниками и националистами*⁶.

Украинский вариант имени *Петр* в контексте русскоязычной газеты приобретает пренебрежительный оттенок, усиленный определением *шоколадный*.

2. *Кроме того, реформы несравненного Мишико привнесли разнообразие в работу честных грузинских полицейских*⁷.

Мишико — прозвище Михаила Саакашвили, традиционное грузинское уменьшительно-ласкательное обращение к ребенку. Таким образом, журналисты сравнивают политического деятеля с инфантильным человеком, подобно ребенку, не отдающим отчета в своих действиях.

Некоторые прозвища не являются однокоренными с исходным антропонимом, например:

*Украинские политики так достали, что стали героями колоды карт: Порох, Пастор, Маршал Гречка*⁸.

⁴ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

⁵ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

⁶ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

⁷ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

⁸ <http://newsoboz.org/obshchestvo/ukrainskie-politiki-tak-dostali-chto-stali-geroyami-kolody-18112015075600>.

Прозвище Петра Порошенко *Порох* лишь созвучно с именем политика, но не образовано от него. Порошенко получил это прозвище в результате своей агрессивной политики в отношении Донбасса, бесчисленных мобилизаций, эскалации гражданской войны. Прозвища *Пастор* и *Маршал Гречка*, данные украинским политикам Александру Турчинову и Геннадии Корбану, — результат ассоциативного мышления, а не морфологических трансформаций. Прозвище *Пастор* было дано А. Турчинову за чтение проповедей в церкви Евангельских христиан-баптистов, где он принял второе крещение; Г. Корбан, участвовавший в выборах народных депутатов Украины, незадолго до самих выборов раздавал избирателям гречку и другие продукты.

Употребление антропонимов в форме множественного числа также может служить средством дисфемизации, что подтверждается следующими примерами:

*Но разве писатель не знает, что Горбачевы приходят и уходят, а советский народ был и останется*⁹.

*Ведь понятно уже давно, что миром правят такие, как Вальцманы, Чубайсы и Рокфеллеры*¹⁰.

Антропонимы, употребленные в данном контексте во множественном числе, приобретают пейоративную коннотацию с оттенком презрения, неодобрения. Кроме того, каждая из перечисленных персон сама по себе уже является символом отрицательных качеств.

Часто антропонимы в форме множественного числа переходят из разряда имен собственных в категорию имен нарицательных с характерным написанием со строчной буквы:

*А русские, как всегда: часть герои, остальные обломовы*¹¹.

*Это наконец-то и поняли люди: при Сталине чубайсы не могли бы ограбить страну, при первой же попытке их поставили бы к стенке*¹².

При этом лексическое значение у этих антропонимов по-прежнему отсутствует — об оттенках значения можно судить, только обратившись к самой исторической личности или персонажу.

Антропоним может стать дисфемизмом в результате присоединения отрицательной частицы *не*, если денотат исходного антропонима характеризуется позитивно, например:

*он же дааалеко не Бред Питт*¹³.

Бред Питт — одна из самых популярных ассоциаций с обаятельным мужчиной, носителем положительных качеств. Отрицание в данном случае демонстрирует

⁹ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

¹⁰ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

¹¹ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

¹² <http://ruscorporu.ru/index.html>.

¹³ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

отсутствие свойств, присущих идеалу, и, как следствие, передает негативную коннотацию с оттенком пренебрежения. Еще один пример:

*Он, если по совести рассудить, конечно, не Аполлон там какой-нибудь*¹⁴,

— где антропоним с отрицанием выполняет аналогичную функцию. В статье об экранизации романа Л.Н. Толстого «Война и мир» актер, исполняющий роль Анатоля Курагина, был охарактеризован так:

*В общем, не Лановой*¹⁵,

— то есть не красавец, не оболститель, не обладает соответствующей харизмой.

Наконец, существуют антропонимы, дисфемистичность которых актуализируется только контекстом, так как их структура не подвергалась морфологическим трансформациям:

*Равного ему по количеству невинно пролитой крови нет в мировой истории. Малюта Скуратов ничто перед ним (о Дзержинском)*¹⁶,

— антропоним *Малюта Скуратов* используется с целью отрицательной характеристики другого лица.

Как показал обширный текстовый материал, в политическом дискурсе разряд имен собственных представлен преимущественно дисфемизмами-антропонимами, однако дисфемистическую функцию реализуют также и географические названия:

*Несколько хлопцев, не нашедших себя в своих **Вапнярках** и **Крыжополях**, в бэушной «цифре» с натовских складов с самострочными шевронами и корявыми нашивками на рукавах важно прохаживаются по двору*¹⁷.

В своих Вапнярках и Крыжополях — значит, в «медвежьих углах»: актуализируется яркая, образная внутренняя форма названий села и поселка; негативный эффект, интенция пренебрежения усилены формой множественного числа исходных комонимов.

Обратимся к нарицательным дисфемизмам-существительным и проанализируем их в рамках представленной в «Русской грамматике» традиционной классификации имени существительного по лексико-грамматическим разрядам (конкретные, отвлеченные, собирательные и вещественные) [Русская грамматика 1980: 459].

Конкретные имена существительные представлены дисфемизмами, обозначающими дискретное множество предметов, а также элементы этого множества. Рассмотрим данный класс на следующих примерах:

*У него наверняка висели сопли до колена, он точно был **урод** и **дурак***¹⁸.

Существительные *урод* и *дурак* являются собственно дисфемизмами и относятся к разряду конкретных существительных. Хотя в данном контексте эти лексе-

¹⁴ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

¹⁵ <http://www.kp.ru/daily/26341.3/3222782/>.

¹⁶ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

¹⁷ <http://www.kp.ru/daily/26358/3240170/>.

¹⁸ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

мы употреблены в форме единственного числа, в медиатекстах они употребляются и во множественном числе:

*Русские дураки наконец-то вымерли — остались только преуспевающие global Russians*¹⁹.

Реализуя дисфемистическую функцию, конкретные имена существительные претерпевают структурные изменения:

*розыгрыш, и он как дурачок на него попался*²⁰,

или:

*Этот доигрался, дурачина*²¹.

Такие трансформации отражаются на оттенке лексического значения производящего слова, но не на его лексико-грамматической принадлежности. Вследствие подобных морфологических изменений дисфемистическую функцию могут выполнять дериваты нейтральных по своей семантике слов, например:

*Где деньги, депутатишко?*²²

Лексическая единица *депутатишко* образована от существительного *депутат* прибавлением уменьшительно-пренебрежительного суффикса *-ишк-* [Русская грамматика 1980: 203], передающего дополнительное дисфемистическое значение. Дисфемизмами становятся и словообразовательные неологизмы:

*По мнению депутата, Балоба готовится облачиться в одежды эдакого неконституционного вице-президента, пытаясь давать оценки всем ветвям власти*²³.

Лексеме *президент (вице-президент)* не свойственно образование производных с уменьшительно-ласкательным значением; окказиональное прибавление уменьшительного суффикса *-ик-* придает высказыванию оттенок пренебрежения и неодобрения, подкрепляемый прилагательным *неконституционный*.

Некоторые трансформации усиливают лексическое значение производящей основы прибавлением суффиксов со значением увеличения, например:

*дурачки-то есть...но вы не дурачок... вы дурачище*²⁴.

Данный пример демонстрирует изменение семантики лексической единицы в результате присоединения суффикса *-ищ-* (ср. *дурачок* — *дурачище*) — таким образом в слове, изначально имеющем дисфемистическое значение, значительно усиливается пейоративная эмоционально-экспрессивная окраска.

Проанализируем употребление в роли дисфемизмов имен существительных с суффиксом *-ищ-*:

*Вот убоище, этот Пётр Павленский с квадратным взглядом*²⁵.

¹⁹ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

²⁰ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

²¹ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

²² <http://ulnovosti.ru/content/21/25217/>.

²³ https://comments.ua/politics/122919-YAnukovich_obitsyaie_do_kintsya_tizhnya.html.

²⁴ <http://newsland.com/news/detail/id/1117227/>.

²⁵ <http://politua.su/2015/11/14/7162/>.

*Такое **убоище**, как продемонстрировал харьковский клуб в Киеве в псевдодомашнем матче против «Легии», назвать игрой язык не поворачивается*²⁶.

Убоище (от *бить*), согласно «Историко-лингвистическому словарю трилогии «Государева вотчина» [Шарифуллин 2007: 296], — «место, где были убиты животные», «о человеке, отбившемся от рук». Однако словарные значения не соответствуют приведенным контекстам, что позволяет заключить следующее: 1) авторы использовали данное слово вместо созвучной ему ненормативной табуированной лексемы, запрещенной к использованию в публичных изданиях; 2) употребление дисфемизма в роли эвфемизма свидетельствует о функциональном синкретизме.

Конкретные имена существительные реализуют дисфемистическую функцию чаще существительных других разрядов, так как разряд конкретных существительных допускает высокую вариативность, что следует из примеров. Кроме того, конкретные существительные представляют прямую номинацию предмета или явления, что обычно и используют авторы для привлечения внимания читателя.

Отвлеченные существительные отличаются от существительных других разрядов главным образом тем, что не изменяются по числам и образуются, как правило, с помощью особых суффиксов: *-ость-*, *-есть-*, *-ств-*, *-изм-*, *-ствиј-*, *-от-*, *-изн-*, *-ениј-*, *-аниј-*, *-ниј-*, *-ациј-*. Рассмотрим пример:

*Сейчас никакой не социализм, не капитализм, сейчас **сволочизм***²⁷.

Сволочизм — слово, образованное от конкретного существительного *сволочь* путем прибавления к основе суффикса отвлеченного существительного *-изм-* со значением состояния, явления. Не менее продуктивным при образовании дисфемизмов-отвлеченных существительных является суффикс *-ств-* со значением отвлеченного признака:

*Это уже само по себе выглядит тотальным **идиотством**, замешенным на тотальной же алчности*²⁸.

Еще пример:

***Тупизна** на марше — Киев лишил себя даже гипотетической возможности арестовать Захарченко*²⁹.

Существительное образовано от основы качественного прилагательного *тупой* присоединением суффикса *-изн-*, служащего для образования слов с семантикой отвлеченного признака.

Дисфемизмы могут быть образованы также и с помощью менее продуктивных заимствованных по происхождению суффиксов:

***Дебилизация** американского общества прошла точку возврата*³⁰.

²⁶ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

²⁷ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

²⁸ http://pravda.ks.ua/kherson_ks/important/27138-krymskij-paradoks-mozhet-luchshe-mobilno.html.

²⁹ <http://www.politnavigator.net/tupizna-na-marshe-ukraina-lishila-sebya-dazhe-gipoteticheskij-vozmozhnosti-arestovat-zakharchenko.html>.

³⁰ <http://www.opocuu.com/0708112.htm>.

Суффикс *-аццј-* используется, как правило, при образовании имен существительных от глаголов, однако в данном случае налицо словообразовательная лакуна с пропущенным глаголом: *дебил — дебилизм — дебилизация*.

Собирательные существительные обычно имеют форму только единственного числа и образуются с помощью суффиксов *-ств-*, *-еств-*, *-ј-*, *-н-* (*-я*), *-цј-*, *-от-*. Рассмотрим пример:

Польский профессор назвал украинских солдат «бандеровским отребьем»³¹.

В существительном *отребье* вычленяется деривационный суффикс *-ј-*, служащий маркером собирательного существительного. Дисфемизм с суффиксом *-от-* употреблен в следующем контексте:

Преимущественно неиспользуемая компьютерная хренома³².

Еще пример:

Жратва — фигня, но если хохлы рубанут свет, то надо сваливать из Крыма. Здесь нечего будет делать!³³

Фигня — существительное, образованное с помощью суффикса *-н-* и имеющее характерное для данной позиции окончание *-я*. Кроме того, представляет интерес слово *жратва*, относящееся к собирательным существительным не столько по грамматическим признакам, сколько по семантическим. Сравни также:

ДНРовский сброд намылывается в Сирию³⁴.

Торгаш, ремесленник, дрянь разная, шваль, и, однако, они теперь герои дня!

Или:

Благодаря голосам быдла я в течение пяти лет буду причастен к распределению бюджета самой большой страны в Европе³⁵.

Существительные *сброд*, *дрянь*, *шваль*, *быдло* являются собирательными.

Вещественные дисфемизмы-существительные чаще всего не изменяются по числам и, с грамматической точки зрения, формально сочетаются с лексемами, обозначающими единицы измерения массы и объема:

Жительница дома, «плавающего в говне»: мы месяц не можем попасть к Цуканову³⁶;

Власти не надо напрягаться: ее оппоненты сами топят друг друга в дерьме³⁷.

³¹ http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201501301029-qsrh.htm.

³² <http://komar.bitcheese.net/files/hard.html>.

³³ <http://patrioty.org.ua/ukrayino-pochuy-zhratva-fignya-no-esli-hohlyi-rubanut-svet-to-nado-svalivat-iz-kryima-zdes-nechego-budet-delat-kaleydoskop-podiy/>.

³⁴ <http://sprotyv.info/ru/news/kyev/zloy-odessit-dnrovskiy-sbrod-namylivaetsya-v-siryu>.

³⁵ <http://blogs.pravda.com.ua/authors/leschenko/4fa6a18d8ea18/>.

³⁶ <https://www.newkalininingrad.ru/news/incidents/4711437-zhitelnitsa-doma-plavayushchego-v-govne-my-mesyats-ne-mozhem-popast-k-tsukanovu.html>.

³⁷ <http://www.segodnya.ua/opinion/petrykcolumn/ukraina-bankrot-po-socialnomu-kapitalu-644725.html>.

Подобные стилистически сниженные лексические единицы являются наиболее употребительными среди вещественных дисфемизмов-существительных, к которым они относятся как по грамматическим, так и по семантическим характеристикам.

ДИСФЕМИЗМЫ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Остановимся на дисфемизмах-прилагательных. Имена прилагательные, как и существительные, широко применяются в стратегиях дискредитации, т.к. прилагательное номинирует непроцессуальный признак. Они могут употребляться как в сочетании с существительными или местоимениями, так и обособленно. В контексте прилагательные, как правило, или концентрируют в себе пейоративную эмоционально-экспрессивную окраску (в случае, если употреблены обособленно, в сочетании с нейтральным существительным или местоимением), или усиливают экспрессию главного слова (в случае, если это слово — дисфемизм-существительное).

Все прилагательные распределяются по лексико-грамматическим разрядам: качественные, относительные и притяжательные [Русская грамматика 1980: 541]. Качественные прилагательные, как правило, обозначают признак, проявляющийся в большей или меньшей степени, но основными показателями данного разряда являются лексико-грамматические особенности. В следующих примерах:

*В Донецке появился **отвратительный** билборд с Моторолой³⁸.*

*Антон Геращенко — **тупой**, подлый, но активный помощник Авакова³⁹,*

— прилагательные *отвратительный* и *тупой* по своим лексико-семантическим и грамматическим признакам являются качественными, концентрируют негативную оценку и являются дисфемизмами, так как определяемые ими существительные *билборд* и *помощник* дисфемизмами не являются.

Дисфемизмы-прилагательные, определяющие дисфемизмы-существительные, усиливают негативный эффект высказывания, например:

*Яценюк хочет сделать из украинцев **тупой** рабочий скот⁴⁰.*

Использование в этом контексте прилагательного *тупой* в сочетании с дисфемизмом-существительным *скот* усиливает уже созданную пейоративную оценку украинцев. Еще несколько примеров с качественными прилагательными:

*Все это крышуется **толстозадый** популистом Геращенко и убийцей патриотов Аваковым⁴¹.*

Прилагательное *толстозадый* образовано сложением двух основ и прибавлением нулевого суффикса. Гипотетически данный признак может проявляться

³⁸ http://24tv.ua/ru/v_donecke_pojavilsja_otvratitelnyj_bilbord_s_motoroloj_n618698.

³⁹ <http://новости-украины.ru-an.info/новости/антон-геращенко-тупой-подлый-но-активный-помощник-авакова/>.

⁴⁰ http://antikor.com.ua/articles/73761jatsenjuk_hochet_sdelatj_iz_ukrainsjev_tupoj_rabochij_skot.

⁴¹ <http://time-news.in.ua/item/21688-1476844198>.

в большей или меньшей степени, т.к. в его основе лежит обладающее такой способностью прилагательное *толстый*.

В контекстах:

*В том числе и к тому же региону, который сейчас иницирует этот бредовый закон*⁴².

*Дебилный русский креатив — в Москве открыли кафе-туалет, в котором кормят из горшков и унитафов*⁴³.

*Депутат МГД Стебенкова назвала жителей «вонючими активистами»*⁴⁴,

— качественные прилагательные демонстрируют высокую активность в создании дисфемистического эффекта. Дисфемистическая активность качественных прилагательных обусловлена их способностью обозначать как постоянные отличительные признаки предмета, так и признаки изменчивые, переменные и оценочные. Поэтому они создают большую часть дисфемистических контекстов с семантической доминантой — определением.

Относительные прилагательные обозначают признак через отношение к другому предмету или признаку, не имеют краткой формы и степеней сравнения, не могут сочетаться с наречиями степени (количественными наречиями) и иметь при себе зависимые слова. Притяжательные прилагательные также не имеют кратких форм и степеней сравнения; изменяются по родам, числам и падежам, в именительном и винительном падеже употребляются только в краткой форме, имеют в своем составе суффиксы *-j-* (*-ий-*), *-ов-/-ев-*, *-ин-/-ын-*. В качестве дисфемизмов относительные и притяжательные прилагательные в «чистом виде» не используются, что обусловлено дискредитирующей функцией дисфемизмов, требующей указания на качество объекта, его субъективную авторскую оценку. Поэтому лексические единицы данных разрядов являются результатом перехода относительных и притяжательных прилагательных в разряд качественных.

Такие относительные прилагательные, как *дубовый*, *еловый*, *ежовый*, *мякин-ная*, *деревянный*, выполняют дисфемистическую функцию, как правило, в составе фразеологических оборотов: *дубовая голова*, *еловая голова*, *ежовая голова*, *мякин-ная голова*. К ним примыкают фразеологические обороты с притяжательными прилагательными: *голова баранья*, *дурья голова*, *ослиная голова*, *куриные мозги*. Эти словосочетания близки по своей семантике и обозначают глупого, недалекого человека.

Отдельную группу составляют дисфемизмы-субстантивированные прилагательные:

*Кто бы мог подумать, что этот больной на всю голову вздумает заливать в меня свою кровь*⁴⁵.

⁴² <http://www.pravda.ru/economics/rules/business/25-10-014/1231969-savelov-0/>.

⁴³ <http://donbass.ua/news/world/2015/11/09/debilnyi-russkii-kreativ-v-moskve-otkryli-kafe-tualet-v-kotorom-kormjat-iz-gorshkov-i-unitazov-video.html>.

⁴⁴ http://echo.msk.ru/blog/max_motion/1370930-echo/.

⁴⁵ http://samlib.ru/w/wera_k/hronikinijaloniikolesosudxbyglawa23.shtml.

В приведенном контексте *больной* — субстантивированное прилагательное, главный член предложения, имеет при себе зависимые слова. В предложении:

Бестолковый — это такой человек, который, считая на счетах и подводя итог, спрашивает у сидящего рядом: «Сколько ж это будет?»⁴⁶,

— *бестолковый* — атрибутив, имеющий признаки номинатива.

Качественные прилагательные имеют три степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную [Русская грамматика 1980: 546]. Сравнительная и превосходная степени образуются от начальной формы имени прилагательного. Начальная форма выражает признак данного предмета вне сравнения с признаком другого предмета (положительная степень сравнения). Синтетическая сравнительная степень образуется с помощью суффиксов *-е-, -ее-, -ше-*. Приведем примеры формообразования дисфемизмов:

*Жизнь в США становится всё хреновее*⁴⁷.

Хреновее — сравнительная степень прилагательного *хреновый*, образованная с помощью суффикса *-ее-*. Используя данную лексему, автор подчеркивает, что предмет не просто обладает данным признаком, а со временем приобретает его в большей степени. Ср. также:

*Чем вкуснее покупные пельмени, тем фиговее жизнь*⁴⁸.

Превосходная степень прилагательного обозначает признак, проявляющийся в определенном предмете в наивысшей степени или больше, чем в других предметах. Синтетическая степень сравнения образуется при помощи суффиксов *-айиш-, -ейиш-*. Подобным же способом образуются формы элитива, обозначающего предельную степень проявления признака, но не содержащего элемента сравнения:

*Медиаэксперт Анатолий Шарий назвал «тупейшим флешмобом» акцию украинской делегации во время заседания Генеральной ассамблеи ООН*⁴⁹.

Иногда сравнительная степень может образовываться одновременным присоединением приставки *наи-*:

*В городке Лехай в Небраске есть наитупейший закон, официально встречающий торговать дырками от бублика*⁵⁰.

Превосходная степень также может быть образована аналитическим способом:

*В Харькове появился самый тупой вор*⁵¹;
*Сюда же можно отнести наиболее тупые и необоснованные неканонные пэйринги*⁵².

⁴⁶ <http://www.lib.ru/POEEAST/TEOFRAST/>.

⁴⁷ <http://news-front.info/2015/07/22/kak-tam-zhizn-v-ssha/>.

⁴⁸ <http://gazeta.caravan.kz/articles/chem-vkusnee-pokupnye-pelmeni-articleID43166.html>.

⁴⁹ <http://rusvesna.su/news/1443473040>.

⁵⁰ <https://www.diets.ru/post/518650/>.

⁵¹ <http://vecherniy.kharkov.ua/news/110443/>.

⁵² http://samlib.ru/t/tokmakow_k_d/z-potter.shtml.

Качественные прилагательные имеют полные и краткие формы. В контексте дисфемии полные формы заметно преобладают над краткими, последние, в свою очередь, малоупотребительны в силу своих предикативных характеристик. Тем не менее, в политическом дискурсе обнаружены отдельные случаи употребления кратких прилагательных в функции дисфемизмов:

*Дело Савченко: российский суд глух, слеп и туп*⁵³;
*Президент Украины бездарен, лжив, некомпетентен*⁵⁴.

Таким образом, анализ употребления прилагательных в роли дисфемизмов выявил две заметные тенденции: с одной стороны, морфологические трансформации прилагательных усиливают ядерную сему оценочных лексем, с другой, — нейтральные по эмоциональному потенциалу прилагательные используются как дисфемизмы в результате полной или частичной десемантизации, что закрепляется в речи в узуальных сочетаниях типа *куриные мозги*, *дубовая голова*, в медиаречи — *порошковский синдром*, *подкованные граждане* и т.п.

ДИСФЕМИЗМЫ-ГЛАГОЛЫ

Академик В.В. Виноградов утверждал: «Семантическая структура глагола более емка или гибка, чем всех других грамматических категорий. Глагольное слово, с богатством и разнообразием значений, сочетает богатство и разнообразие форм» [Виноградов 1972: 214]. В сравнении с другими частями речи глагол имеет самое большое количество синтаксических связей и является организующим центром предложения. Тем не менее, в роли дисфемизмов преимущественно употребляются имена существительные. Категориальное значение глагола — процессуальность, выражающаяся в категориях вида, залога, наклонения, времени, лица, числа и рода. Рассмотрим несловоизменяемые категории глагола, т.к. их грамматические характеристики оказывают наиболее существенное влияние на лексическое значение слова.

Согласно «Русской грамматике», категория вида глагола — это система противопоставленных друг другу двух рядов глагольных форм: ряда форм, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида) [Русская грамматика 1980: 581]. По мнению Н.М. Шанского и А.Н. Тихонова, внутренний предел действия — это его естественный исход, достижение предполагаемой цели или определенного результата (достижение известной границы) [Шанский 1987: 92]. Внутренним пределом действия обладает только совершенный вид. Несовершенный вид не обозначает предела действия, а выражает действие в его течении, длительности.

Общими морфологическими абстракциями для несовершенного и совершенного вида являются инфинитив, изъявительное наклонение будущего времени,

⁵³ <http://from-ua.com/news/362215-delo-savchenko-rossiiskii-sud-gluh-slep-i-tup.html>.

⁵⁴ <https://www.youtube.com/watch?v=AKZ8Cu6lTy8>.

изъявительное наклонение прошедшего времени, сослагательное наклонение, повелительное наклонение, действительное причастие прошедшего времени. Несовершенному виду глагола также свойственны изъявительное наклонение настоящего времени, действительное причастие настоящего времени, страдательное причастие настоящего времени и деепричастие несовершенного вида, а для совершенного вида — страдательное причастие прошедшего времени и деепричастие совершенного вида [Русская грамматика 1980: 581].

Сравним употребление глагольных дисфемизмов в соотносительных морфологических формах несовершенного и совершенного видов:

*Кандидат медицинских наук: Все всегда **жр**али, **жрут** и **будут жрать допинг**⁵⁵, или:*

*«Президента **сожра**ли демоны»: мнения депутатов о выступлении Порошенко⁵⁶.*

Оба глагола употреблены в форме прошедшего времени изъявительного наклонения, при этом *жр*али — глагол несовершенного вида, а *сожра*ли — совершенного. Еще примеры:

*Сейчас участников коалиции **будут долб**ать, а всяких мурзиллоидов и спойлеров активно тащ*ить⁵⁷;

*Они нам **раздолба**ют весь Южный Кавказ — Азербайджан, Армению, Грузию⁵⁸.*

Глаголы употреблены в будущем времени изъявительного наклонения. Обратим внимание, что глаголы несовершенного вида не имеют синтетической формы будущего времени, поэтому представлены аналитической формой со вспомогательным глаголом *быть* в форме будущего времени изъявительного наклонения — *будут*.

Рассмотрим некоторые случаи глагольной дисфемии, не образующей соотносительных видовых пар. Для несовершенного вида характерна форма изъявительного наклонения настоящего времени:

*Сорок: ЕС **развалива**ется, Украина **дох**нет, Россия **возрожда**ется⁵⁹;*

действительное причастие настоящего времени:

*А с другой, как вспомню **р**явк*ающих теток у нас в магазинах или в регистра-
турах, — аж *передергивает*⁶⁰;

страдательное причастие настоящего времени:

*Обсир*аемый еще пару лет назад всем рунетом канадский певунишка в качестве звИзды *пригласил*ся на сериал CSI: Место преступления Лас-Вегас⁶¹;

⁵⁵ <http://sport.bigmir.net/sport/winter/1615336-Kandidat-medicinskih-nauk--Vse-vsegda-zhrali-zhrut-i-budut-zhrat--doping>.

⁵⁶ <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/prezidenta-sozhrali-demony-mneniya-deputatov-o-vystuplenii-poroshenko-621257.html>.

⁵⁷ <https://navalny.com/p/4225/>.

⁵⁸ <http://www.bigcaucasus.com/events/world/11-09-2013/86282-syriya-0/>.

⁵⁹ <http://www.politonline.ru/interpretation/22880380.html>.

⁶⁰ http://antikor.com.ua/articles/65295-otkrovennyj_rasskaz_ukrainki_pereehavshej_v_germaniju_tut_zakony_rabotajut_na_stranu_i_na_tebja.

⁶¹ https://www.youtube.com/watch?v=xWv_dy8Q_Uk.

и деепричастие несовершенного вида:

*Джон позвонил Йэну и признался в том, что больше не может подводить команду, то и дело **лажся** на концертах⁶².*

Совершенный вид характерен для страдательных причастий прошедшего времени:

*Если даже **потасканный** Казбек себе через Интернет постель укомплектовывал, то «молодой прогрессивной команде» сам Веб 2.0 велел⁶³;*

деепричастий:

***Облажавшись** в Бишкеке, Равшан Жээнбеков поехал на киевский майдан⁶⁴.*

Переходность и непереходность — языковая категория, отражающая, в широком понимании, характер синтаксических свойств глагола в предложении, проявляющаяся в способности или ее отсутствии иметь при себе прямое дополнение. Переходные глаголы обозначают действие, непосредственно направленное на прямой объект:

*Коммунистов **разогнали**⁶⁵;*

*Вандалы **испоганили** Харьковский парк⁶⁶;*

*Вся беда в том, что крестьян просто **задолбали**» мелкие кражи⁶⁷.*

В приведенных примерах дисфемизмы-глаголы имеют при себе прямые дополнения в форме винительного падежа: *разогнали* (кого?) *коммунистов*, *испоганили* (что?) *Харьковский парк*; или указывающего на носителей состояния: *задолбали* (кого?) *крестьян*.

Непереходные дисфемизмы-глаголы представлены преимущественно глаголами движения:

*А в этом году убери Евротур — вот сейчас мы начнем 24 августа, это они по 30 матчей отыграют за первый круг — да там они **ползают** уже⁶⁸;*

глаголами, обозначающими выявление и становление признака:

*Люди **тупеют** от бедности⁶⁹;*

физическое и психическое состояние:

*Поэтому, грубо говоря, **подыхает** Верховная Рада⁷⁰.*

⁶² <http://rockcult.ru/october-29-1996-the-stone-roses/>.

⁶³ <http://proit.com.ua/digest/internet/2009/02/26/132112.html>.

⁶⁴ <https://www.newkaliningrad.ru/news/incidents/4711437-zhitelnitsa-doma-plavayushchego-v-govne-my-mesyats-ne-mozhem-popast-k-tsukanovu.html>.

⁶⁵ ЮгTimes. Общественно-политическая газета [Текст] 30.07.2014. № 29 (70). 32 с.

⁶⁶ <http://www.mobus.com/kharkov/244173.html>.

⁶⁷ <http://iz.com.ua/ukraina/84366-v-hersonskoy-oblasti-odnoselchane-ustroili-sud-lincha-iz-zaholodca.html>.

⁶⁸ <http://www.championat.com/hockey/article-228989-sergej-gimaev---o-starte-chempionata-kkhl.html>.

⁶⁹ http://vybor.ua/news/lyudi_tupeyut_ot_bednosti.html.

⁷⁰ <http://gazetavv.com/news/policy/18733-azarov-nauvolnyaet-esche-ministrov.html>.

Кроме того, непереходными являются все возвратные глаголы:

*Почему молчит Порошенко? Почему **заткнулся** Яценюк? Где Турчинов? Неужели не хватает мозгов понять, что будет дальше?*⁷¹;

*Пришлось рыжему лиходею Чубайсу с товарищами **утереться**, пошмыгать своими учеными инобелями и больше про дефолт не вспоминать*⁷²;

*Эксперт рассказал, почему Европа «**шарается**» от Украины*⁷³.

В семантике возвратных глаголов уже заложено совпадение субъекта и объекта действия (действие, «направленное на себя»), поэтому употребление прямого дополнения с возвратным глаголом приводит к нарушению грамматической нормы.

Приведенные контексты демонстрируют активную дисфемизацию не столько глаголов вообще, сколько конкретных глагольных форм с семантикой состояния, активного действия и результата действия. Очевидно, что данные семы актуальны при характеристике человека, т.е. употребление данных глаголов — это еще один способ вербальной дискредитации личности.

ДИСФЕМИЗМЫ-НАРЕЧИЯ

Дисфемизмы-наречия обозначают непроцессуальный признак действия, предмета или другого признака. Главная характерная черта наречия — отсутствие словоизменения [Русская грамматика 1980: 701]. В дисфемистической функции наречия употребляются реже, чем существительные или прилагательные; наиболее частотны наречия образа действия, например:

*Я идиот. И поступил **по-идиотски***⁷⁴.

Дисфемизм-наречие *по-идиотски*, образованное с помощью суффикса *-ски* и приставки *по-*, обозначает, соответственно значению, образ действия. В этой же роли часто используются качественные наречия:

*Депутаты Парламента **тупо** не ходят на работу*⁷⁵.

Наречие *тупо* образовано с помощью суффикса *-о*, выражает своего рода характеристику, оценку действия.

Дисфемизмы-наречия причины также используются в различных изданиях:

*В одном из интервью Гришан, **сдуру**, признался, что страховые выплаты за ПАО «УСК «ГАРАНТ-АВТО» могут получить не все потерпевшие, а только те, кого определит и согласует с Нацкомфинуслуг временный администратор страховой компании*⁷⁶.

Сдуру — наречие, обозначающее причину совершенного действия, образовано путем одновременного присоединения к производящей основе пристав-

⁷¹ http://antikor.com.ua/articles/56056-azarov_prizval_posaditj_v_tjurjmu_janukovicha_i_vilkula.

⁷² <http://www.from-ua.com/eco/a5c510a368313.html>.

⁷³ <http://rian.com.ua/society/20150821/372510479.html>.

⁷⁴ <http://www.ua-football.com/foreign/germany/1289667608-yurgen-klopp-ya-idiot-video.html>.

⁷⁵ <http://ua-news.in.ua/politika/18596-deputaty-parlamenta-tupo-ne-hodyat-na-rabotu.html>.

⁷⁶ http://antikor.com.ua/articles/72028-mtsbu_vnovj_pytaetsja_nastupitj_na_znakomye_grabli.

ки *c-* и суффикса *-y*. Менее частотно употребление дисфемизмов-наречий меры и степени, например:

*60 миллиардов рублей в год — это сумма, которую даже попытаться представить непросто. Это охренительно много*⁷⁷.

Наречие сравнения и уподобления используется в качестве дисфемизма в следующем контексте:

*Проще всего взять такси — они там кучкуются стадом в центре Геремеи — просить отвезти в Медовую долину*⁷⁸,

— где стоянка такси ассоциируется со стадом. Наречие *стадом* образовано суффиксальным способом — присоединением суффикса *-ом*.

Как правило, если наречие примыкает к глаголу или деепричастию, то оно обозначает признак действия (*поступил по-идиотски*); если примыкает к прилагательному, причастию, наречию или к категории состояния (*охренительно много*), то обозначает признак другого признака. Таким образом, дисфемизмы-наречия используются в своей традиционной роли. Признаковые слова вообще наиболее типичный для выражения оценки класс лексем.

ДИСФЕМИЗМЫ-ЧАСТИЦЫ

В отечественном языкознании частицы понимались и классифицировались по-разному: можно выделить два подхода к определению частицы как части речи — широкий и узкий. Традиционным считался широкий подход, при котором к частицам относили все служебные слова. В «Русской грамматике» предлагается следующее определение: «Частицы — это служебные слова, которые сообщают разнообразные смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные значения словам, частям предложения и всему высказыванию, а также участвуют в образовании аналитических форм слова» [Русская грамматика 1980: 722].

Е.М. Галкина-Федорук полагала, что частицы лишены предметного лексического значения, хотя по звуковому составу в некоторых случаях они могут совпадать со знаменательными частями речи [Галкина-Федорук 1964: 489]. Мы, тем не менее, придерживаемся точки зрения Н.М. Шанского и А.Н. Тихонова, считавших, что частицы обладают лексическим значением [Шанский 1987: 177]. С их помощью выражается субъективное отношение говорящего к сообщаемому, что и позволяет им выступать в роли дисфемизмов.

Частицы в дисфемистической функции употребляются крайне редко. Их можно обнаружить в восклицательных предложениях, где их значение определяется исключительно контекстом, например:

*Что за черт! Я точно помнил, что именно эту бутылку опорожнил накануне*⁷⁹.

Или:

*Кто может отнять ее у него, ну что за бред!*⁸⁰

⁷⁷ <https://www.newkalinograd.ru/news/politics/5278332-ilya-shumanov-gosudarstva-staloshishkom-mnogo.html>.

⁷⁸ <http://reports.travel.ru/letters/2013/11/223931.html>.

⁷⁹ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

⁸⁰ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

Иногда частица *что* за употребляется изолированно — в этом случае фраза имеет уже устоявшееся значение:

*А это что за...!? Одна брючина короче другой!*⁸¹

Иллюстративный материал демонстрирует невозможность самостоятельного участия данной частицы в создании дисфемистического контекста.

ДИСФЕМИЗМЫ-МЕЖДОМЕТΙΑ

Междометия — класс неизменяемых слов и словосочетаний, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность [Русская грамматика 1980: 731]. Семантически междометия отличаются от всех знаменательных частей речи тем, что они не обладают номинативной функцией, но при этом имеют осознаваемое социумом смысловое содержание. Поскольку одни и те же междометия могут служить для выражения различных чувств, значение междометий может быть понято лишь в контексте. Говоря о содержании междометий, мы имеем в виду эмотивную семантику, свойственную данной группе слов. Междометия всегда несут в себе экспрессию, что и позволяет им выступать в роли дисфемизмов.

Рассмотрим данный грамматический класс на следующих примерах:

*Фу ты, ну ты — без двадцати минут барышня*⁸²;
*А в Москве он — французский повар, фу ты, ну ты!*⁸³

Данное междометие передает авторскую иронию. Междометие *фу* также используется обособленно и, чаще всего, выражает пренебрежение:

*Ну, это же рабочие, фу!*⁸⁴

Из диалога:

ТЬфу на тебя!

Или:

*ТЬфу... маразматика, б***! — с возмущением пишет на своей страничке у ФБ Юрий Радухин*⁸⁵.

В обоих примерах междометие *тьфу* выражает пренебрежение, презрение, но в первом случае междометие самостоятельно выступает в качестве дисфемизма, а во втором — усиливает пейоративную эмоционально-экспрессивную окраску дисфемистического контекста.

⁸¹ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

⁸² <http://ruscorpora.ru/index.html>.

⁸³ <http://ruscorpora.ru/index.html>.

⁸⁴ <http://vlasti.net/news/101557>.

⁸⁵ http://antikor.com.ua/articles/73358-jurij_raduhin_lidery_bpp_esli_tak_buhaete_to_hotj_opohmeljajtesj.

Дисфемизмы, выраженные звукоподражательными словами в чистом виде, встречаются довольно редко. Чаще всего они предстают в виде оноματοпов, т.е. слов, возникших на основе звукоподражания, например:

*Потому что он — лапоть необразованный, — выдала секретарша. — Шепелявит, гундосит и противно хрюкает*⁸⁶.

Хрюкает — слово-оноματοп, производный глагол от звукоподражательного слова *хрю-хрю*, которое в русской культуре традиционно считается звуком, издаваемым свиньей. Еще пример:

*А то ты на других кукарекаешь, как кочет с плетня, а про себя молчишь, хитрый черт!*⁸⁷.

Используя ономатыпы, говорящий сравнивает объект с тем или иным животным, что является еще одним способом дисфемизации.

В функции дисфемизмов также употребляются собственно звукоподражательные слова. В подобной роли закрепилось выражение *ку-ку*, фактически став узуальным, например:

*Ну, если он утверждает, что именно Платонов написал «Доктор Живаго», то он совсем ку-ку*⁸⁸.

Из контекста следует, что звукоподражательное слово *ку-ку* употреблено в значении «сумасшедший».

Анализ современного мадиадискурса показывает, что дисфемизмы-междометия и звукоподражания в текстах встречаются редко. Обычно это повторяющиеся лексемы (см. выше), но в разговорной речи практика употребления данных слов с целью дисфемизации гораздо шире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном политическом медиадискурсе отмечается тенденция к намеренному «огрублению» текста, происходит замена нейтральных и мелиоративных эмоционально-экспрессивных единиц нарочито резкими, грубыми, выходящими за пределы литературного языка. В этой связи изучение дисфемии становится все более актуальным. В данной работе впервые предпринята попытка описания дисфемии в лексико-грамматической парадигме, что, как представляется, станет вкладом в комплексное изучение дисфемии в современном русском языке.

Анализ дисфемистических единиц с точки зрения их лексико-грамматической природы позволил сделать следующие выводы.

1. Дисфемизмы могут принадлежать любому классу слов, обладающих самостоятельным лексическим значением или даже специфической семантикой.
2. Класс имен существительных наиболее активно используется в качестве дисфемизмов. Особенно широкое употребление в медиатекстах получили кон-

⁸⁶ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

⁸⁷ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

⁸⁸ <http://ruscorporu.ru/index.html>.

кретные дисфемизмы-существительные и дисфемизмы-антропонимы, так как конкретные существительные и собственно антропонимы имеют высокую степень вариативности. Кроме того, конкретные существительные осуществляют прямую номинацию предмета или явления, к чему обычно и прибегают авторы текстов для привлечения внимания читателя.

3. Среди прилагательных в функции дисфемизмов выступают, как правило, качественные прилагательные, так как качественные прилагательные обозначают как неизменные отличительные признаки предмета, так и признаки изменчивые, переменные и оценочные. Иначе говоря, в семантическом отношении это самый разнообразный класс прилагательных, что расширяет возможности дисфемизации.

4. Несмотря на то, что, в сравнении с другими частями речи, глагол обладает наибольшим числом синтаксических связей и является организующим центром предложения, в функции дисфемизма он малопродуктивен.

5. Наречия в силу своего категориального значения используются в своей традиционной роли. Как любое признаковое слово вообще, наречие может стать элементом вербальной дискредитации.

6. Незнаменательные части речи также могут выступать в качестве дисфемизмов. Они являются средствами выражения негативной оценки, часто обладают значительным экспрессивным зарядом (особенно если речь идет о табуированной лексике).

7. Дисфемизмы-дериваты образуются преимущественно суффиксальным способом, при этом суффикс может быть как нейтральным по значению, так и пейоративным. Кроме того, пейоративные суффиксы способны наделять слово негативной эмоционально-экспрессивной окраской, а также могут усиливать уже выраженную основой знаменательного слова негативную эмоционально-экспрессивную окраску.

8. Слово может стать дисфемистическим наименованием, претерпев только грамматические изменения. Как правило, изменения заключаются в употреблении слова во множественном числе, при этом в парадигме данного слова формы множественного числа отсутствуют, т.е. традиционно это лексемы с ущербоной парадигмой.

9. При дисфемизации имеют место грамматические трансформации. Прежде всего, речь идет о субстантивации и адъективации.

Материал исследования показывает, что лексико-грамматическая природа дисфемизмов также является одним из факторов при выборе автором той или иной лексемы для реализации дисфемистической функции.

Дисфемия в современном русском языке заметно расширяет свои границы. Грубые, вульгарные, жаргонные слова частотны не только в разговорной речи, но и на страницах печатных и электронных изданий. И если несколькими годами ранее инвективная и откровенно грубая лексика употреблялась исключительно в желтой прессе, в бульварных изданиях, в газетах «низкого уровня», то сегодня дисфемизмы проникли даже в уважаемые многотиражные издания.

Авторы медиатекстов находят новые средства дисфемизации, обращаясь к неологизмам, окказиональным способам словообразования и грамматическим трансформациям, поэтому корпус дисфемистических наименований постоянно расширяется, пополняясь языковыми единицами, представляющими для исследователя особый интерес.

© Лысякова М.В., Гаевая А.А.
Дата поступления: 20.12.2017
Дата приема в печать: 31.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арапова Н.С.* Эвфемизмы // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Советская энциклопедия, 1997.
2. *Беляева В.И., Куликова Э.Г.* Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 22 (160). Вып. 33. С. 15—20.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.
5. *Гайдук И.В.* Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе. Воронеж: ВГПУ, 2001.
6. *Галкина-Федорук Е.М.* Современный русский язык. М.: МГУ, 1964.
7. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.
8. *Катенева И.Г.* Намеренная дисфемизация текстов как характеристика коммуникативной политики современной оппозиционной прессы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21. С. 270—276.
9. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.
10. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2007.
11. *Райчева Э.А.* Эвфемия и дисфемия (на материале идиостиля А.С. Пушкина) // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2010. № 1(6). С. 1—3.
12. *Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г.* Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 65—77.
13. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
14. *Сулина О.В.* Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 217—222.
15. *Шанский Н.М.* Современный русский язык. М.: Просвещение, 1987.
16. *Шарифуллин Б.Я.* Историко-лингвистический словарь трилогии А.М. Бондаренко «Государева вотчина». Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2007.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Алексей Навальный. Персональный сайт. [Электронный ресурс] <https://navalny.com> (Дата обращения: 11.10.2015).
2. Большой Кавказ: Новости и аналитика. [Электронный ресурс] <http://www.bigcaucasus.com> (Дата обращения: 11.10.2015).
3. Вечерний Харьков — газета. [Электронный ресурс] <http://vecherniy.kharkov.ua/news> (Дата обращения: 17.09.2015).

4. Газета «Вечерние Вести». [Электронный ресурс] <http://gazetavv.com/news/policy> (Дата обращения: 23.10.2015).
5. Газета Караван. Медиа портал. [Электронный ресурс] <http://gazeta.caravan.kz> (Дата обращения: 6.10.2015).
6. Гуляй поле. Украинско-российское обозрение. [Электронный ресурс] <http://politua.su> (Дата обращения 20.11.2015).
7. Донбасс — региональная газета. [Электронный ресурс] <http://donbass.ua/news> (Дата обращения: 20.11.2015).
8. Ежедневные новости Ульяновска. [Электронный ресурс] <http://ulnovosti.ru> (Дата обращения: 15.09.2015).
9. Журнал «Самиздат». [Электронный ресурс] <http://samlib.ru> (Дата обращения 17.09.2015).
10. Информационное сопротивление. [Электронный ресурс] <http://sprotyv.info/ru> (Дата обращения: 17.10.2015).
11. Комсомольская правда. Сетевое издание. [Электронный ресурс] <http://www.kp.ru> (Дата обращения: 14.09.2015).
12. Национальный антикоррупционный портал АНТИКОР. [Электронный ресурс] <http://antikor.com.ua/> (Дата обращения 15.10.2015).
13. Национальный корпус русского языка. Электронная информационно-справочная система. [Электронный ресурс] <http://ruscorpora.ru> (Дата обращения: 16.11.2015).
14. Наша версия — электронная версия газеты. [Электронный ресурс] <https://versia.ru> (Дата обращения: 27.09.2015).
15. Новости Запорожья. [Электронный ресурс] <http://iz.com.ua/ukraina/> (Дата обращения: 20.11.2015).
16. Новости Кыргызстана. [Электронный ресурс] <http://delo.kg> (Дата обращения: 6.11.2015).
17. Новости рок музыки. [Электронный ресурс] <http://rockcult.ru> (Дата обращения: 3.09.2015).
18. Новости Украины — From-UA. [Электронный ресурс] <http://from-ua.com> (Дата обращения: 20.11.2015).
19. Новости Украины и мира. [Электронный ресурс] <http://ua-news.in.ua> (Дата обращения 27.11.2015).
20. Новый Калининград.Ru. Новости Калининграда. [Электронный ресурс] <https://www.newkaliningrad.ru> (Дата обращения 18.10.2015).
21. Патріоти України — Громадсько-політичне видання. [Электронный ресурс] <http://patrioty.org.ua> (Дата обращения: 20.11.2015).
22. Полит-онлайн — общественно-политический портал. [Электронный ресурс] <http://www.politonline.ru> (Дата обращения: 9.11.2015).
23. Правда.Ру — новости и аналитика. [Электронный ресурс] <http://www.pravda.ru> (Дата обращения: 17.09.2015).
25. Политнавигатор — новости Украины и России. [Электронный ресурс] <http://www.politnavigator.net> (Дата обращения: 13.10.2015).
26. РИА Новости. Украина. [Электронный ресурс] <http://rian.com.ua> (Дата обращения: 7.09.2015).
27. Русская весна. Информационный портал. [Электронный ресурс] <http://rusvesna.su> (дата обращения: 17.10.2015).
27. Русский Портал. [Электронный ресурс] <http://www.oporuccu.com> (Дата обращения 15.09.2015).
28. Русское Агентство Новостей. Новости Украины. [Электронный ресурс] <http://новости-украины.ru-an.info> (Дата обращения: 20.11.2015).
29. Сегодня — газета. [Электронный ресурс] <http://www.segodnya.ua> (Дата обращения: 20.11.2015).
30. Телерадиокомпания «Звезда». [Электронный ресурс] <http://tvzvezda.ru> (Дата обращения: 13.10.2015).
31. Украина криминальная. [Электронный ресурс] cipo.com.ua (Дата обращения 20.11.2015).
32. Украинская правда — аналитический журнал. [Электронный ресурс] www.pravda.com (Дата обращения: 20.11.2015).

33. Украинский Выбор. Информационный портал. [Электронный ресурс] <http://vybor.ua> (Дата обращения: 3.09.2015).
34. Українська правда — Блоги. [Электронный ресурс] <http://blogs.pravda.com.ua> (Дата обращения: 17.09.2015).
35. Херсонська Правда. [Электронный ресурс] <http://pravda.ks.ua> (Дата обращения: 20.11.2015).
36. Цензор.Нет — популярная политика. [Электронный ресурс] sensor.net.ua (Дата обращения: 20.11.2015).
37. Чемпионат — спортивный портал. [Электронный ресурс] <http://www.championat.com> (Дата обращения: 23.10.2015).
38. Эхо Москвы — радиостанция. [Электронный ресурс] <http://echo.msk.ru/> (Дата обращения: 9.11.2015).
39. ЮгTimes. Общественно-политическая газета. 30.07.2014. № 29 (70). 32 с.
40. 24 — телеканал новостей. [Электронный ресурс] <http://24tv.ua> (Дата обращения: 20.11.2015).
41. Alexander Markov's homepage. [Электронный ресурс] <http://komar.bitcheese.net> (дата обращения: 17.09.2015).
42. Lib.Ru: Античная литература, поэзия и философия. [Электронный ресурс] <http://www.lib.ru> (Дата обращения: 17.09.2015).
43. Mobus — новостное агентство. [Электронный ресурс] <http://www.mobus.com> (Дата обращения: 6.11.2015).
44. News Front (Ньюс фронт) — Новости Новороссии. ДНР. ЛНР. [Электронный ресурс] <http://news-front.info> (Дата обращения 27.09.2015).
45. Newsland — новостная социальная сеть. [Электронный ресурс] <http://newsland.com> (Дата обращения: 15.09.2015).
46. NewsOboz. Новости Украины и мира. [Электронный ресурс] <http://newsoboz.org> (Дата обращения: 20.11.2015).
47. ProIT — мир IT технологий. [Электронный ресурс] <http://proit.com.ua> (Дата обращения: 10.11.2015).
48. Sport.bigmir.net — спортивный портал. [Электронный ресурс] <http://sport.bigmir.net> (Дата обращения: 09.11.2015).
49. Travel.Ru. Фоторепортажи и рассказы о поездках. [Электронный ресурс] <http://reports.travel.ru> (дата обращения: 27.09.2015).
50. Ua-футбол — футбольный портал. [Электронный ресурс] <http://www.ua-football.com> (Дата обращения 8.10.2015).
51. Vlasti.net — сеть независимых журналистов. [Электронный ресурс] <http://vlasti.net/> (Дата обращения: 27.09.2015).
52. YouTube — видеохостинг. [Электронный ресурс] <https://www.youtube.com> (Дата обращения: 20.11.2015).

УДК: 81'276.12:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76

LEXICO-GRAMMATICAL PROPERTIES OF DYSFEMISMS (on the material of political discourse)

Marina V. Lysyakova, Anna A. Gaevaia

RUDN University

Miklukho-Maklaia str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The virtual image of political mediareality that reflects modern political systems functioning in mass media heavily influences people consciousness, this is why the research is getting more and more relevant nowadays. The subject of the research is dysphemism — one of the lexical means of such influence

that fulfils addressee communicative intentions. Though euphemia that is being opposed to it is widely presented in linguistic literature, dysphemia has not known any systemic analysis currently. The scientific novelty of the work is to establish the lexico-grammatical nature of dysphemisms, to reveal their morphological structure, to selectively classify dysphemisms, and to analyze functional-grammatical transformations of dysphemisms in different types of political discourse.

The lexical-stylistic definition of dysphemism was proposed in the work, taking into account its pragmatic functions and priority areas of functioning. The principal difference between the use of dysphemisms in colloquial speech, journalism, and the political media discourse is shown. The central object of consideration was the most important characteristic of dysphemia — its lexico-grammatical aspect. In the article a consistent analysis of dysphemisms of various partial affinities on the extensive text material is carried out: nouns, adjectives, verbs, adverbs, particles, interjections and onomatopoeic words.

As a result, it was established that in the political discourse, dysphemisms-nouns are mainly used as dysphemisms. Special emotional-evaluative content is given to proper names — anthroponyms (including nicknames) and toponyms (comonyms). Allowing high variability specific nouns realize the dysphemistic function more often than nouns of other categories.

In discrediting strategies, the adjectives of all three categories are also frequent: qualitative, relative, possessive. Dysphemistic activity of qualitative adjectives was noted. Relative adjectives, as a rule, perform a dysphemistic function in the composition of phraseological phrases. An increase of the dysphemistic effect in two-word composites “dysphemism-adjective + dysphemism-noun” was revealed.

The forms of the verb with the semantics of the state, of the active action and of the result of the action are actively disfigured. Particles, interjections and onomatopoeia realize the dysphemistic function extremely rarely.

Author’s neologism, grammatical transformations, occasional ways of word formation greatly expand the dysphemistic repertoire and the corpus of the dysphemistic denominations of the Russian language, constantly enriching the research material, supporting the scientific and practical interest in such a relevant phenomenon of language and speech.

Key words: political discourse, dysphemia, dysphemism, lexico-grammatical nature of dysphemisms, grammatical transformations of dysphemisms

REFERENCES

1. Arapova, N.S. (1997). Euphemisms. In *Russian: Encyclopedia* / Ed. Yu.N. Karaulov. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ)
2. Belyaeva, V.I., Kulikova, E.G. (2009). Manipulative distortion: the linguistic meaning of euphemisms. *“Vestnik” of Chelyabinsk State University. Philology*. Art. № 22 (160). № 33. P. 15—20. (In Russ)
3. Big Dictionary of the Russian language (2000) / Ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint. (In Russ)
4. Efremova, T.F. (2000). The modern explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Russkiy Yazyk. (In Russ)
5. Gaiduk, I.V. (2001). Features of the functioning of anthroponyms in the English and American press. Voronezh: VSPU. (In Russ)
6. Galkina-Fedoruk, E.M. (1964). The modern Russian language. Moscow: MSU. (In Russ)
7. Kateneva, I.G. (2013). Intentional dysphemization of texts as a characteristic of the communicative politics of the contemporary opposition press. *“Vestnik” of the Chelyabinsk State University, 21*. pp. 270—276. (In Russ)
8. Kovshova, M.L. (2007). Semantics and pragmatics of euphemisms. A brief thematic dictionary of contemporary Russian euphemisms. Moscow: Gnosis. (In Russ)
9. Moskvina, V.P. (2007). Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language. Ed. the 2nd. Moscow: LENAND. (In Russ)
10. Raycheva, E.A. (2010). Euphemia and dysphemia (on the material of Pushkin idiosyle). *Electronic scientific and educational journal of the VSPU “The Facets of Knowledge”, 1(6)*. pp. 1—3. (In Russ)

11. Rusakova, O.F., Gribov, E.G. (2014). Political Media Discourse and Mediation of Politics as Concepts of Political Communication Studies. In *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 14 (1). pp. 65—77. (In Russ)
12. Russian grammar: in 2 volumes, N.Yu. Shvedova (ed.) (1980). Moscow: Nauka. (In Russ)
13. Shansky, N.M. (1987). The modern Russian language. Moscow: Prosvescheniye. (In Russ)
14. Sharifullin, B.Ya. (2007). Historical and linguistic dictionary of the trilogy A.M. Bondarenko “The Sovereign Estate”. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russ)
15. Sulina, O.V. (2014). Political media discourse as an element of discursive space. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism, 1*. pp. 217—222. (In Russ)
16. Vinogradov, V.V. (1972). Russian language. Grammatical theory of the word. M.: Vysshaya shkola. (In Russ).

EXAMPLES

1. Alexey Navalny. Personal site. URL: <https://navalny.com> (accessed 11.10.2015).
2. The Greater Caucasus: News and Analysis. URL: <http://www.bigcaucasus.com> (accessed 11.10.2015).
3. Evening Kharkov — newspaper. URL: <http://vecherniy.kharkov.ua/news> (accessed 17.09.2015).
4. The newspaper “Evening News”. URL: <http://gazetavv.com/news/policy> (accessed 23.10.2015).
5. The newspaper Caravan. Media portal. URL: <http://gazeta.caravan.kz> (accessed 6/10/2015).
6. Walk the field. Ukrainian-Russian Review. URL: <http://politua.su> (accessed 20.11.2015).
7. Donbass is a regional newspaper. URL: <http://donbass.ua/news> (accessed 20.11.2015).
8. Daily news of Ulyanovsk. URL: <http://ulnovosti.ru> (accessed 15.09.2015).
9. The magazine “Samizdat”. URL: <http://samlib.ru> (accessed 17.09.2015).
10. Information resistance. URL: <http://sprotyv.info/en> (accessed 17.10.2015).
11. The Komsomol truth. Online publication. URL: <http://www.kp.ru> (accessed 14.09.2015).
12. National anticorruption portal ANTIKOR. URL: <http://antikor.com.ua/> (accessed 15.10.2015).
13. The national building of the Russian language. Electronic information and reference system. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 16.11.2015).
14. Our version is an electronic version of the newspaper. URL: <https://versia.ru> (accessed 27.09.2015).
15. News of Zaporozhye. URL: <http://iz.com.ua/ukraina/> (accessed 20.11.2015).
16. News of Kyrgyzstan. URL: <http://delo.kg> (accessed 6.11.2015).
17. Rock music news. URL: <http://rockcult.ru> (accessed: 3.09.2015).
18. News of Ukraine — From-UA. URL: <http://from-ua.com> (accessed 20.11.2015).
19. News of Ukraine and the world. URL: <http://ua-news.in.ua> (accessed 27.11.2015).
20. New Kaliningrad.Ru. News of Kaliningrad. URL: <https://www.newkaliningrad.ru> (accessed 18.10.2015).
21. Patrioti Ukraini — Gromadsko-politychne vidannya. URL: <http://patrioty.org.ua> (accessed 20.11.2015).
22. Polit-online is a socio-political portal. URL: <http://www.politonline.ru> (accessed 9.11.2015).
23. Pravda.Ru news and analytics. URL: <http://www.pravda.ru> (accessed 17.09.2015).
24. The political navigator is the news of Ukraine and Russia. URL: <http://www.politnavigator.net> (accessed 13.10.2015).
25. RIA Novosti. Ukraine. URL: <http://rian.com.ua> (accessed 7.09.2015).
26. Russian Spring. Informational portal. URL: <http://rusvesna.su> (accessed 17.10.2015).
27. The Russian Portal. URL: <http://www.opocuu.com> (accessed 15.09.2015).
28. Russian News Agency. News of Ukraine. URL: <http://новости-украины.ru-an.info> (accessed 20.11.2015).
29. Today is a newspaper. URL: <http://www.segodnya.ua> (accessed 20.11.2015).
30. The TV and radio company Zvezda. URL: <http://tvzvezda.ru> (accessed 13. 10.2015).

31. Ukraine is a criminal. URL: cripo.com.ua (accessed 20.11.2015).
32. Ukrainian truth — analytical journal. URL: www.pravda.com (accessed 20.11.2015).
33. Ukrainian Choice. Informational portal. URL: <http://vybor.ua> (accessed 3.09.2015).
34. Українська правда — Blogs. URL: <http://blogs.pravda.com.ua> (accessed 17.09.2015).
35. Kherson Pravda. URL: <http://pravda.ks.ua> (accessed 20.11.2015).
36. Sensor. No — the popular policy. URL: <http://www.censor.net.ua> (accessed 20.11.2015).
37. Championship — sports portal. URL: <http://www.championat.com> (accessed 23.10.2015).
38. The echo of Moscow is a radio station. URL: <http://echo.msk.ru/> (accessed 9.11.2015).
39. South Times. The socio-political newspaper. 07/30/2014. 29 (70). 32 p.
40. 24-news channel. URL: <http://24tv.ua> (accessed 20.11.2015).
41. Alexander Markov's homepage. URL: <http://komar.bitcheese.net> (accessed 17.09.2015).
42. Lib.Ru: Antique literature, poetry and philosophy. URL: <http://www.lib.ru> (accessed 17.09.2015).
43. Mobus is a news agency. URL: <http://www.mobus.com> (accessed 6.11.2015).
44. News Front (News front) — News of Novorossia. DNR. LC. URL: <http://news-front.info> (accessed 27.09.2015).
45. Newsland-news social network. URL: <http://newsland.com> (accessed 15.09.2015).
46. NewsOboz. News of Ukraine and the world. URL: <http://newsoboz.org> (accessed 20.11.2015).
47. ProIT — the world of IT technologies. URL: <http://proit.com.ua> (accessed 10.11.2015).
48. Sport.bigmir.net — sports portal. URL: <http://sport.bigmir.net> (accessed 09.11.2015).
49. Travel.Ru. Photoreports and stories about trips. URL: <http://reports.travel.ru> (accessed 27.09.2015).
50. Ua-football is a football portal. URL: <http://www.ua-football.com> (accessed 8.10.2015).
51. Vlasti.net is a network of independent journalists. URL: <http://vlasti.net/> (accessed 27.09.2015).
52. YouTube — video hosting. URL: <https://www.youtube.com> (accessed 20.11.2015).

Для цитирования:

Лысякова М.В., Гаевая А.А. Лексико-грамматические свойства дисфемизмов (на материале политического дискурса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 50—76. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76.

For citation:

Lysyakova, M.V. & Gaevaia, A.A. (2018). Lexico-grammatical properties of dysphemisms (on the material of political discourse). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 50—76. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76.

Marina V. Lysyakova, Anna A. Gaevaia, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 50—76. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76.

Сведения об авторах:

Марина Витальевна Лысякова, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, кандидат филологических наук, доцент. Контактная информация: Lmar13@rambler.ru

Гаевая Анна Александровна, магистрант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, победитель X Всероссийской конференции обучающихся «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ». Контактная информация: gaevaia@list.ru

Bio Notes:

Lysyakova Marina Vitalievna, Associate Professor of General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty of the PFUR, Candidate of Philology, Associate Professor. Contact information: Lmar13@rambler.ru

Gaevaia Anna Aleksandrovna, graduate student of General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty of the PFUR. Contact information: gaevaia@list.ru

УДК: 159.9:808.5:32(73)
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92

О ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА РИЧАРДА НИКСОНА (на материале избранных речей)

Д.С. Мухортов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, Россия, 119234

Целью настоящей работы является исследование особенностей использования политиком в своей речи служебных и номинативных лексических единиц для выявления прагмалингвистических особенностей его языковой личности. Основной гипотезой исследования является предположение о том, что при всей совокупности экстралингвистических факторов, сопутствующих коммуникативным ситуациям, вербальное поведение политика является детерминирующим фактором его успеха или провала. В статье дается теоретико-методологическое обоснование «прагмасемантического анализа» идиостиля политического деятеля, предлагается классификация его категорий, указывается значимость «кластерного» подхода к изучению речевых единиц лексического и синтаксического уровня, проводится параметрия семиотического поля «социально-статусного типа языковой личности». В данной статье на материале избранных речей американского Президента Ричарда Никсона уточняется теоретико-методологическое обоснование «социально-статусного типа языковой личности». Отмечается, что детерминирующим фактором в процессе формирования и модифицирования данного типа ЯЛ является наличие стрессовых или околострессовых ситуаций. Используя в качестве наиболее показательного репрезентанта этого типа ЯЛ первое лицо страны, предпринимается попытка вычленения некоторых категорий для изучения вербального поведения ЯЛ. Основным методом для проведения настоящего исследования выбирается «прагмасемантический анализ языковой личности политического деятеля». Его суть заключается в том, чтобы с помощью программы контент-анализа LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count), одного из способов проведения количественных измерений лексико-синтаксического наполнения текста, и подходов качественного анализа, таких как чтение биографий, мемуаров и речей конкретного политика, выйти на понимание того, как могут взаимодействовать такие разные грамматические категории, как лицо местоимений, время глагола, функциональные и вспомогательные глаголы, артикли, предлоги, числительные и др. в определении таких многозначительных категорий, как оптимизм/удрученность, дипломатичность/агрессивность, слог президента / слог человека, не наделенного властью, мышление аналитического/динамического/нарративного склада, социалингвистических параметров (напр., половозрастные и гендерные особенности, принадлежность к определенной общности). Эмпирической базой исследования являются три судьбоносные речи в карьере Президента Р. Никсона — The Checkers Speech (1952), The Great Silent Majority Speech (1969) и The First Watergate Address (1973). С помощью указанного метода анализа делается вывод о том, что при всей оптимистичности своего характера, политическом опыте, умении действовать в кризисных ситуациях, коммуникативные стратегии и тактики, выбираемые Ричардом Никсоном для манипулирования массовым сознанием, оказывались действенными только до тех пор, пока политику удавалось убеждать слушателей его выступлений в том, что он говорит правду. В связи с чем одним из выводов данной статьи является то, что она ставит вопрос о необходимости более серьезного изучения лексико-синтаксических или дискурсивных маркеров правды и лжи в речи политика. Данный вопрос, как выяснилось, не в последнюю очередь связан с проблемой авторства политического выступления.

Ключевые слова: прагмалингвистика, идиостиль, вербальное поведение политика, прагмасемантический анализ, социально-статусный тип языковой личности

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее популярных предметов исследования в политической лингвистике является анализ языковой личности политика. Вербальное поведение, проявляющееся в произносимых речах или публикуемых текстах политического деятеля, может открывать все новые перспективы для изучения прагмалингвистических особенностей человека.

Политик во все времена, по сути, оставался величиной с неизменным набором характеристик. Как следует из проведенного Е.И. Шейгал анализа словарных дефиниций, структура фрейма ПОЛИТИК характеризуется набором слотов, объективирующих «типовые признаки политика»: помимо половозрастных и национальных особенностей, это — осознанное увлечение политической деятельностью, принадлежность к партии и выполнение определенных политических функций, а также обладание профессионально-деловыми, морально-этическими и психологическими качествами [Шейгал 2000].

В своих исследованиях вербального поведения политиков западные ученые все чаще оперируют такими абстракциями, как «харизма» или «интегративная сложность» [Wasike 2017], «привлекательность голоса» [DeGroot, Aime, Johnson, Klumper 2011], дихотомическими оппозициями: «вежливость/грубость» [Sorlin 2017], «врожденное/приобретенное» [Sturm, Vera, Crossan 2017].

Однако, чтобы достичь глубинного понимания языковой личности политика, на наш взгляд, требуется скрупулезно анализировать различные проявления вербального поведения политика в критических или околочитических ситуациях, в которые он постоянно вовлекается по долгу службы.

В процессе изучения методологических аспектов анализа языковой личности [напр., Pennebaker, King 1999, Slatcher, Chung, Pennebaker, Stone 2007, Мухортов 2014б, 2016, 2017] стал оформляться метод, который мы назвали «**прагмасемантическим анализом**» идиостиля политического деятеля.

Учитывая тот факт, что к языковой личности мы относим преимущественно социально-статусный [Мухортов 2015] или, точнее, статусно-ролевой тип, **под прагмасемантическим анализом идиостиля политика понимается изучение служебных и номинативных частей речи в вербальном поведении личности в устной речи и в письменных обращениях с целью установления взаимозависимости между конкретными коммуникативными ситуациями во всей глобальности порождающих их факторов и идиолектическими и идиостилевыми параметрами этой личности, детерминированными особенностями личностной и политической социализации.**

В данной связи особенно следует подчеркнуть, что в случае со статусно-ролевым типом языковой личности мышление, как фактор, влияющий на язык в гумбольдтовском понимании, оказывается под сильнейшим воздействием целого комплекса коммуникативно-обусловленных факторов, наиболее значимым из которых является стрессогенность.

Без преувеличения можно сказать, что в любых ситуациях общения и даже в целых нарративах речь политика подчинена единственной цели — убедить всех

в своей правоте, которая может реализовываться через конкретные прагмаориентированные задачи, а именно: он, например, хочет доказать свою невиновность, уйти от осуждения, повиниться за сделанную ошибку или заверить в том, что подобное не повторится, создать благовидный прогноз на будущее, дать мифообразное объяснение происходящих событий и подменить реальное положение дел. При этом следует подчеркнуть, что в процессе **манипулирования массовым сознанием значимым с коммуникативной точки зрения является наличие кластеров речевых единиц лексического и/или синтаксического уровня, которые позволяют выявить указанные задачи, которые перед собой ставит говорящий.**

Посредством определения того, успешно или неуспешно политик справился с той или иной задачей, зависит рейтинг этого человека и его дальнейшая политическая судьба. Именно умение политика в любой ситуации оставаться позитивно настроенным дает уверенность избирателям в том, что ситуация находится под контролем и их стабильности ничто не угрожает; именно его способность смотреть в многообещающее будущее и не сокрушаться по поводу состоявшегося, пусть и неудачного, прошлого приносит ему дополнительные очки в глазах избирателей, которые хотят уверенно идти за лидером в завтрашний день, а не волочиться за ним в надоевшее всем прошлое; именно его знание того, как грамотно подобрать слова утешения или обличения, настраивают его сограждан на правильную волну и продлевают его политическое благоденствие. Одним из доказательств вышесказанного является исследование, проведенное Кристианом Люпрехтом и Давидом Скилликорном. По словам ученых, «модель сильного речевого воздействия [языковой личности президента или кандидата в президенты страны — Д.М.] характеризуется наличием в риторике говорящего большего по объему количества позитивно заряженной лексики, максимально полного отсутствия проявления негативных эмоций, появления значительного числа абстрактных слов и понятий и минимального использования отсылок в адрес своего конкурента или своих конкурентов [The inductive model of influential language is characterized by: increased positivity, complete absence of negativity, increased abstraction, and lack of reference to the opposing candidate(s)] [Leuprecht, Skillicorn 2016: 95].

Теорию кластерного подхода к исследованию лексических и синтаксических единиц как маркеров оптимистичности или пессимистичности анализируемой языковой личности активно развивает автор книги «The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us» Джеймс Пеннебейкер. Вместе со своими коллегами-исследователями профессор Техасского университета убедительно доказывает, что наиболее частотными маркерами оптимистичности являются: 1) глаголы настоящего и будущего времени, 2) местоимения первого лица множественного числа (we, our, us), 3) короткие простые слова (следовательно, многосложные слова будут в тексте в меньшинстве) и 4) слова, несущие позитивный эмоциональный заряд [Pennebaker, Persaud URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/29/the-third-uk-debate-assessing-optimism-honesty-and-thinking-styles/>].

Таким образом, представляется возможным оформить ряд важных **категорий для прагмасемантического анализа**, а именно: оптимизм/удрученность, дипло-

матичность/агрессивность, слог президента / слог человека, не наделенного властью, мышление аналитического/динамического/нарративного склада, социолингвистические категории (напр., половозрастные и гендерные особенности, принадлежность к определенной общности, как то: Большой Семерке (G-7), масонской ложе, национальной ассоциации охотников, сторонникам теории заговора, ястребам или пацифистам и др.). Каждая из перечисленных категорий в отдельности может позволить исследователю выйти на ряд умозаключений, а данные по нескольким смежным категориям только смогут усилить эти выводы или подтвердить гипотезу.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Некоторые из этих положений раскрываются в данной статье на примере анализа языковой личности 37-го Президента США Ричарда Никсона.

Анализ литературы указывает на то, что языковая личность Никсона по сей день притягивает внимание ученых. Так, например, Джон Брюшке и Лора Дивайн провели целое исследование [Bruschke, Divine 2017] с целью опровергнуть существующий уже более полувека стереотип о том, что выступление в качестве кандидата в президенты по радио в 1960 году принесло Р. Никсону перевес в количестве голосов избирателей по сравнению с выступлением Дж. Кеннеди.

Материалом для данного исследования послужили следующие выступления Президента: *The Checkers Speech* (1952), *The Great Silent Majority Speech* (1969) и *The First Watergate Address* (1973).

В качестве инструментария для обработки указанных текстов была выбрана программа контент-анализа *Linguistic Inquiry and Word Count* (или кратко LIWC), разработанная на факультете психологии Техасского университета под руководством Джеймса Пеннебейкера. В результате использования LIWC языковые средства из анализируемой речи распределяются по категориям (когнитивные, аффективные, поведенческие) и определяется процентное соотношение содержания единиц каждой категории в тексте. Далее с помощью изучения корреляции лингвистических и экстралингвистических факторов делаются выводы о скрытых механизмах конкретного вербального поведения личности, и уточняется аутентичность текста.

“THE BEST DEFENSE IS A GOOD OFFENSE” ИЛИ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В THE CHECKERS SPEECH

“The best and only answer to a smear or an honest misunderstanding of the facts is to tell the truth” (Richard Nixon, the “Checkers” Speech)

На протяжении всей жизни Ричарду Никсону неоднократно приходилось бороться с инсинуациями со стороны противников — они вновь и вновь пытались уличить его в сокрытии правды. Так, на заре политической карьеры в Белом Доме — когда в 1952 году Р. Никсон баллотировался в вице-президенты — против него было выдвинуто обвинение в том, что он пользуется средствами трастового

фонда, который его сторонники создали для продвижения его кандидатуры. И он решился обратиться к нации по радио, чтобы «рассказать правду» [Nixon 1952].

Выступление, ставшее известным как «речь Чекерса», по имени собаки, которую Никсон получил в качестве подарка, стала не столько орудием самозащиты, сколько удачным средством саморекламы, когда, сумев найти подход к миллионной аудитории радиослушателей, Р. Никсон смог обрести многочисленных сторонников. Помимо убедительных аргументов в свое оправдание Р. Никсон растопил сердца людей своей личной историей, берущей начало еще в детстве.

Показатель использования личных местоимений в данной речи самый высокий по сравнению с другими местоимениями (10.65). Использование форм личного местоимения первого лица (8.46), а также полных и вспомогательных глаголов (15.58 и 10.71 соответственно) также достигает очень высокого уровня. Эти данные свидетельствуют о том, что Р. Никсон говорит не как находящийся на Олимпе аристократ, а выступает как представитель более низкого социального класса. Такой вывод не может не удивлять.

Что могло заставить такого, на тот момент уже довольно опытного, политика использовать лексику, не свойственную представителям его класса и статуса? Если предположить, что он делал это в расчете на свою особую целевую аудиторию, то непонятным становится следующий факт. Как известно, Р. Никсон — член Республиканской партии, основными избирателями которой являются бизнесмены и люди с высоким достатком. Однако Р. Никсон обращается не к ним. Его целевой аудиторией становится самая широкая телевизионная публика — все граждане Америки, люди среднего достатка. Такой стратегический ход кажется вполне оправданным, если мы примем во внимание то обстоятельство, что кандидат на пост вице-президента обвинялся в том, что действовал в интересах организаторов фонда. Обвинения в незаконности действий и «нечистоте» помыслов звучат еще более трагично на фоне заявлений республиканцев во время кампании 1952 года об их намерении «очистить Вашингтон от коррупции».

Что касается представителей Демократической партии, которые также упоминаются Р. Никсоном в речи, то они не преминули воспользоваться ситуацией и заявили, что «руки кандидата республиканцев на пост вице-президента не совсем чисты» [Vochin 1990: 34].

Еще одним важным замечанием, которое можно сделать с помощью программы LIWC, является то, что Р. Никсон, по классификации Дж. Пеннебейкера, использует язык так, как будто это бы говорила женщина. Высокий уровень использования личных местоимений первого лица (8.46), а также когнитивной и социальной лексики (17.07 and 10.89 соответственно) являются маркерами категории *feminity*. Из чего можно заключить, что эту речь ему помогала составлять женщина. Однако если предположить, что женщины составляют большую часть радиослушателей, то Р. Никсону удалось «нажать на правильные клавиши» и оказать нужное ему эмоциональное воздействие на электорат.

Дж. Пеннебейкер указывает, что в неформальных ситуациях люди обычно говорят, как женщины, а во время формальных встреч, они, как правило, употребляют языковые средства «в мужском формате» [Pennebaker 2011: 47]. Из этого

следует вывод о том, что Р. Никсон старался говорить менее официально с целью большего эмоционального воздействия на радиослушателей.

Если задумываться о целевой аудитории, то мы также должны учитывать время, выбранное для трансляции. Обращение было сделано вечером во вторник 23 сентября, сразу после высокорейтинговой юмористической передачи “The Milton Berle Show”. Этот факт может также служить подтверждением нашего предположения о том, что обращение было адресовано самой широкой аудитории и со стороны выступающего были приложены все усилия для наибольшего воздействия на нее.

Когда мы читаем эту речь, нам трудно отделаться от впечатления о том, что Р. Никсон пытается уверить слушателей в том, что он такой же обыкновенный человек, он тоже знает, что такое финансовые трудности, что на самом деле он не совсем богат и не настолько надменен, как многие из его окружения. Иначе говоря, он принижает себя до уровня людей более низкого социального класса. И в этом случае становится понятным, что выступающий преследует коммуникативную стратегию «я один из вас, я такой же, как вы».

Давая оценку эмоциональному состоянию Р. Никсона на момент произнесения им речи, напрашивается вывод о том, что он переживает грусть и злость. Подтверждением этому служат высокие показатели использования форм личного местоимения первого лица (*I-words*) (8.46), глаголы в прошедшем и будущем времени (4.03 и 1.41 соответственно) и слова, характеризующие ментальные процессы (так называемые *cognitive words* — 17.07). В своей сумме эти маркеры являются характеристиками грусти, а частотность использования местоимений второго и третьего лица (1.41 и 1.34 соответственно) и глаголов в настоящем времени (8.85) — показателями определенного уровня озлобленности.

Однако не только данные программы LIWC свидетельствуют о том, что Р. Никсон пребывает в депрессивном состоянии. Наши наблюдения также подтверждаются некоторыми фактами биографии. Х. Бочайн приводит следующий аргумент: “He had been in politics only six years. He had come about as far in his chosen career as a man his age could expect, when suddenly he found himself fighting for his political life” [Bochin 1990: 37].

Другими словами, для человека, достигшего очень много за шестилетний срок нахождения в политике, сложившаяся ситуация была серьезным потрясением. И нужно лишний раз подчеркивать тот факт, что после появления провокационной статьи политик был подвергнут острой критике со стороны своих оппонентов?

Таким образом, так называемая *Checkers Speech* — это не только обращение к гражданам Америки за поддержкой, но и прямой ответ политическим оппонентам, контратака на их позицию (напр., “I might put my wife on the payroll as did the Democratic nominee for Vice President” [Nixon 1952]). Х. Бочайн также описывает вышеупомянутый факт и обращает наше внимание на то, что Р. Никсон в своей речи делает акцент не только и не столько на фонде как таковом, но также вступает в активную полемику со своими идейными оппонентами. Таким образом, он не только принимает тактику защиты, но и выстраивает собственную стратегию

нападения. Следующее высказывание, которое приписывают Р. Никсону, служит еще одним подтверждением наших выводов: “When somebody launches an attack, your instinct is to strike back” («Когда вам наносят удар, естественной реакцией является контратака») [Bochin 1990: 36].

Рассматривая данную речь в рамках категории «честность—лживость», можно сделать следующие наблюдения. В речи присутствуют многочисленные употребления форм местоимения первого лица единственного числа (так называемые *self-references* — 8.46), и это говорит в пользу честности мотивов выступающего. Однако частотность использования когнитивной и эмоциональной лексики и низкое содержание в речи лексики с указанием времени и места являются маркерами того, что Р. Никсон не до конца честен в своем обращении к аудитории. Более того, различные виды глаголов, которыми изобилует текст речи, также несут на себе отпечаток неестественности и неискренности политика.

Так или иначе, по данным Хала Бочайна, специалиста по коммуникативным стратегиям, данная речь была очень тепло принята аудиторией: на адрес Республиканского национального комитета и других официальных организаций, связанных с предвыборной кампанией, поступило огромное количество телеграмм и писем. На речь политика откликнулись люди из 48 штатов. В своих сообщениях люди особенно отмечали личные качества Р. Никсона — его честность, смелость, патриотизм и преданность своей семье [Bochin 1990: 43].

Принимая во внимание все вышесказанное, мы можем признать, что Р. Никсон достиг своей цели и его речь может считаться большим успехом. Газета “The Denver Post” писала: “Senator Nixon talked his way into the hearts of millions... by speaking plainly about the dilemma of a poor man and the rich sweepstakes of politics” («[Сегодня] сенатор Никсон говорил с американцами простым языком о том, что у делающих ставки в политике богачах нет места мелкой сошке, и ему удалось донести эту мысль до миллионов») ... [Bochin 1990: 43]. А генерал Эйзенхауэр, который в то время являлся кандидатом на пост президента от Республиканской партии, говорил: “I have seen brave men in tough situations. I have never seen anyone come through in better fashion than Senator Nixon did tonight” («Я мог лицезреть многих храбрецов в тяжелых ситуациях, но я не видел ни одного человека, который бы так блестяще, как сенатор Никсон сегодня вечером, смог бы справиться с выпавшими на него испытаниями») [Bochin 1990: 42].

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРИОБРОДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ В THE GREAT SILENT MAJORITY SPEECH И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

“Now that we are in the war, what is the best way to end it?” (Richard Nixon, “The Great Silent Majority” Speech)

Как следует из Cambridge Advanced Learner’s Dictionary, под “silent majority” подразумевается «большое количество людей, не высказавших своего мнения по какому-то поводу». Если переводить дословно, то это «безмолвное большинство». Именно к этому безмолвному большинству Р. Никсон обратился в своей речи 3 ноября 1969 года с призывом открыто выражать свое мнение в отношении войны во Вьетнаме.

Эта речь считается одной из самых знаменитых речей, произнесенных Р. Никсоном во время его первого срока на посту президента США. И в то же время — одной из самых противоречивых. Р. Никсон в ней дает оценку очень сложной, отягощенной множеством нюансов стратегической обстановке во Вьетнаме, а также вводит свою доктрину «вьетнамизации войны», которая заключается в том, чтобы вывести вооруженные силы США с территории страны и потребовать от Южного Вьетнама продолжать защищать себя самостоятельно.

Эта речь стала еще одним успехом Р. Никсона. Данные телефонного опроса общественного мнения, который был проведен сразу же после трансляции, свидетельствуют о том, что 77% всех тех, кто слушал выступление Президента, поддержали его позицию. Количество же тех, кто был против, было менее 14%. Белый Дом был снова наводнен письмами, телеграммами, и в нем не умолкали телефоны. Но для Президента была не столько важна реакция публики, сколько отзыв Конгресса на данную речь: как пишет биограф Никсона, “both the House and Senate passed resolutions expressing their confidence in Nixon’s handling of the war” («обе палаты Конгресса приняли резолюции, в которых высказывается уверенность в том, что Р. Никсон держит ситуацию в войне во Вьетнаме под контролем») [Vochin 1990: 62].

Возможно, положительный эффект, который произвела речь, был предсказуем. Р. Никсон не просто публично заявил о своих взглядах на вьетнамскую военную кампанию, он повторно, также, как и в *The Checkers Speech*, смог правильно отреагировать на эмоции людей, ответить на их чувство правды, морали и патриотизма.

Он начал свое выступление с вопросов, которые, как он думал, беспокоили всех американцев. Но ответы на эти вопросы последовали не сразу — вместо них Никсон дает характеристику сложившейся ситуации. Он подвергает критике тех, кто определял политику ведения войны до него, отмечает ошибки, допущенные его предшественником на посту президента — Линдоном Джонсоном. После этого он делится с аудиторией своей собственной инициативой вывести США из Вьетнамской войны. Он предлагает свой план, по которому «вывод американских войск будет продиктован соображениями сильного, а не слабого» (“the withdrawal will be made from strength and not from weakness”). Однако вместе с этим он подчеркивает, что незамедлительный вывод американских войск обречет множество людей на гибель. Как отмечает Никсон в своей речи, “I rejected the recommendation that I should end the war by immediately withdrawing all of our forces” («Я не стал следовать рекомендации о том, что мне нужно немедленно вывести все войска из Вьетнама и тем самым закончить войну»). И все эти идеи нашли понимание и поддержку у большинства американцев.

В речи “The Great Silent Majority” Р. Никсон уже обращается к гражданам США как личность, принадлежащая к более высокому социальному классу. Об этом свидетельствует высокий уровень использования многосложных слов (в терминах Дж. Пеннебейкера, «состоящих из более, чем шести букв») и артиклей (21.65 и 8.80 соответственно). Следует напомнить о том, что артикль является

категорией, указывающей на присутствие в тексте имен, а следовательно, когнитивная сложность адресанта и потенциального адресата высокая.

Данная речь появилась спустя семнадцать лет после “The Checkers Speech”. На протяжении этого времени Ричард Никсон активно занимался политической деятельностью, достигал новых вершин, утверждался как стратег и тактик своего политического курса. Поэтому вполне закономерным будет вывод о том, что Президент уже выступает в более аристократичной, официальной, а порой даже витиеватой манере.

Официальный тон речи подтверждают и показатели категории “masculinity”, определяющей гендерный фактор речи. По данным программы LIWC, количество сложных, или «многобуквенных», слов составляет 21.65, предлогов — 16.53, числительных — 1.58, среднее количество слов в предложении в тексте — 20.76.

Следует также отметить и специфику возрастного критерия. Данные показывают, что Ричард Никсон произносит эту речь как представитель старшего поколения. Ему уже 56 лет, и это совсем другой человек — умудренный опытом политик. Он часто употребляет артикли, существительные и предлоги (численные данные по этим категориям уже были представлены выше). Он больше ссылается на будущее, чем на прошлое, а также активно использует «когнитивную» лексику. Эти же показатели указывают на присутствие у политика ощущения власти и всемогущества. Его характеризует (по терминологии Дж. Пеннебекера) «формальный стиль мышления», который детерминирован минимализмом в проявлении эмоций.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ «FIRST WATERGATE ADDRESS» И АНАЛИЗ ПРИЧИН ЕЕ НЕУДАЧИ

“We must maintain the integrity of the White House, and that integrity must be real, not transparent, there can be no whitewash at the White House” (Richard Nixon, First Watergate Address)

По данным опроса общественного мнения, который был проведен сразу после объявления о том, что мирный договор во Вьетнаме находится на стадии обсуждения, в 1973 году 68 процентов американцев высказали одобрение относительно того, как Никсон проводит урегулирование процесса. Однако к августу 1974 года его политический курс поддерживало только 24 процента населения, а 65 — считали, что он должен быть подвергнут процедуре импичмента. Такая перемена была связана с тем, что в стране практически не было человека, который бы не слышал о Вотергейтском скандале [Bochin 1990: 60].

В качестве комментария следует напомнить, что все началось 17 июня 1972 года, когда в офисе Демократической партии в гостинице “Watergate” были арестованы пятеро республиканцев, пытавшихся похитить ценную информацию или предпринять какие-то действия по дискредитации предвыборного процесса демократов. Р. Никсон всячески пытался отгородиться от любых обвинений и убеждал электорат в своей непричастности к происшедшему. И произнесенная им 30 апреля 1973 года речь под неофициальным названием “No Whitewash at the White House Speech” стала одной из таких попыток.

Анализ данных с помощью программы LIWC показал, что в данной речи Президент предстает не оправдывающимся служащим, а аристократом из Белого Дома, использующим весь свой потенциал высокопарной и изоэтрной речи, чтобы убедить миллионы американцев в своей правоте.

Политик активно использует длинные слова и предлоги. Средний показатель количества слов на одно предложение является максимальным из всех анализируемых речей — 24.29, также отмечается высокий показатель использования числительных (1.19). В речи присутствует большое количество «многобуквенных» слов — 22.68, показатель использования артиклей — 8.02, а предлогов — 16.50.

В то же время на себя обращает внимание высокий процент словоформ личного местоимения первого лица единственного числа — 7.84 и самого местоимения *I* — 4.48.

Первый параметр может указывать на зависимость человека от внешних факторов, обстоятельств, когда не сам человек контролирует ситуацию, а ситуация контролирует его. Например, при сравнении двух фраз: “They told me” и “I learnt” следует, что в первой фразе информация пришла от кого-то, а во второй — человек разузнал ее сам.

Второй параметр — использование местоимения *I* свидетельствует о том, что говорящий либо очень уверен в себе или своей правоте и ему свойственна самостоятельность при принятии решений, однако, с другой стороны, оно может указывать на наличие внутренних проблем или какого-то внутреннего конфликта. Следовательно, данная ситуация не могла не оказывать эмоционального влияния на Президента, он, по всей видимости, знал о происшедшем, и факт вовлеченности в данный процесс многих людей и целых властных кругов заставлял его хранить молчание и утверждать свою непричастность.

В данной связи следует заметить, что активное использование местоимения *I* также является показателем депрессивного состояния политика, и при анализе экстралингвистического контекста речи его наличие становится вполне закономерным.

Подавляющее количество анализируемых параметров указывают на удрученное состояние выступающего: помимо упоминаемых нами форм личного местоимения первого лица он активно употребляет глаголы прошедшего и будущего времени и использует «когнитивные» слова.

При этом по всем показателям отмечается присутствие самообладания и отсутствие озлобленности. Это проявляется в минимальных показателях местоимений второго и третьего лица (0.58 и 0.47 — ед.ч., 0.54 — мн.ч. соответственно). Как известно, именно наличие в речи политика местоимений *you*, *he* или *she* является веским доказательством того, что он сердится на своего оппонента [Pennebaker 2011: 107]. Данную ситуацию можно оценить и с другой стороны. За самообладанием стоит желание всецело взять ответственность за происшедшее на себя, а за отсутствием озлобленности можно разглядеть нежелание Президента списывать вину на кого-то еще и оставить все как есть до того момента, пока суд не укажет на правых и виноватых. Для политика такие ситуации

могут стать фатальными, и человеку с большим политическим опытом лишний раз это объяснять не нужно.

Об особом риторическом таланте Р. Никсона и его способности держать эмоции под контролем свидетельствует тот факт, что во время написания этой речи он в сердцах крикнул своему спичрайтеру Рэю Прайсу: “flat, distant, defeated” ([я] «раздавлен, отстранен, повержен»). Рэй Прайс вспоминал, что после этих слов он повернулся к нему и спросил: “May be I should resign. Do you think so? You’ve always been the voice of my conscience. If you think I should resign, just write it into the next draft, and I’ll do it” («Может быть, мне нужно подать в отставку. Как ты считаешь? Ты всегда был голосом моей совести. Если ты считаешь, я должен уйти, просто впиши это в следующий черновик выступления, и я это озвучу»). Никогда раньше Прайс не видел своего патрона в таком подавленном состоянии. К вопросу об отставке Никсон возвращался в тот день дважды [Bochin 1990: 71].

В связи с появлением факта о том, что речь писалась спичрайтером, а Никсон ее только правил, может возникнуть закономерный вопрос о правомочности проведения анализа подобных выступлений.

И.Э. Стрелец со ссылкой на известных политических психологов — Дина Кита Саймонтона, Дэвида Уинтера, Маргарет Херманн и др. — в качестве аргумента в защиту таких исследований указывает на три момента. «Во-первых, президент может артикулировать только те идеи и в той форме, которые согласуются с его мотивами, мировоззрением, ценностями, убеждениями. Во-вторых, кадры спичрайтеров всегда рекрутируются таким образом, чтобы их личность в ключевых аспектах была конгруэнтна личности политика, с которым ему предстоит работать. В-третьих, все произнесенное президентом той или иной страны, независимо от степени участия специалистов в подготовке публичных выступлений, всегда воспринимается массовым сознанием, интерпретируется коллегами и экспертами, имеет общественный резонанс как слова лидера этой страны» [Стрелец 2014: 96].

Поэтому нестабильное эмоциональное состояние политика в момент написания речи и сама речь, которую он озвучивает спустя какое-то время, это никак не связанные друг с другом факторы. Спичрайтер в судьбоносный момент рождения очередного президентского выступления оказывается важным громоотводом для нежелательных эмоций, которые в противном случае могли бы повлиять на речь и, как следствие, принести политику репутационные потери. Президент, «придя в себя» после каких-либо замешательств, вычитывает финальный проект речи и вносит в нее последнюю правку. Когда речь озвучивается, то транслируется версия, под каждым словом которой президент подписывается лично. Таким образом, даже с натяжкой можно сказать, что речь президента становится его собственным литературным произведением, анализируя которое мы можем делать выводы об аффективной, поведенческой или когнитивной составляющей его вербального поведения на данном этапе.

Завершая анализ «Первой уотергейтской речи», следует сделать ряд замечаний относительно параметров, касающихся дихотомической категории «честность—лживость».

В своей речи Р. Никсон без каких-либо опасений говорит: “I was determined that we should get to the bottom of the matter, and that the truth should be fully brought out — no matter who was involved” («Моим намерением было дойти до самой сути проблемы и выяснить правду — вне зависимости от того, кто был замешан в этом деле»). Подобные заявления не являются редкостью в устах политиков. Однако произносить их может только человек бесстрашный и уверенный в себе.

Проведенный анализ указывает на использование лексических средств с позитивно-эмоциональными коннотациями (3.76), численно превышающие слова, маркированные тревогой и беспокойством (0.47).

Однако показатели подобного рода указывают на то, что политик пытается быть честным, но это ему сделать не удастся. Он хочет выдать желаемое за действительное. Дж. Пеннебейкер в своей монографии неоднократно проводит мысль о том, что честность мотивов в первую очередь выражается в максимально сниженных показателях присутствия позитивных эмоций [Pennebaker 2011: 139, 145, 159].

Надо полагать, что, если бы свою речь Р. Никсон писал сам, аудитория смогла бы понять и оценить его порыв к поиску правды. Его тревожное состояние никак не позволило ему допустить ложную эмоциональность. Наоборот, он бы был предельно собран и лаконичен. Но, видимо, его «голос совести» Рэй Прайс смог убедить его в возможности допустить другие интенции.

В конце своей речи Р. Никсон решает «снизить» градус уотергейтского скандала и переключить внимание аудитории на внешнеполитические события. Так, он начинает говорить о том, что “this is also a year in which we are seeking to negotiate a mutual and balanced reduction of armed forces in Europe <...> It is the year when the United States and Soviet negotiators will seek to work out the second and even more important round of our talks” («в этом году мы попытаемся прийти к соглашению о двустороннем сокращении вооруженных сил в Европе <...>, в этом году дипломаты Соединенных Штатов и Советского Союза будут работать над проведением второго раунда переговоров, который будет по значимости превосходить первый»), и все это мы делаем ради наших внуков, правнуков и мира во всем мире (ср. “to make it possible for our children, and for our children’s children, to live in a world of peace”) [Nixon 1973].

Подобные коммуникативные тактики являются частотными в президентской риторике. Пресловутое позитивное мышление часто довлело над американскими президентами. Однако в конкретном случае призывы доверять своему президенту как стратегу нации не сработали. Вместо этого, по всей видимости, нужно было четче обрисовать свою роль в происшедшем. Попытки оправдывать себя и извиняться оказались тщетными. Вслед за профессором Халом Бочайном, автором книги «Richard Nixon: Rhetorical Strategist» следует отметить, что главной причиной провала данной речи было то, что Р. Никсон не говорил правду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог сказанному, следует отметить, что 37-й Президент США Ричард Никсон был выдающейся фигурой, как с точки зрения геополитических отношений, так и с точки зрения политической риторики. В начале статьи было отмечено,

что на долю этого политика выпало испытание постоянно оказываться в положении человека, доказывающего своим согражданам свою правоту. Причем если кому-то из президентов, вице-президентов или госсекретарей неправда сходила с рук (например, Гарри Труману, Линдону Джонсону, Генри Киссинджеру), то для Р. Никсона она оказывалась домкловым мечом. И стоило один раз серьезно оступиться — ему самому или его ближайшему окружению (даже из лучших побуждений), и его политической карьере пришел конец.

В своем анализе мы рассмотрели вербальное поведение политика на примере его избранных выступлений и посредством анализа самостоятельных и служебных частей речи смогли прийти к выводу о том, что лексический состав речи политика является эффективным инструментом для углубленного изучения его языковой личности и определения прагмалингвистической ценности его коммуникативных стратегий и тактик.

© Мухортов Д.С.

Дата поступления: 5.01.2018

Дата приема в печать: 25.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мухортов Д.С. (а) Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. С. 167—173.
2. Мухортов Д.С. (б) Прагмасемантический анализ самостоятельных и служебных частей речи в публичных выступлениях главы государства (на материале программных речей Рональда Рейгана) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. Т. 4. No 50. С. 157—172.
3. Мухортов Д.С. О некоторых особенностях лексико-семантической структуры англоязычного предвыборного дискурса // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: Материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—30.09.2016). Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т», 2016. С. 152—154.
4. Мухортов Д.С. О некоторых особенностях реализации агональной функции в дебатных выступлениях кандидатов на пост президента США (на материале высказываний Марко Рубио, Теда Круза и Дональда Трампа) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва, 2017. Т. 8. No 2. С. 350—357.
5. Стрелец И.Э. Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли президента России: Дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2014.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
7. Bochin, H. Richard Nixon: Rhetorical Strategist. Greenwood Publishing Group, 1990.
8. Brusckke, J., Divine, L. Debunking Nixon's Radio victory in the 1960 election: Re-analyzing the Historical Record and Considering Currently Unexamined Polling Data. *The Social Science Journal* (pp. 67—75). Vol. 54, Issue 1, March 2017.
9. Chung, C.K., Pennebaker, J.W. The Psychological Functions of Function Words in Fieldler (Ed.), *Social Communication* (pp. 343—359). New York, 2007: Psychology Press.
10. DeGroot, T., Aime, F., Johnson, S.G., Klumper, D. Does Talking the Talk Help Walking the Walk? An Examination of the Effect of Vocal Attractiveness in Leader Effectiveness. *The Leadership Quarterly* (p. 680—689). Vol. 22, Issue 4, August 2011.

11. *Leuprecht, C., Skillicorn, D.B.* Incumbency Effects in U.S. Presidential Campaigns: Language Patterns Matter. *Electoral Studies* (p. 95—103). Vol. 43, September 2016.
12. *Nixon, R.* The Great Silent Majority Speech. 1969. November 23. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/richardnixongreatsilentmajority.html> (Дата обращения: 17.07.17).
13. *Nixon, R.* Checkers Speech. 1952. September 23. URL: <http://ww.emersonkent.com/speeches/checkers.htm> (Дата обращения: 17.07.17).
14. *Pennebaker, J.W.* The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say about Us. New York: Bloomsbury Publishing, 2011.
15. *Pennebaker, J.W., King, L.A.* Linguistic Styles: Language Use as an Individual Difference. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999, Vol. 77, No. 6, 1296—1312.
16. *Pennebaker, J.W., Persaud, R.* The Third UK Debate: Assessing Optimism, Honesty, and Thinking Styles. URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/29/the-third-uk-debate-assessing-optimism-honesty-and-thinking-styles/> Дата обращения: 17.07.2017.
17. *Nixon, R.* Address to the Nation about the Watergate Investigations. 1973. April 30. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/americalexperience/features/primary-resources/nixon-water1/> (Дата обращения: 17.07.17).
18. *Sorlin, S.* The Pragmatics of Manipulation: Exploiting Im/politeness Theories *Journal of Pragmatics* (pp. 132—146). Vol. 121, November 2017.
19. *Sturm, R.E., Vera, D., Crossan, M.* The Entanglement of Leader Character and Leader Competence and Its Impact on Performance. *The Leadership Quarterly* (pp. 349—366). Vol. 28, Issue 3, June 2017.
20. *Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W., Stone, L.D.* Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates // *Journal of Research in Personality* 2007. No. 41. pp. 63—75.
21. *Wasike, B.* Charismatic Rhetoric, Integrative Complexity and the U.S. Presidency: An Analysis of the State of the Union Address (SOTU) from George Washington to Barack Obama (pp. 812—826). *The Leadership Quarterly*. Vol. 28, Issue 6, December 2017.

УДК: 159.9:808.5:32(73)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92

PRAGMALINGUISTICS OF RICHARD NIXON'S STYLISTIC BEHAVIOR (research into the president's selected speeches)

Denis S. Mukhortov

Lomonosov Moscow State University
1/51, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119234

Abstract. The paper seeks to analyze pragmalinguistic features of the politician's stylistic behavior by studying nominative and syncategorematic parts of speech in his discourses. The hypothesis is regardless extralinguistic factors in a communicative situation the stylistic behavior can be seen as the touchstone of the politician's success. A deficient stylistic behavior is fraught with communicative flops. The paper discusses theoretical grounds of pragmasemantic analysis of the politician's stylistic idiosyncrasies, suggests a classification of categories for pragmasemantic analysis, pinpoints a cluster approach to studying lexical and syntactic units, and provides new insights into semiotics of the status-bound type of language identity. This article drawing on Richard Nixon's selected speeches, The Checkers Speech (1952), The Great Silent

Majority Speech (1969), and The First Watergate Address (1973), specifies the concept of presidential language identity. A determining factor moulding the stylistic behavior of this kind of people is a stressful or semi-stressful situation. The method of research in the article is termed as ‘pragmasemantic analysis of the politician’s language identity’. It is yet to be elaborated in detail. The article attempts to define it as focusing on interrelated grammar categories, like personal pronouns, verb tense, functional and auxiliary verbs, article, numerals, and prepositions, along with communication-bound categories of optimism/pessimism, diplomatic/bossy, president-like speech/unpresident-like speech, age, gender, vested interests group membership in order to find out the politician’s idiosyncrasies and communication strategies and tactics. The article argues that whatever strategies and tactics Nixon pursued in his discourses, his stability in the domestic political arena was guaranteed only by truthful verbal behavior. The Watergate speeches failed him and he paid the price for it. The paper, hence, highlights the problem of studying truth/lie verbal markers which largely depend on the author of the text in question.

Key words: pragmalinguistics, stylistic idiosyncrasies, a politician’s stylistic behavior, pragmasemantic analysis, status-bound type of language identity

REFERENCES

1. Mukhortov, D.S. (a) (2014). ‘Yazykovaya lichnost’, ‘rechevoy portret’, ‘idiostil’, ‘idiolect’: the notions of Russian scholars in contrast. What is required to study the politician’s stylistic behaviour? *Politicheskaya Kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ekaterinburg, 26—28.08.2014)* In *Political Communication: Prospects of Development of the Scientific Sphere*, 2014. pp. 167—173. (Russ).
2. Mukhortov, D.S. (b) (2014). A Pragmasemantic research into nominative and syncategorematic parts of speech in public discourses of the head of state (a study of R. Raegan’s addresses), *Political Linguistics*, 4 (50), 157—172.
3. Mukhortov, D.S. (2016). Featuring the lexical semantic structure of the English election discourse / *Political Linguistics: problems, methods, aspects of research and prospects of the field of study: Proceedings of the International scientific conference in Ekaterinburg on September 26—30, 2016*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 152—154.
4. Mukhortov, D.S. (2017). On some features of the adversarial function in debates between US presidential contenders: research into the rhetoric of Marco Rubio, Ted Cruz, and Donald Trump, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 350—357.
5. Strelets, I.E. (2014). The influence of personal characteristics of political leaders in the exercise of the office of president of Russia [dissertation]. Moscow.
6. Sheigal, E.I. (2000). Semiotics of political discourse [dissertation]. Volgograd.
7. Brusckhe, J. & Divine, L. (2017). Debunking Nixon’s Radio victory in the 1960 election: Re-analyzing the Historical Record and Considering Currently Unexamined Polling Data. *The Social Science Journal*, 54(1), 67—75.
8. Bochin, H. (1990). Richard Nixon: rhetorical strategist. Greenwood Publishing Group.
9. Chung, C.K. & Pennebaker, J.W. (2007). The psychological functions of function words in Fieldler (Ed.). In *Social Communication*. New York: Psychology Press. pp. 343—359.
10. DeGroot, T., Aime, F., Johnson, S.G. & Kluemper, D. (2011). Does Talking the Talk Help Walking the Walk? An Examination of the Effect of Vocal Attractiveness in Leader Effectiveness. *The Leadership Quarterly*, 22(4), 680—689.
11. Leuprecht, C. & Skillicorn, D.B. (2016). Incumbency Effects in U.S. Presidential Campaigns: Language Patterns Matter. *Electoral Studies*, 43, 95—103.
12. Nixon R. (1969). The Great Silent Majority Speech. November 23. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/richardnixongreatsilentmajority.html> (accessed: 17.07.17).
13. Nixon, R. (1952). Checkers Speech. September 23. URL: <http://www.emersonkent.com/speeches/checkers.htm> (accessed: 17.07.17).

14. Pennebaker, J.W. (2011). *The secret life of pronouns: what our words say about us*. New York: Bloomsbury Publishing.
15. Pennebaker, J.W. & King, L.A. (1999). Linguistic styles: language use as an individual difference. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77(6), 1296—1312.
16. Pennebaker, J.W., Persaud, R. The Third UK Debate: Assessing Optimism, Honesty, and Thinking Styles. URL: <https://wordwatchers.wordpress.com/2010/04/29/the-third-uk-debate-assessing-optimism-honesty-and-thinking-styles/> (accessed: 17.07.2017).
17. Nixon, R. (1973). Address to the Nation about the Watergate Investigations. April 30. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/primary-resources/nixon-water1/> (accessed: 17.07.17).
18. Sorlin, S. (2017). The Pragmatics of Manipulation: Exploiting Im/politeness, *Theories. Journal of Pragmatics*, 121, 132—146.
19. Sturm, R.E., Vera, D. & Crossan, M. (2017). The Entanglement of Leader Character and Leader Competence and Its Impact on Performance. *The Leadership Quarterly*, 28(5), 349—366.
20. Slatcher, R.B., Chung, C.K., Pennebaker, J.W. & Stone, L.D. (2007). Winning words: Individual differences in linguistic style among U.S. presidential and vice presidential candidates. *Journal of Research in Personality*, 41, 63—75.
21. Wasike, B. (2017). Charismatic Rhetoric, Integrative Complexity and the U.S. Presidency: An Analysis of the State of the Union Address (SOTU) from George Washington to Barack Obama. *The Leadership Quarterly*, 28(6), 812—826.

Для цитирования:

Мухортов Д.С. О прагмалингвистических особенностях вербального поведения американского президента Ричарда Никсона (на материале избранных речей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 77—92. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92.

For citation:

Mukhortov, D.S. (2018). Pragmalinguistics of Richard Nixon's stylistic behavior (research into the president's selected speeches). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 77—92. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92.

Denis S. Mukhortov, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 77—92. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-77-92.

Сведения об авторах:

Денис Сергеевич Мухортов, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов*: герменевтическое исследование политического дискурса, семантический анализ гипертекста, лексико-семантические и синтаксические трансформации при переводе речей политика, *e-mail*: dennismukhortov@mail.ru.

Bio Notes:

Denis Sergeevich Mukhortov, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Linguistics, School of Philology, Lomonosov Moscow State University. *Research interests*: hermeneutic study of political discourse, semantic analysis of hypertext, lexical-semantic and syntactic transformation in the translation of policy speeches, *e-mail*: dennismukhortov@mail.ru.

УДК: 811.112.2'25:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-93-104

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НЕМЕЦКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (на материале публичных выступлений Франка-Вальтера Штайнмайера)

Д.В. Шапочкин

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, Россия, 625003

Данная статья посвящена исследованию немецкого дипломатического дискурса как языкового феномена в ракурсе его перевода и передачи с помощью семантических трансформаций с немецкого языка на русский. В качестве материала исследования предстает дипломатический дискурс бывшего министра иностранных дел Германии Франка-Вальтера Штайнмайера (2005—2009 и 2013—2017), в результате анализа которого автор подтверждает гипотезу о том, что доминирующей семантической трансформацией при переводе дипломатического дискурса является модуляция, а переводчику при передаче дипломатических текстов необходимо уделять особое внимание уточнению смыслового развития и конкретизации, целостному преобразованию и контекстным синонимам. Помимо этого, опираясь на свое исследование, автор поясняет, что при переводе текстов дипломатического дискурса не применяется такой вид трансформации, как адаптация.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, перевод, семантические трансформации, модуляция, смысловое развитие, конкретизация

ВВЕДЕНИЕ

Исследованию дипломатического дискурса, его характеристик, особенностей и отличий от других видов дискурса посвящены работы таких ученых, как И.А. Бубнова, Т.А. Волкова, Д.А. Голованова, А.А. Громько, А.С. Кожетева, Л.М. Терентий и др. Проблема исследования переводческих трансформаций освещается в работах И.С. Алексеевой, Л.С. Бархударова, Н.К. Гарбовского, Л.К. Латышева, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера.

В целом, дипломатический дискурс — это речевое взаимодействие в рамках института дипломатии. Институт дипломатии — это структура, которая решает вопросы внешней политики и взаимоотношений между государствами [Волкова 2011: 17].

Общение в рамках института дипломатии подчиняется определенным нормам и традициям, сложившимся за долгую историю международных дипломатических отношений. Все нормы, традиции и ряд условностей, которые обязаны соблюдать представители института дипломатии, прописаны в дипломатическом протоколе. Кроме дипломатического протокола речевое взаимодействие между различными

государствами регулируется с помощью нормативных актов международного права, Конституции, Федерального закона, а также требований указов президента, постановлений правительства и приказов министра иностранных дел [Кожетева 2014: 57].

Исходя из вышесказанного, дипломатический дискурс как объект исследования достаточно многогранен, институционален и вызывает большой интерес у лингвистов-переводчиков как языковое явление, обладающее собственными принципами организации и особенностями функционирования.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

В связи с активной международной деятельностью государств растет количество международных дипломатических встреч, конференций, выступлений и других форм дипломатического общения, а значит возрастает потребность в переводе текстов дипломатического дискурса.

Переводческие трансформации — прием, с помощью которого осуществляется перевод. Переводчику необходимо знать, на какие трансформации в первую очередь обращать внимание при переводе текстов дипломатического дискурса.

Для успешного выполнения своей профессиональной задачи переводчик постоянно пользуется таким переводческим приемом, как трансформации. Прежде всего, трансформация — это межъязыковое преобразование. По мнению И.С. Алексеевой, Л.К. Латышева и Я.И. Рецкера, данная операция заключается в том, что переводчик преобразует текст, а именно производит отступления от структурного и семантического параллелизма между текстом оригинала и его переводом в пользу их равноценности в плане воздействия. При этом происходит подбор соответствий в языке перевода [Алексеева 2004: 131; Латышев 2000: 27; Рецкер 2007: 45].

В теории перевода не существует единой классификации переводческих трансформаций. Каждый языковед предлагает свою типологию. Однако каждый, кто занимается данным вопросом, придерживается того или иного подхода. Существует 3 подхода к классифицированию переводческих трансформаций: типология по характеру переводческих действий, на основе языковых уровней и семиотический подход, который учитывает смысловое содержание иноязычного текста.

Рассмотрим семиотический подход, в основе которого лежит категория эквивалентности. Категория эквивалентности в свою очередь подразумевает 3 уровня семиотических отношений: прагматический, семантический и синтаксический. Исходя из этого, Н.К. Гарбовский выделяет 3 группы переводческих трансформаций:

- на прагматическом уровне,
- на семантическом уровне,
- на синтаксическом уровне [Гарбовский 2007: 390].

На прагматическом уровне главной задачей переводчика является достижение коммуникативного эффекта при полном или частичном изменении семантики

или синтаксической структуры предложения. На этом уровне выделяют 2 вида трансформаций:

- прагматические преобразования,
- прагматически обусловленные преобразования.

Преобразования **на семантическом уровне** ориентированы, прежде всего, на передачу содержания. Данная группа переводческих операций основывается на семантической модели перевода, которая в свою очередь строится на методе компонентного анализа: значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов — сем [Гарбовский 2007: 398]. Подбирается вариант перевода, передающий наиболее значимые семы: архисемы (отражают признаки, которые свойственны ряду понятий), дифференциальные семы (отражают признаки, которые отличают его от других) и потенциальные семы (отражает второстепенный признак). И так как при переводе невозможно повторить семантическую структуру иноязычного текста, переводчик пользуется трансформациями, при которых передается определенный набор смыслов единицы перевода, который бы был достаточен для эквивалентности иноязычного текста и его перевода. К ним относятся следующие трансформации:

- адаптация,
- эквиваленция,
- различные виды модуляций.

Адаптация — вид преобразования, в результате которого происходит не только изменение описания предметной ситуации, но и изменяется сама ситуация на ту, которую можно считать эквивалентной. Причинами данной трансформации являются, как правило, межкультурные различия, а не языковые.

Эквиваленция — описание аналогичной предметной ситуации разными стилистическими или структурными средствами. Как правило, эквиваленции являются устойчивыми, т.е. существуют готовые формы для перевода той или иной единицы перевода. Чаще всего с помощью эквиваленции производится перевод идиоматической фразеологии, в которую входят клишированные фразы, идиомы, пословицы, поговорки и т.д. [Комиссаров 1999: 31].

Модуляцией называется изменение ИТ на основе логико-семантических отношений между понятиями. В.Г. Гак выделяет 5 таких отношений:

- равнозначность,
- внеположенность или исключение,
- контрадикторность,
- подчинение или включение,
- перекрещивание или пересечение [Гак 1998: 470].

К отношениям равнозначности можно отнести лексико-семантическую синонимию. При переводе сохраняются все семантические компоненты, но к ним добавляется еще один. Например, президент — *глава государства*.

Отношения внеположенности — это использование смежного понятия в пределах одного родового понятия. Другими словами, сема замещается другой в пределах одной семантической категории. Например, *прохладный* — *холодный*.

При этом переводчик пользуется такими приемами, как целостное преобразование и компенсация. Под приемом целостного преобразования можно понимать преобразование внутренней формы слова, словосочетания или предложения. При этом преобразуются не отдельные элементы, а целостная структура так, что нельзя проследить связь внутренней формы единицы ИЯ и ПЯ [Рецкер 2007: 61]. Компенсацию же производят, когда невозможно передать элемент подлинника. При этом непередаваемый элемент заменяется другим элементом, который соответствует идейному характеру ИТ [Гильченко 2006: 13].

Контрадикторность другими словами можно назвать антонимией; замена понятия противоположным, что предполагает антонимический перевод. Например, *Я остаюсь. — Я не уйду.*

Подчинением или включением называется сужение или расширение семного состава понятия. Сужение или расширение семного состава можно добиться путем конкретизации или генерализации. Также это может быть замена эмоционально окрашенной лексики нейтральной. Например, *очи — глаза.*

Отношения перекрещивания имеют две разновидности: перенос по сходству (метафора) или перенос по смежности (метонимия). Например, *трус — заяц.*

Данный тип отношения предполагает использование таких переводческих приемов, как целостное преобразование, а также смысловое развитие (замена словарного соответствия контекстуальным).

Все эти отношения могут повлиять на перевод. Именно поэтому один и тот же текст можно перевести по-разному с учетом логико-семантических отношений между понятиями.

Следует также отличать модуляцию и эквиваленцию между собой, т.к. оба типа предполагают изменение описания ситуации. Эквиваленция, в отличие от модуляций, имеет аналоги, которые закреплены в словарях. Модуляция же — это, прежде всего, поиск собственных переводческих решений.

Следующий уровень трансформаций — **синтаксический**. В следствие того, что у каждого народа своя картина мира, следовательно, в каждом языке она передается по-разному, с различной последовательностью развития события. И когда главной целью перевода является именно передача мира, применяются трансформации на синтаксическом уровне. В группу таких трансформаций входят пермутация, тема-рематическая конверсия и изменение фокусирования.

Таким образом, в зависимости от того, какая первоначальная цель ставится перед переводчиком для достижения эквивалентности, мы применяем трансформации на трех уровнях, которые основываются на отношениях знаков. Стоит также отметить, что трансформации на разных уровнях часто пересекаются при переводе. Ведь несмотря на первоначальную цель перевода, необходимо добиться максимальной эквивалентности на всех уровнях.

Однако учитывая основную цель семантических трансформаций и дипломатического дискурса, можно сделать вывод о том, что использование именно семантических трансформаций будет приоритетным при переводе дипломатического дискурса. Поэтому именно данный вид трансформаций и послужит в качестве главного инструмента в нашей практической части данной статьи.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФРАНКА-ВАЛЬТЕРА ШТАЙНМАЙЕРА

Материалом данного исследования послужили немецкоязычные речи, а именно публичные выступления бывшего министра иностранных дел Германии Франк-Вальтера Штайнмайера и их перевод на русский язык.

Франк-Вальтер Штайнмайер примечателен своей политической карьерой. С 2009 года он являлся лидером фракции социал-демократической партии Германии в бундестаге. Также он был вице-канцлером Германии в период с 2007 по 2009 год. Дважды занимал пост федерального министра иностранных дел Германии (с 2005 по 2009 и с 2013 по 2017). 27 января 2017 года Франк-Вальтер Штайнмайер освобожден от должности министра иностранных дел. 12 февраля 2017 он избран Федеральным президентом Германии.

Для лингвопереводческого анализа используются в рамках данной статьи выступления Франк-Вальтера Штайнмайера на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Гамбурге, выступление в Уральском Федеральном Университете, совместное заявление Министров иностранных дел ФРГ и РФ о проведении в 2016—2017 гг. германо-российского Года молодежных обменов, заявление по случаю Дня памяти жертв национал-социализма, выступление на конференции по Ближнему Востоку в Париже, заявление о подтверждении режима прекращения огня в Восточной Украине, выступление по случаю избрания Антонио Таяни на пост Председателя Европейского парламента и выступление по случаю первой годовщины начала реализации венского соглашения по ядерной программе Ирана.

Все вышеуказанные тексты являются актуальными (на период 2016—2017 гг.) и взяты с официального портала германских зарубежных представительств в России как на немецком, так и на русском языках.

Представим далее ряд семантических трансформаций при переводе дипломатического дискурса Франк-Вальтера Штайнмайера:

◆ Эквиваленции:

Пример 1. *Meine Damen und Herren, willkommen zum 23. Ministerrat der Organisation für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa.* — *Дамы и господа, добро пожаловать на 23-е заседание Совета министров иностранных дел Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.*

Перевод вежливой фразы при помощи словарного соответствия-эквивалента.

Пример 2. *Schon jetzt bedanke ich mich bei ihren Bürgerinnen und Bürger für die Gastfreundschaft.* — *Пользуясь случаем, хочу сразу поблагодарить его жителей за оказанное гостеприимство.*

Данная фраза уже стала клишированной в дипломатическом дискурсе, перевод при помощи готовой формы, т.е. эквивалента.

Пример 3. *Ich denke hier an die Zivilgesellschaft und die Wissenschaft, die uns in der täglichen Arbeit genau auf die Finger schauen.* — *Я имею в виду гражданское общество и науку, которые пристально следят за нашей ежедневной работой.*

Перевод фразеологизма «auf die Finger schauen» при помощи словарного соответствия [Das Deutsch-Russische Wörterbuch Zeitgenössischer Idiome: http://idioms_de_ru.academic.ru/].

Итак, к эквиваленции переводчик прибегает в случаях, когда сталкивается с различного рода вежливыми фразами, клишированными фразами в дипломатическом дискурсе, а также при переводе фразеологизмов.

♦ **Модуляции, основанные на отношениях равнозначности:**

Пример 1. *Ich hoffe, dass der Geist dieser Stadt unsere Beratungen beflügeln wird.* — *Надеюсь, что атмосфера этого города вдохновит и наши совещания.*

В данном контексте «Geist» (дух, душа) и «атмосфера» являются синонимами [Pons: <http://ru.pons.com>].

Пример 2. *Im Januar sind wir in stürmischen Zeiten gestartet...* — *В январе мы двинулись в путь в бурные времена...*

«Starten» — стартовать, начинать, запускать [БНРС: http://dic.academic.ru/contents.nsf/ger_rus/]. Переводчик предпочел передать данное слово при помощи словосочетания, которое является синонимом к данному слову.

Пример 3. *Herzlichen Dank für Ihren Einsatz!* — *Искренне благодарю их за их активную работу!*

«Einsatz» — вставка, участие, применение [БНРС: http://dic.academic.ru/contents.nsf/ger_rus/]. Данное слово переведено лексемой, которая в данном контексте является синонимом.

Пример 4. *...der Wille und der Einsatz unserer Organisation...* — *...воля и усилия нашей организации...*

Как и в третьем примере, слово «Einsatz» переведено с помощью контекстуального синонима.

Пример 5. *Um dabei nachhaltigen Lösungen zum Durchbruch zu verhelfen...* — *Для разработки устойчивых концепций в целях достижения прорыва...*

Понятия «Lösung» (решение) и «концепция» являются синонимами в данном контексте, т.к. подразумевают одно и то же явление.

Таким образом, при использовании данного типа трансформаций переводчик старается подобрать нужный синоним, который бы более подходил к контексту и который бы соответствовал стилистическим особенностям дипломатического дискурса.

♦ **Модуляции, основанные на отношениях внеположенности:**

Пример 1. *Lassen Sie mich zunächst auf die Ukraine eingehen...* — *Позвольте вначале сказать несколько слов об Украине...*

Целостное преобразование: «auf etw. eingehen» — остановиться на чем-либо; переводчик меняет внутреннюю форму и переводит словосочетание иным структурным и лексическим средством.

Пример 2. *Immer noch bricht Gewalt hervor und es leidet die Zivilbevölkerung.* — *Все еще происходят всплески насилия, страдает мирное население.*

Компенсация: «*hervorheben*» относится к высокому стилю, однако на русский язык передать экспрессию этого слова невозможно, поэтому переводчик переносит ее на другой элемент, а именно на словосочетание «всплески насилия». Это необходимо для сохранения экспрессии предложения.

Пример 3. *Der große Wurf zur Überwindung des Trennenden wird uns so schnell nicht gelingen.* — ...**одним махом** преодолеть то, что разделяет нас, не удастся.

Целостное преобразование: при переводе меняется внутренняя форма лексической единицы.

Пример 4. *Zuletzt ist diese Berechenbarkeit aber **geschwunden**.* — Однако эта предсказуемость в последнее время **стала более зыбкой**.

Целостное преобразование: переводчик преобразует форму лексической единицы «*ist geschwunden*» (исчезла) и передает данную единицу при помощи лексической единицы, которая имеет иную внутреннюю форму.

Пример 5. *Wir sind aber noch nicht gut genug, um den immer komplexeren Konflikten der Gegenwart entgegenzutreten.* — Тем не менее, **мы еще не достигли достаточного уровня**, чтобы противостоять все более и более сложным конфликтам современности [Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier in der Eröffnungssitzung des OSZE-Ministerrates in Hamburg: http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/de/_pr/mosk/steinmeier-osze-08122016.html?archive=3485768; Выступление Федерального министра иностранных дел Германии Штайнмайера на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Гамбурге: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-osze-hamburg.html>].

Целостное преобразование: как и в предыдущих случаях, преобразуется внутренняя форма высказывания.

◆ Модуляции, основанные на отношениях контрадикторности:

Пример 1. *...Keine noch so große Mission wird einen Waffenstillstand erzwingen können, wenn **der politische Wille fehlt**.* — ...никакой миссии, какой бы крупной она ни была, не удастся заставить стороны соблюдать режим прекращения огня, если **не будет на то политической воли** [Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier in der Eröffnungssitzung des OSZE-Ministerrates in Hamburg: http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/de/_pr/mosk/steinmeier-osze-08122016.html?archive=3485768; Выступление Федерального министра иностранных дел Германии Штайнмайера на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Гамбурге: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-osze-hamburg.html>].

Пример 2. *Lesen-Können ist also alles andere als **trivial**.* — Таким образом, умение читать — вопрос отнюдь **не тривиальный**. [Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier an der Ural Federal University Jekaterinburg: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2016/160815_BM_Jekaterinburg.html; Выступление Федерального министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера в Уральском Федеральном Университете: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-jeka-2016.html>].

Пример 3. *Die Konfliktmuster sind andere, doch eine Erinnerung bleibt wach... — Модели конфликтов стали другими, но мы не забываем об одном...* [Mehr Sicherheit für alle in Europa — Für einen Neustart der Rüstungskontrolle: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2016/160826_BM_FAZ.html?nn=382590; Перезапуск контроля над вооружениями — больше безопасности для всех в Европе: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-namensartikel-faz-2016.html>].

Во всех случаях переводчиком используется антонимический перевод.

◆ **Модуляции, основанные на отношениях подчинения:**

Пример 1. *Meine Damen und Herren, willkommen zum 23. Ministerrat der Organisation für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa. — Дамы и господа, добро пожаловать на 23-е заседание Совета министров иностранных дел Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.*

Конкретизация: Ministerrat — заседание совета. Переводчик конкретизировал данное слово, обозначив участников встречи.

Пример 2. *Schon jetzt bedanke ich mich bei ihren Bürgerinnen und Bürger für die Gastfreundschaft. — Пользуясь случаем, хочу сразу поблагодарить его жителей за оказанное гостеприимство.*

Переводчик использует прием генерализации. Это связано с тем, что в Германии принято идентифицировать людей по половому признаку в своей речи, в России чаще используется форма мужского рода для обращения к женщинам и мужчинам в целом.

Пример 3. *Liebe Kolleginnen und Kollegen... — Дорогие коллеги...*

Генерализация, как в примере 2.

Пример 4. *Dazu haben wir Bewährtes genutzt... — Для осуществления данной цели мы, с одной стороны, воспользовались уже зарекомендовавшими себя инструментами...*

Конкретизация: переводчик уточнил, о чем идет речь.

Пример 5. *...wie bei unserem informellen Austausch in Potsdam... — ...например, в рамках нашего неформального обмена мнениями в Потсдаме.*

Конкретизация: в данном случае переводчик конкретизировал понятие «Austausch» (обмен). Если бы переводчик использовал словарное соответствие без уточнения, это могло привести к недопониманию высказывания на ЯП.

◆ **Модуляции, основанные на отношениях переименования:**

Пример 1. *Das sind die Feldmissionen, die einen wertvollen, maßgeschneiderten Beitrag leisten, um den einzelnen Teilnehmerstaat möglichst konkret zu unterstützen. — Это полевые операции, вносящие ценный, идеально соответствующий ситуации вклад в обеспечение каждому государству-участнику максимально конкретной поддержки.*

Смысловое развитие: «maßgeschneidert» — сшитый на заказ; в переводе происходит перенос по сходству, переводчик заменяет словарное соответствие контекстуальным.

Пример 2. *Viele Gespräche haben mir die Dringlichkeit bestätigt, den Waffenstillstand zu konsolidieren und endlich den Einstieg in echte Verhandlungen über eine politische Lösung zu schaffen.* — В многочисленных беседах я нашел подтверждение тому, что срочно необходимо консолидировать перемирие и наконец заложить основы для подлинных переговоров о политическом **урегулировании**.

Автор заменяет словарное соответствие контекстуальным — смысловое развитие.

Пример 3. *Gemeinsam ist uns klar... Мы вместе понимаем одно...*

Смысловое развитие. В данном случае происходит перенос следствия («ist klar») — понятно) на действие («понимаем»).

Пример 4. *Dazu gehören innovative Dialogformate, aber auch ein bewusster Verzicht auf ritualisierten Schlagabtausch.* — ...к ним относятся инновационные форматы диалога, а также осозанный отказ от уже ставших ритуальными **словесных дуэлей**.

Смысловое развитие. На примере можно увидеть, что переводчик передал слово «Schlagabtausch» словосочетанием «словесные дуэли», заменив словарное соответствие «обмен ударами» лексемой, которая более подходит по контексту, тем самым происходит перенос значения исходной лексики по сходству.

Пример 5. *Und lassen Sie mich einen letzten Punkt machen.* — *Позвольте мне затронуть еще один, последний аспект...* [Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier in der Eröffnungssitzung des OSZE-Ministerrates in Hamburg: http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/de/_pr/mosk/steinmeier-osze08122016.html?archive=3485768; Выступление Федерального министра иностранных дел Германии Штайнмайера на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Гамбурге: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-osze-hamburg.html>].

Смысловое развитие. Словосочетание «Punkt machen» (поставить точку) в русском варианте заменяется контекстуальным соответствием.

ВЫВОДЫ

Несмотря на лексические особенности дипломатического дискурса (клишированность, использование дипломатических формул, а также общеупотребительной терминологии), приоритетной семантической трансформацией является модуляция. Это значит, что чаще переводчик пользуется не готовыми формами, а находится в поиске собственных переводческих решений. Также данная тенденция подтверждает факт изменения языка дипломатического дискурса, а именно использование в нем фразеологических оборотов, эмоционально-окрашенной, разговорной лексики, что, по мнению некоторых ученых, ранее не было присуще дипломатическому дискурсу.

Также в ходе нашего анализа было выявлено, что доминантной среди модуляций является модуляция, основанная на отношениях перекрещивания, а именно смысловое развитие, которое заключается в замене словарного соответствия контекстуальным и переносе по сходству (метафора) и смежности (метонимия), что еще раз указывает на ставший более свободным язык дипломатического дискурса.

Переводчик также часто пользуется следующими видами модуляций:

— **модуляциями, основанными на отношениях равнозначности.** Такая трансформация заключается в подборе более подходящего по семантике предложения синонима, а также синонима, который бы более соответствовал лексическим особенностям ДД;

— **модуляциями, основанными на отношениях внеположенности** (компенсация, целостное преобразование). Данный вид модуляций используется либо для сохранения экспрессии предложения, либо для более корректной передачи переводной единицы на русский язык;

— **модуляциями, основанными на отношениях подчинения** (конкретизация, генерализация). Стоит отметить, что в дипломатическом дискурсе чаще используется конкретизация. Это связано с тем, что язык дипломатический дискурс точен, поэтому при передаче на русский язык переводчик старается как можно чаще уточнять, о чем идет речь в каждом предложении, чтобы не вводить в заблуждение адресата и не допустить двусмысленности.

Почти не используются **модуляции, основанные на отношениях контрадикторности**, а также **адаптации**. Это опять же связано с особенностями дипломатического дискурса. Несмотря на изменения в языке, дипломатический дискурс все же отличается точностью, и недопустимо при переводе менять описываемую ситуацию в целом.

© Шапочкин Д.В.

Дата поступления: 20. 01.2018

Дата приема в печать: 30.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004.
2. Большой немецко-русский и русско-немецкий словарь: http://dic.academic.ru/contents.nsf/ger_rus.
3. *Волкова Т.А.* Методика анализа дискурса в моделировании перевода дипломатических текстов // Политическая лингвистика. 2011. № 3.
4. Выступление Федерального министра иностранных дел Германии Штайнмайера на заседании Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Гамбурге 7 декабря 2016 г.: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-osze-hamburg.html>.
5. Выступление Федерального министра иностранных дел Франка-Вальтера Штайнмайера в Уральском Федеральном Университете: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-jeka-2016.html>.
6. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
7. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
8. *Гильченко Н.Л.* Практикум по переводу с немецкого на русский. СПб.: КАРО, 2006.
9. *Кожетева А.С.* Дипломатический дискурс как особая форма институционального дискурса // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, 2014. № 1 (17). С. 54—63.
10. *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М.: Высшая школа, 1999.
11. *Латышев Л.К.* Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000.

12. Перезапуск контроля над вооружениями — больше безопасности для всех в Европе: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-namensartikel-faz-2016.html>.
13. Реуцкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: П.Валент, 2007.
14. Das Deutsch-Russische Wörterbuch Zeitgenössischer Idiome: http://idioms_de_ru.academic.ru.
15. Mehr Sicherheit für alle in Europa — Für einen Neustart der Rüstungskontrolle: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2016/160826_BM_FAZ.html?nn=382590.
16. PONS: <http://ru.pons.com>.
17. Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier in der Eröffnungssitzung des OSZE-Ministerrates in Hamburg: http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/de/_pr/mosk/steinmeier-osze-08122016.html?archive=3485768.
18. Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier an der Ural Federal University Jekaterinburg: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2016/160815_BM_Jekaterinburg.html.

УДК: 811.112.2'25:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-93-104

SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN THE TRANSLATION OF GERMAN DIPLOMATIC DISCOURSE (based on Frank-Walter Steinmeier's public speeches)

Dmitriy V. Shapochkin

Tyumen State University
6, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625003

Abstract. This article is devoted to the study of German diplomatic discourse as a linguistic phenomenon in the perspective of its translation and transfer by means of semantic transformations from German into Russian. The diplomatic discourse of Frank-Walter Steinmeier, the former German Foreign Minister (2005—2009 and 2013—2017), is used as a research material. As a result of the analysis, the author confirms the hypothesis that modulation is the dominant semantic transformation in the translation of diplomatic discourse, and that the translator of diplomatic texts should pay special attention to clarifying semantic development and concretization, holistic transformation and context synonyms. In addition, the author concludes that such kind of transformation as adaptation is not applied in translating texts of diplomatic discourse.

Key words: diplomatic discourse, translation, semantic transformations, modulation, semantic development, concretization

REFERENCES

1. Alekseeva, I.S. (2004). Introduction in the translation studies. Moscow: Academia.
2. A large German-Russian and Russian-German dictionary: http://dic.academic.ru/contents.nsf/ger_eng.
3. Volkova, T.A. (2011). Methodics for analyzing discourse in the modeling of the translation of diplomatic texts, *Political Linguistics*, 3.
4. Speech by the Federal Foreign Minister of Germany Steinmeier at the meeting of the OSCE Council of Foreign Ministers in Hamburg on December 7, 2016: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-osze-hamburg.html>.

5. Speech by the Federal Minister for Foreign Affairs Frank-Walter Steinmeier at the Ural Federal University: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-jeka-2016.html>.
6. Gak, V.G. (1998). Language conversions. Moscow: School “Languages of Russian Culture”.
7. Garbovsky, N.K. (2007). Translation theory. Moscow: Izd-vo Mosk. University.
8. Gilchenok, N.L. (2006). Workshop on translation from German into Russian. SPb.: KARO.
9. Kozheteva, A.S. (2014). Diplomatic discourse as a special form of institutional discourse. *Scientific Bulletin of the Voronezh State Architectural and Construction University. Series: Modern linguistic and methodical-didactic studies, 1(17)*. pp. 54—63.
10. Komissarov, V.N. (1999). General theory of translation. Moscow: High School.
11. Latyshev, L.K. (2000). Technology of translation. Moscow: NVI-TEZAURUS.
12. Restarting arms control — more security for all in Europe: <http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/ru/08-politik/6-reden/bm-namensartikel-faz-2016.html>.
13. Retsker, Ya.I. (2007). Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation. Moscow: R. Valent.
14. Das Deutsch-Russische Wörterbuch Zeitgenössischer Idiome: http://idioms_de_ru.academic.ru.
15. Mehr Sicherheit für alle in Europa — Für einen Neustart der Rüstungskontrolle: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2016/160826_BM_FAZ.html?nn=382590.
16. PONS: <http://ru.pons.com>.
17. Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier in der Eröffnungssitzung des OSZE-Ministerrates in Hamburg: http://www.germania.diplo.de/Vertretung/russland/de/_pr/mosk/steinmeier-osze-08122016.html?archive=3485768.
18. Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier an der Ural Federal University Jekaterinburg: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2016/160815_BM_Jekaterinburg.html.

Сведения об авторе:

Шапочкин Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Тюменского государственного университета; *научные интересы*: политическая лингвистика, теория дискурса, прагматика, перевод; *e-mail*: d.v.shapochkin@utmn.ru; ORCID id 0000-0003-4954-8256; SPIN-код 6533-8793

For citation:

Shapochkin, D.V. (2018). Semantic Transformations in the Translation of German Diplomatic Discourse (based on Frank-Walter Steinmeier’s Public Speeches). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 93—104. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-93-104.

Dmitriy V. Shapochkin, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 93—104. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-93-104.

Bio-Note:

Shapochkin Dmitriy Vladimirovich, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of German Philology of Tyumen State University; *Scientific Interests*: political linguistics, discourse theory, pragmatics, translation; *e-mail*: d.v.shapochkin@utmn.ru; ORCID id 0000-0003-4954-8256; SPIN 6533-8793

УДК: 659.4:32(73)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-105-123

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИКОВ (на примере избирательной кампании 2016)

А.А Тымбай

Московский государственный институт
международных отношений МИД России
пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

Статья посвящена анализу основных речевых стратегий, используемых участниками теледебатов. Объектом исследования стало коммуникативное поведение Дональда Трампа и Хиллари Клинтон, продемонстрированное ими в ходе финального этапа избирательной гонки в США. Материалом для исследования послужили видеозаписи теледебатов Трамп — Клинтон, сделанные в ходе президентской избирательной кампании 2016 года. Актуальность выбора данного объекта исследования объясняется постоянным ростом медиатизации повседневной жизни человека и растущими среди ряда специалистов опасениями, что современные политтехнологии превратили теледебаты из рядового примера политического дискурса в мощнейший инструмент воздействия на избирателя. Автор статьи полагает, что как специалисту, так и обычному зрителю необходимо научиться декодировать стратегии и тактики, используемые политиками в данном виде речевого взаимодействия, и уметь противостоять не всегда честным избирательным технологиям. На основе проведенного лингвистического анализа материала автор выделяет ряд языковых средств достижения зрелищности, соревновательности и персонификации политического процесса, являющихся основными характеристиками данного вида политического дискурса. В статье рассматриваются различия между обычными репликами, комментариями участников, репликами «в зал», простыми наложениями реплик и умышленными прерываниями собеседника. Автор подчеркивает как характеристики собственного коммуникативного стиля Клинтон и Трампа, так и универсальные тактики захвата инициативы, удержания роли, «игнорирования» собеседника, выделяет другие способы воздействия на оппонента и на зрителя. В заключение автор предлагает использовать сделанные им выводы для обучения риторическим навыкам и способам построения эффективной коммуникации студентов, которые изучают английский для профессиональных целей.

Ключевые слова: диалог, политический дискурс, мена ролей, положенное место мены роли, речевые стратегии и тактики

ВВЕДЕНИЕ

Благодаря широкому освещению в СМИ американские президентские выборы 2016 года стали предметом обсуждения не только специалистов-политологов, но и рядовых обывателей как в самих Соединенных Штатах, так и в России. Основные темы дебатов, прошедших в сентябре—октябре 2016 года, по сути, представляли собой ключевые вопросы избирательной кампании: развитие экономики, создание рабочих мест, расовые проблемы, полицейское насилие, кибербезопасность, терроризм, «Исламское государство».

С того самого момента, как телевидение получило довольно широкое распространение в 50—60-х годах XX века, избирательные штабы американских президентов ухватились за главное преимущество теледебатов — их зрелищность. Теледебаты как разновидность политического дискурса идеально вписались в развлекательную концепцию американского телевидения. Вплоть до настоящего времени создаваемая американскими политтехнологами реальность такова, что во время выборов только ленивый не следит за происходящим. Специалисты, пенсионеры и даже студенты, в целом не проявляющие значительного интереса к политике, вдруг начинают задаваться вопросом: а кто же победит на выборах?

В ходе избирательной кампании эксперты-политики журнала Time, каналов CNN и CNBC приписывали победу Клинтон, но опросы общественного мнения, проведенные на их же сайтах, ставили под сомнение столь однозначную оценку происходящего. Ситуацию подогревал и сам Трамп, который после каждого раунда теледебатов, не без подачи избирательного штаба, уверенно декларировал собственную победу.

Исход президентских выборов в Америке известен: президентом США избран Дональд Трамп. Однако политологи и зрители до сих пор спорят о том, кто же из кандидатов в президенты — участников избирательной кампании 2016-го года — одержал победу на президентских дебатах [Тымбай 2017: 155—156]. Что перевесило чашу весов? Риторически стройная речь Хиллари Клинтон или грубоватое, но убедительное поведение Дональда Трампа?

По сути на период проведения избирательной кампании дебаты кандидатов в президенты заменяют собой трансляцию соревнований по боксу, баскетболу, лошадиных бегах или автомобильных гонок. По словам исследователя М. Сороченко, зрители с удовольствием переключаются на теледебаты — жанр дискурса — сохраняют главную черту, присущую спортивным состязаниям — соревновательность [Сороченко 2002].

Кроме того, теледебаты всегда привлекали огромное внимание исследователей. Причина заключается в том, что они являются смежным объектом исследования для целого ряда гуманитарных дисциплин: политологии, социологии, психологии и, конечно же, лингвистики.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

По словам исследователя Павловой, в настоящее время как никогда остро встает вопрос изучения отдельных видов массмедийного дискурса, получающих, благодаря развитию технологий, широкое распространение и привлекающих многомиллионную аудиторию. Дело в том, что с развитием новых информационных ресурсов и ростом медиатизации общества особую актуальность приобретает проблема психологического воздействия на избирателя [Павлова 2012: 122].

Еще на примере теледебатов Буш — Керри 2004 года исследователь Ноблок доказала, что авторские стратегии участников дебатов обладают определенным манипулятивным потенциалом и прямо воздействуют на аудиторию. По ее словам, авторская стратегия в предвыборном дискурсе является деятельностью ярко

выраженного манипулятивно-воздействующего характера и представляет собой алгоритм речемыслительных операций по конструированию у избирателей картины мира, выгодной данному политику [Ноблок 2008: 10].

Необходимо понимать, что важнейшей особенностью теледебатов является их диалогичность. Л. Дускаева называет диалогичность — выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций — фундаментальным свойством всех публицистических текстов, даже внешне монологических [Дускаева 2012: 3]. Продолжая эту мысль, О. Рассинская заявляет, что политический текст диалогичен априори. Массмедийный политический дискурс всегда направлен на адресата, создается для него и на него же воздействует [Рассинская 2015: 412]. При этом в случае теледебатов мы имеем дело с так называемой двойной диалогичностью: диалог политиков друг с другом и диалог политиков с аудиторией.

Оба уровня диалога одинаково важны. На уровне диалога политиков на первый план выходит их открыто выраженное противостояние: борьба двух соперников — претендентов на один пост. На уровне взаимодействия с аудиторией сами политики уже выступают единым фронтом как акторы института выборов, условно противопоставляемые зрителям, сидящим в зале, в котором проходят дебаты, а также телезрителям, наблюдающим за ходом их проведения за пределами аудитории, т. е. с экранов телевизоров. Все, что говорит кандидат, адресовано уже не его политическому оппоненту, а аудитории в целом. Именно на нее он хочет воздействовать своими речевыми стратегиями, именно ею пытается манипулировать.

Способность адекватно декодировать посылаемые сигналы, сохранять приверженность собственному мнению и не поддаваться манипулированию общественным сознанием — задача не из легких. Ее решение предполагает умение проводить адекватный анализ различных видов массмедийного дискурса в целом и теледебатов в частности.

Представляется, что особую важность эти навыки приобретают в процессе профессиональной подготовки специалистов в области гуманитарных наук. На наш взгляд, проведение комплексного лингвистического анализа актуальных выпусков теледебатов как на родном, так и на изучаемом иностранном языке может помочь в формировании общей профессиональной компетенции у студентов, изучающих политологию, журналистику и международные отношения.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Выступления кандидатов кампании 2016 года, Дональда Трампа и Хиллари Клинтон, активно цитировались и анализировались. Для большинства теледебатов — это, прежде всего, словестная перепалка, исход которой зависит от коммуникативных умений и риторических навыков участников. Политики и экономисты искали в теледебатах детали предлагаемой кандидатами программы экономических реформ. Для лингвистов — исследователей в области медиатекста, прагматики и теории коммуникации — дебаты — это несколько часов аудио- и видео-

записей яркого политического дискурса, дающих отличную возможность применить на практике теоретические положения коммуникативной лингвистики.

Для проведения лингвистического эксперимента были выбраны три финальных раунда теледебатов, прошедшие в ноябре 2016 года, размещенные в открытом доступе в сети Интернет, общим временем звучания около 3,5 часов. Методом сплошной выборки были отобраны 50 наиболее репрезентативных фрагментов, длительностью звучания не более 1 мин. каждый. В основе выбора материала для анализа стал поиск так называемых «моментов напряженности», когда на первый план выходила коммуникативная борьба участников, их речевые стратегии ведения диалога.

Выбранный материал был предложен для анализа аудиторам, которыми стали студенты IV курса факультета Международных отношений МГИМО МИД России, изучающих английский язык как основной для специальных целей (ESP). В задачи студентов входило оценить эффективность тактик ведения речевого взаимодействия участниками теледебатов и определить, чьи коммуникативные стратегии (Трампа или Клинтон) показались им наиболее выигрышными. После анализа материала была проведена дискуссия, где студенты (8 человек) поделились своими выводами.

Необходимо признать, что проведенный эксперимент можно лишь с натяжкой назвать лингвистическим исследованием и его результаты не претендуют на статус научных выводов, но занятия такого рода могут стать основой для написания студентами будущих магистерских работ.

Мы попробовали проследить основные стратегии ведения политических дебатов каждым из их участников на наиболее ярких примерах из сделанной нами выборки. По нашему мнению, полученные наблюдения выстроились в закономерности, определяющие персональные коммуникативные стили Дональда Трампа и Хиллари Клинтон.

Традиционно считалось, что из всех типов политического диалога дебаты традиционно наиболее формализованы, подчинены жесткому регламенту [Тымбай 2015: 75]. Теоретически их должны определять такие характеристики, как официальность, сценарность, постоянный ролевой состав [Никифорова 2015: 120]. Однако происходившее на экране в сентябре—октябре 2016 года лишь частично соответствовало традиционному формату. Представленный публике диалог политиков был менее формальным, чем обычно: установленные ведущим правила часто нарушались. То ли ввиду непримиримости позиций, то ли ввиду желания произвести впечатление на аудиторию Клинтон и Трамп часто перебивали друг друга, вступая в словесную перепалку. В результате дебаты местами были похожи на кухонные споры кандидатов, проходившие годом ранее во время праймериз, хотя обычно, когда дело доходит до всеобщих выборов, процедура становится более формализованной и чинной. Это и понятно, ведь именно от степени убедительности на экране, от выбранных политическим штабом речевых стратегий часто зависит политическое будущее кандидатов.

Разница в образе политиков, созданная на экране, является ярким примером персонификации политических вопросов — еще одной характерной чертой теле-

дебатов. О роли личности в политике написано множество работ, и, действительно, влияние персоналии на ход избирательной кампании трудно переоценить. Ведь в конечном счете избиратель отдает свой голос не за бумажную программу партии или кандидата, а за человека, ее представляющего.

С точки зрения восприятия аудиторией своим временем в эфире сполна воспользовалась лишь Хиллари Клинтон. Справедливости ради стоит заметить, что дело здесь, возможно, не столько в «домашней работе», проделанной перед дебатами штабом кандидата от демократов, сколько в умелом использовании классических риторических приемов, благодаря которым речь Клинтон звучала стройнее и убедительнее.

Кандидат от Демократической партии вела себя максимально сдержанно, лишь иногда позволяя себе выражать эмоции. Между тем ее речь пестрит яркими эпитетами и хорошо известными спичрайтерам «списками из трех пунктов», которые, как известно, всегда эффектно звучат и, главное — хорошо запоминаются аудиторией [Яблокова 2011: 195].

В самом начале первого раунда дебатов Клинтон заявляет, что она прежде всего мать и бабушка. На фоне общей сдержанности кандидата такой личный посыл к части американских избирателей был истрактован двояко. С одной стороны, это «женский» взгляд по-американски, а с другой — стратегия манипулирования общественным сознанием, основанная на гендерных ролях и описанная у исследователя Шейнова как «женский прием» [Шейнов 2006], поэтому отношение к такому кандидату не всегда однозначно.

Нельзя отрицать, что Клинтон пыталась сделать свою речь яркой и метафоричной.

Известно, что метафоры в политическом дискурсе — это не только средство выразительности. Как пишут в своей работе исследователи Э.В. Будаев и А.П. Чудинов, метафора в современном понимании стала мощным инструментом мышления и аргументации [Будаев, Чудинов 2008: 6]. Но и это не помогает Клинтон: за мастерским владением словом избиратель не видит чувств и искренности. Ряд аналитиков даже называли Клинтон «сухой» и «бездушной», тогда как она всего лишь пыталась приблизиться к некому идеальному образу президента, существующему в американской политике не одно десятилетие.

По мнению исследователя Ивановой, концепт «президент» вообще является информационным ядром коммуникации в жанре предвыборных теледебатов. Речевое поведение, осуществляемое в этом жанре каждым из кандидатов, направлено на то, чтобы максимально приблизиться к прототипному образу президента. Эта цель достигается, по суждению исследователя, преимущественно за счет наполнения конкретным содержанием трех составляющих фрейма «политик»: параметры деятельности, групповая принадлежность, личностные качества [Иванова 2003: 18].

У Дональда Трампа, напротив, с «президентским» поведением наблюдались явные проблемы. Следовать оговоренному формату дебатов у него получалось в сумме лишь несколько минут из всего отведенного ему времени. Как только Хиллари Клинтон упоминала вопрос, по которому точки зрения кандидатов рас-

ходятся, Трамп немедленно начинал ее перебивать, затем регулярно перехватывал инициативу у ведущего и вообще нарушал регламент.

С риторической точки зрения, как, впрочем, и с точки зрения политологов, Трамп — реакционер. Вся его речь строится на известной концептуальной оппозиции «свой — чужой», описанной исследователем Алиевой [Алиева 2008: 18]. Разговорные приемы, хамоватые перебивания, обращение к оппоненту “she” вместо “Hillary” должны были сделать его в глазах американцев «своим парнем». «Своим» — значит хорошим, в противовес «чужой», а значит, плохой Клинтон. Стиль Трампа будто предлагает аудитории сделать выбор: вы вместе со мной за новую Америку или с Клинтон, с которой за тридцать лет во власти в США ничего не изменилось?

Возникает вопрос: а зачем ему это? Ответ можно найти в лингвопсихологии: создание контрастного фона позволяет политику лучше донести свои идеи до аудитории, да еще и очернить соперника, так сказать «заодно».

Сразу после дебатов множество общественно-политических изданий предложили разложенные «по полочкам» позиции сторон. Но представляется, что не всегда все то, что так легко читается экспертами в письменной расшифровке диалога, звучит с той же степенью ясности из уст самих участников. Ведь понятно, что в политическом контексте, как, впрочем, и в любом другом, не всегда настолько важен сам текст, насколько посыл, а главное — реакция собеседника. Сложность оценки данной речевой ситуации, на наш взгляд, состоит в наложении целого ряда критериев, влияющих на эффективность коммуникации.

Оценивая прагматическую составляющую теледебатов, необходимо учитывать как содержание реплик, так и различные характеристики их реализации, в частности просодическую составляющую мены ролей. Именно на нее больше всего реагирует телеаудитория, особенно, если оператор «ненароком» покажет то удивленные лица сидящих в зале людей, то восторженные аплодисменты присутствующих на теледебатах членов группы поддержки.

На примерах ниже мы проследили основные стратегии ведения политических дебатов каждым из участников. Эти стратегии, по нашему мнению, выстроились в закономерности, определяющие персональные коммуникативные стили Дональда Трампа и Хиллари Клинтон.

Как же участники выражали свое мнение? В диалоге этой цели служит так называемый «оценочный комментарий». Это своего рода сигнал обратной связи, но в отличие от классического употребления сигналов обратной связи для выражения внимания и понимания партнера, политики на теледебатах ожидают, что реакцией на их реплики станет внимание и понимание зрителей, пусть даже на данном этапе физически никак не осязаемое.

В примере 1 мы можем наблюдать интересную ситуацию, когда в отрывке звучащего текста аудитория фиксирует три реплики, однако смены роли не происходит. Клинтон, продолжая свою мысль, приводит аргументы и не обращает внимания на высказывание Трампа. Что же касается Трампа, непонятно: обраща-

ется он к собеседнику или к аудитории. Скорее всего, он просто комментирует свою позицию и не претендует на получение коммуникативной роли:

Пример 1

CLINTON: In fact, Donald was one of the people who rooted for the housing crisis. He said, back in 2006, “Gee, I hope it does collapse, because then I can go in and buy some and make some money”.

TRUMP: That’s called business, by the way.

Clinton: ...Well, it did collapse...

Подобная ситуация может наблюдаться в следующем примере:

Пример 2

CLINTON: I do. You know, I made a mistake using a private e-mail.

TRUMP: That’s for sure.

CLINTON: And if I had to do it over again, I would, obviously, do it differently. But I’m not going to make any excuses. It was a mistake, and I take responsibility for that.

Реплика Трампа встроена в поток речи. Не намереваясь уступить роль, Клинтон не дает паузы, не обозначает так называемое «положенное место смены роли». Аудиторы не фиксируют паузы на стыке реплик. Трамп просто вклинивается на стыке синтагм, делает оценочный комментарий и уходит на второй план.

В следующем примере подобный оценочный комментарий вообще выражен не репликой, а междометием. Подобные жесты одобрения являются, пожалуй, наиболее частым сигналом обратной связи и составляют до половины всех реплик, не влекущих смену роли.

Пример 3

CLINTON: Well, I’ve heard — I’ve heard Donald say this at his rallies, and it’s really unfortunate that he paints such a dire negative picture of black communities in our country.

TRUMP: Ugh.

CLINTON: You know, the vibrancy of the black church, the black businesses that employ so many people, the opportunities that so many families are working to provide for their kids.

Однако оценочные комментарии не являются исключительно стилем Трампа. В следующем примере Клинтон тоже использует эту тактику в построении своего диалога с собеседником:

Пример 4

TRUMP: Your husband signed NAFTA, which was one of the worst things that ever happened to the manufacturing industry.

CLINTON: Well, that’s your opinion. That is your opinion.

TRUMP: You go to New England, you go to Ohio, Pennsylvania, you go anywhere you want, Secretary Clinton, and you will see devastation where manufacture is down 30, 40, sometimes 50 percent. NAFTA is the worst trade deal maybe ever signed anywhere, but certainly ever signed in this country.

Было бы интересно отметить, что, в отличие от реплик, выражающих внимание и понимание, реплики, выражающие несогласие, как правило, превращаются в стратегию перехвата инициативы.

Так, в примере 5 четыре комментария-высказывания выливаются в целую цепочку и превращаются уже в то, что с лингвистической точки зрения можно было бы назвать периодом одновременного говорения. Любопытен тот факт, что, хотя непосредственная стенограмма может быть разделена на пять реплик, фактической смены роли не происходит ни разу. Клинтон не реагирует на комментарии собеседника, ее реплика фактически даже не прерывается.

Пример 5

CLINTON: ...Some country is going to be the clean-energy superpower of the 21st century. Donald thinks that climate change is a hoax perpetrated by the Chinese. I think it's real.

TRUMP: I did not. I did not. I do not say that.

CLINTON: I think science is real.

TRUMP: I do not say that.

CLINTON: And I think it's important that we grip this and deal with it, both at home and abroad.

Как мы видим, именно желание выразить свое несогласие с партнером является моментом рождения коммуникативной стратегии. В этой связи интересна использованная Клинтон в нижеследующем примере стратегия взятия коммуникативной роли вопреки желанию собеседника:

Пример 6

Trump: ...And, Hillary, I'd just ask you this. You've been doing this for 30 years. Why are you just thinking about these solutions right now? For 30 years, you've been doing it, and now you're just starting to think of solutions.

CLINTON: Well, actually...

TRUMP: I will bring — excuse me. I will bring back jobs. You can't bring back jobs.

CLINTON: Well, actually, I have thought about this quite a bit.

TRUMP: Yeah, for 30 years.

CLINTON: And I have — well, not quite that long. I think my husband did a pretty good job in the 1990s. I think a lot about what worked and how we can make it work again...

В общем виде эту стратегию можно изобразить так: первые слова инициативного вложения повторяются коммуникантами несколько раз. Громкость их постепенно увеличивается, и в итоге говорящий сдается и уступает роль:

Пример 7

CLINTON: I think — I think — I think Donald just criticized me for preparing for this debate. And, yes, I did. And you know what else I prepared for? I prepared to be president. And I think that's a good thing.

Особое место в дебатах занимают прерывания собеседника. Прерывания отличаются от простых наложений тем, что говорящий замолкает до произнесения коммуникативного центра высказывания.

Последняя, прерванная синтагма, как правило, характеризуется смысловой незавершенностью и не имеет терминального тона.

Пример 8

CLINTON: Well, that is just not accurate. I was against it once it was finally negotiated and the terms were laid out. I wrote about that in...

TRUMP: You called it the gold standard.

(CROSSTALK)

TRUMP: You called it the gold standard of trade deals. You said it's the finest deal you've ever seen.

Как видно на примере, сразу после прерывания Трамп пытается утвердиться в роли и для этого повторяет фразу, с помощью которой он ее захватил.

Практически то же самое видно в речевом поведении Трампа ниже:

Пример 9

CLINTON: ... about a potential nuclear — nuclear competition in Asia, you said, you know, go ahead, enjoy yourselves, folks. That kind...

TRUMP: And defend yourselves.

CLINTON: ... of language — well...

TRUMP: And defend yourselves. I didn't say nuclear. And defend yourself.

В следующем примере прерывания вылились в целую цепочку:

Пример 10

CLINTON: Well, Donald, I know you live in your own reality, but that is not the facts. The facts are — I did say I hoped it would be a good deal, but when it was negotiated...

TRUMP: Not.

CLINTON: ... which I was not responsible for, I concluded it wasn't. I wrote about that in my book...

TRUMP: So is it President Obama's fault?

CLINTON: ... before you even announced.

TRUMP: Is it President Obama's fault?

CLINTON: Look, there are differences...

TRUMP: Secretary, is it President Obama's fault?

CLINTON: There are...

TRUMP: Because he's pushing it.

CLINTON: There are different views about what's good for our country, our economy, and our leadership in the world. And I think it's important to look at what we need to do to get the economy going again. That's why I said new jobs with rising incomes, investments, not in more tax cuts that would add \$5 trillion to the debt.

Поскольку прерванные синтагмы, как правило, не отличаются смысловой законченностью, смысл реплик улавливается слушающими с трудом. Большое количество прерываний может вывести диалог за рамки кооперативного общения. Но речь дебатов жестко регламентирована, поэтому участники диалога не «скатываются» в конфликтный стиль. В реальном же диалоге прерывание более 25% реплик является признаком разворачивающейся ссоры.

Возникает вопрос: как же выйти из сложившегося положения? Удержать диалог от скатывания до базарного стиля? И опять Клинтон демонстрирует свое риторическое мастерство.

Статистически наиболее частым способом удержания коммуникативной инициативы является повышение громкости речи. По данным аудиторского анализа, в следующем примере Клинтон произносит окончание прерванной фразы

практически вдвое громче ее начала. Трамп пытается прервать ее, но такое значительное повышение громкости заставляет его отступить:

Пример 11

CLINTON: I happen to — I happen to support that in a way that will actually work to our benefit. But when I look at what you have proposed, you have what is called now the Trump loophole, because it would so advantage you and the business you do. You've proposed an approach that has a...

TRUMP: Who gave it that name?

CLINTON: ... \$4 billion tax benefit for your family. And when you look at what you are proposing...

TRUMP: How much? How much for my family?

CLINTON: ... it is as I said, trumped-up trickle-down. Trickle-down did not work. It got us into the mess we were in, in 2008 and 2009. Slashing taxes on the wealthy hasn't worked.

Трамп тоже прекрасно владеет приемом повышения громкости, что наблюдается при аудиторском анализе следующего стыка реплик:

Пример 12

TRUMP: And I'll tell you why I'm satisfied with it.

HOLT: That was...

TRUMP: Because I want to get on to defeating ISIS, because I want to get on to creating jobs, because I want to get on to having a strong border, because I want to get on to things that are very important to me and that are very important to the country.

И хотя, в отличие от оценочных комментариев Трампа, звучащих как прерывания в предыдущем примере, ведущий Лестер Холт начинает свою реплику вполне в очевидном месте, даже после небольшой паузы, Трамп, в силу своих соображений, еще не готов уступить роль и использует фонетический маркер увеличивающейся громкости, чтобы на время оставить слово за собой.

От прерываний следует отличать наложения реплик. В случае наложения реплик, как в следующем примере, смысловой центр высказывания, обычно оформленный терминальным тоном, всегда хорошо слышен. Новая реплика начинается, только когда рема была произнесена. В прерываниях она, как правило, не прослушивается.

Пример 13

CLINTON: We have an architect in the audience who designed one of your club-houses at one of your golf courses. It's a beautiful facility. It immediately was put to use. And you wouldn't pay what the man needed to be paid, what he was charging you for...

TRUMP: Maybe he didn't do a good job and I was unsatisfied with his work...

В этом примере Трамп начинает свой речевой вклад на последних слогах реплики Клинтон, однако слушатели не воспринимают это как прерывание. Финальный тон прозвучал, мысль ясна, и посттерминальные слоги вполне могут быть опущены ради экономии времени.

Наложения экономят время и коммуникативные усилия, поэтому, чем выше градус кооперации, тем больше происходит наложений. В общении Трампа и Клинтон подобных примеров очень мало, что может быть объяснено форматом

проводимого общения. Те единичные случаи, когда кандидаты все же прибегают к ним, — это ситуация, в которой они начинают высказывание сразу после реплики ведущего:

Пример 14

HOLT: Mr. Trump, you can respond and we're going to move on to the next segment.

TRUMP: I would love to respond. First of all, I got to watch in preparing for this some of your debates against Barack Obama. You treated him with terrible disrespect. And I watched the way you talk now about how lovely everything is and how wonderful you are. It doesn't work that way.

Последние слоги реплики ведущего, Леслиера Холта, уже не слышны: Трамп начинает свой речевой вклад. Но слушатели не возражают: наложение двух реплик на ядерных тонах последней не воспринимается как прерывание.

Важнейшей характеристикой прерываний собеседника является их вклинивание в неположенном, с точки зрения фонетического оформления высказывания, месте:

Пример 15

HOLT: We'll let you respond and we'll move on to the next segment.

CLINTON: And maybe because you haven't paid any federal income tax for a lot of years. And the other thing I think is important...

TRUMP: It would be squandered, too, believe me.

В этом и следующем примерах Трамп перебивает Клинтон на восходящем или ровном тоне. Слушатели воспринимают это обычно как грубое нарушение положенного места смены роли. Однако из примеров видно, что данные прерывания являются определенной стратегией захвата инициативы в диалоге:

Пример 16

CLINTON: Well, to...

TRUMP: Which our country should do, too.

Пример 17

CLINTON: Well, it's also fair to say, if we're going to talk about mayors, that under the current mayor, crime has continued to drop, including murders. So there is...

TRUMP: No, you're wrong. You're wrong.

CLINTON: No, I'm not.

TRUMP: Murders are up. All right. You check it.

Клинтон явно пока не собирается заканчивать свой речевой вклад. Трамп прерывает в неположенном месте, но разница высказываемых позиций настолько существенна для Клинтон, что она, вопреки своей обычной практике увеличения громкости, идет у Трампа на поводу и в итоге приносит ему коммуникативную победу.

Между тем стоит отметить, что такое поведение нетипично для Клинтон. Подобная реакция является скорее исключением, чем правилом. В целом же стратегией Клинтон на прошедших дебатах стала стратегия «нереагирования» на собеседника, наблюдаемая нами на дебатах впервые.

Пример 18

CLINTON: Well, I hope the fact-checkers are turning up the volume and really working hard. Donald supported the invasion of Iraq.

TRUMP: Wrong.

CLINTON: That is absolutely proved over and over again.

TRUMP: Wrong. Wrong.

CLINTON: He actually advocated for the actions we took in Libya and urged that Gadhafi be taken out, after actually doing some business with him one time.

Трамп провоцирует Клинтон. Он хочет задеть ее, вызвать на спор, не дать ей договорить, но она верна своей задаче. Цель дебатов для Клинтон — донести свое мнение до избирателя. Ей попросту некогда выяснять отношения.

В следующем примере очень хорошо прослеживается тактика Клинтон игнорировать собеседника:

Пример 19

CLINTON: The other day, I saw Donald saying that there were some Iranian sailors on a ship in the waters off of Iran, and they were taunting American sailors who were on a nearby ship. He said, you know, if they taunted our sailors, I'd blow them out of the water and start another war. That's not good judgment.

TRUMP: That would not start a war.

CLINTON: That is not the right temperament to be commander-in- chief, to be taunted. And the worst part...

TRUMP: No, they were taunting us.

CLINTON: ... of what we heard Donald say has been about nuclear weapons. He has said repeatedly that he didn't care if other nations got nuclear weapons, Japan, South Korea, even Saudi Arabia. It has been the policy of the United States, Democrats and Republicans, to do everything we could to reduce the proliferation of nuclear weapons. He even said, well, you know, if there were nuclear war in East Asia, well, you know, that's fine...

TRUMP: Wrong.

CLINTON: ... have a good time, folks.

Трамп трижды пытается прервать Клинтон. Первый раз его реплика даже по формальным критериям (после небольшой паузы и терминального тона во фразе «That's not good judgment».) должна быть расценена ею как взятие коммуникативной роли, но она предпочитает не замечать собеседника и продолжает речь, пока не произнесет риторически значимый эффектный финал («have a good time, folks»).

Абсолютно такая же ситуация наблюдается и в примере ниже.

Пример 20

CLINTON: And one of the worst things he said was about a woman in a beauty contest. He loves beauty contests, supporting them and hanging around them. And he called this woman "Miss Piggy". Then he called her "Miss Housekeeping", because she was Latina. Donald, she has a name.

TRUMP: Where did you find this? Where did you find this?

CLINTON: Her name is Alicia Machado.

TRUMP: Where did you find this?

CLINTON: And she has become a U.S. citizen, and you can bet...

TRUMP: Oh, really?

CLINTON: ... she's going to vote this November.

TRUMP: OK, good. Let me just tell you...

Клинтон так увлекается изобличением Трампа в связи с его высказываниями о женщинах, что искомый риторический эффект совершенно очевидно выходит на первый план в ее речевом поведении. Трамп все-таки перехватывает роль, но Клинтон уступает ее только тогда, когда она уже впечатлила аудиторию своими откровениями, обличила Трампа и ей уже в принципе не важно, что он скажет в ответ: ведь шоу уже состоялось.

Интересным может показаться и то, что в таком поведении нет «ничего личного». В ряде случаев Клинтон не реагирует не только на оппонента, но и на ведущего:

Пример 21

TRUMP: But what she doesn't say is that President Obama has deported millions and millions of people just the way it is.

WALLACE: Secretary Clinton, I want to...

CLINTON: We will not have open borders. That is...

WALLACE: Well, let me — Secretary...

CLINTON: That is a rank mischaracterization.

WALLACE: Secretary Clinton...

CLINTON: We will have secure borders, but we'll also have reform. And this used to be a bipartisan issue. Ronald Reagan was the last president...

В этом примере Клинтон, нарушая регламент, перенимает коммуникативную роль у Трампа и начинает ответную реплику. Ведущий теледебатов Уоллис дважды пытается ее осадить, заставить уважать заранее оговоренные правила проведения дебатов. Но Клинтон, как обычно, не слышит его. Ее стратегия — произнести эффектное заключение, невзирая на прерывания и аккомпанирующие вложения.

В итоге складывается впечатление, что Трамп как мастер оценочного комментария и Клинтон с ее стратегией игнорирования собеседника образовали идеальный дуэт:

Пример 22

CLINTON: Well, that's because he'd rather have a puppet as president of the United States.

TRUMP: No puppet. No puppet.

CLINTON: And it's pretty clear...

TRUMP: You're the puppet!

CLINTON: It's pretty clear you won't admit...

TRUMP: No, you're the puppet.

CLINTON: ... that the Russians have engaged in cyberattacks against the United States of America.

Апофеозом выражения столкновения коммуникативных стратегий может послужить следующий пример. Необходимо отметить, что как для аудитории, так и для экспертов это был просто период одновременного говорения. Эффективность воздействия на слушателя у подобного рода стычек, разумеется, равна нулю.

Пример 23

TRUMP: Chris, we don't gain anything.

CLINTON: He has all the conspiracy theories...

(CROSSTALK)

TRUMP: Iran is taking over Iraq.

WALLACE: Secretary Clinton, it's...

(CROSSTALK)

TRUMP: Iran is taking over Iraq. We don't gain anything.

CLINTON: This conspiracy theory, which he's been spewing out for quite some time.

TRUMP: If they did it by surprise...

(CROSSTALK)

WALLACE: Wait, wait, wait, Secretary Clinton, it's an open discussion.

CLINTON: He says...

(CROSSTALK)

TRUMP: We could have gained if they did it by surprise.

WALLACE: Secretary, please let Mr. Trump speak.

CLINTON: ... unfit, and he proves it every time he talks.

Однако если попытаться расписать реплики партнеров по-другому, смысл легко улавливается:

TRUMP: Chris, we don't gain anything. Iran is taking over Iraq. Iran is taking over Iraq. We don't gain anything. If they did it by surprise.. We could have gained if they did it by surprise. — Трамп в попытке захватить коммуникативную роль несколько раз повторяет свой ключевой тезис.

WALLACE: Secretary Clinton, it's... Wait, wait, wait, Secretary Clinton, it's an open discussion. Secretary, please let Mr. Trump speak — Ведущий пытается прервать Клинтон и вернуть ее в рамки дискуссии.

CLINTON: He has all the conspiracy theories... This conspiracy theory, which he's been spewing out for quite some time. He says... ... unfit, and he proves it every time he talks.

Клинтон игнорирует как стратегию несогласия Трампа, так и призывы Уоллиса, пока не реализует свой тезис о несостоятельности Трампа как политика.

Надо сказать, что Трамп тоже далеко не всегда воздерживается от прямых оскорблений. Начнем с того, что Хиллари в своих обращениях к аудитории называет Трампа по большей части Donald, тогда как Трамп отдает предпочтение стилистически сниженному She. Кроме того, он в свойственной ему манере комментирования позволяет себе фразы: «Such a nasty woman» или «Your husband disagrees with you», рассчитанные, конечно, не на реакцию Клинтон, а на аудиторию теледебатов.

С одной стороны, любые дебаты, конечно же, конфликтны сами по себе, поскольку налицо столкновение интересов и политическая борьба [Атьман 2011: 100], но с другой стороны, в силу того, что речь политиков во время дебатов должна быть жестко регламентирована, участники диалога не «скатываются» в конфликт-

ный стиль. От раунда к раунду, несмотря на накал политической борьбы, количество прерванных реплик незначительно снижается.

Скорее всего, прерывания партнера являются манифестацией того, что исследователь Алешина называет «убеждающим» или «призывным» типом политического дискурса [Алешина 2015: 80], и служат инструментом создания контрастного фона для более яркого позиционирования личностных характеристик политика.

Как видно из примеров, Трамп спорит, отрицает, обвиняет, но при этом не выражает готовности взять коммуникативную роль. Клинтон, в свою очередь, не готова ее уступить. Ей нужно высказать свою позицию до конца и при этом сделать это убедительно и аргументированно.

ВЫВОДЫ

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать следующие выводы.

1. Речевое поведение участников теледебатов укладывается в рамки ряда коммуникативных стратегий и тактик. Это поведение отражает личностные характеристики говорящих. Каждый политик имеет свои особенности публичной речевой деятельности. На основе этих особенностей можно создать индивидуальный речевой портрет политика.

2. Не каждая реплика влечет за собой смену роли. Некоторые реплики выражают внимание, понимание говорящего, согласие с высказываемой позицией, несогласие с ней или даже ее опровержение. Эти реплики могут быть адресованы как напрямую собеседнику, так и слушателям или зрителям.

3. Прерывания партнера нарушают просодическое оформление реплики, идут вразрез с фонетическими сигналами передачи роли, такими как пауза или терминальный тон. Оборванные фразы не обладают смысловой или логической завершенностью. Прерывания партнера часто воспринимаются аудиторией как элементы конфликтного стиля, нарушения кооперативного общения.

4. Повышение громкости произнесения и увеличение темпа речи служат сигналами нежелания уступать коммуникативную инициативу. Часто после таких сигналов участник диалога, желавший инициировать речевой вклад, идет на попятную, давая собеседнику возможность закончить свою реплику.

5. Самой частой речевой стратегией, использованной в ходе теледебатов Дональдом Трампом, является «оценочный комментарий» критического характера. Политик очень часто выражает свою оценку короткой меткой репликой «в зал» и не претендует на взятие коммуникативной роли. Как правило, он добивается своего: ставит под сомнение позицию соперника. Но делает это лишь отчасти, поскольку подобные реплики в отсутствие аргументированного основания могут восприниматься легковесно, как часть шоу.

6. Наиболее яркой стратегией Хиллари Клинтон на прошедших дебатах стала стратегия «игнорирования» позиции собеседника. Зачастую Клинтон не слышит ни Трампа, ни ведущих. Она входит в состояние, подобное некоему «риторическому трансу», и не заканчивает реплику, пока не произнесет эффектный финал.

7. Коммуникативные стратегии Трампа и Клинтон настолько противоположны, что в конечном счете начинают дополнять друг друга. Комментарии Трампа без желания брать роль как нельзя лучше вписываются в концепцию Клинтон эту роль не уступать. Возможно, это и является главным объяснением того, почему эксперты, зрители, да и сами участники расходятся в оценках результатов теледебатов.

8. Теледебаты как вид политического дискурса категорически диалогичны. Они представляют собой два уровня диалога: диалог политиков между собой и диалог политиков и зрителей. Именно этот скрытый второй уровень общения выходит в теледебатах на первый план.

9. Участники теледебатов рассматривают данную форму общения как способ представления, а главное — персонификации своей политической программы. Важнейшая функция теледебатов заключается в профилировании передаваемой аудитории информации.

10. Комментарии оскорбительного характера, упоминание компрометирующих деталей и намеренное очернение собеседника являются результатом желания создать контрастный фон, стать «своим» в оппозиции «своей» — «чужой». Иными словами, это речевое поведение не только определяет кандидата в качестве «своего», но и реализует обращение к «своему» электорату через оценочный контекст.

11. Теледебаты в современном виде утратили былую сценарность и официальность. Задача современных теледебатов — придание зрелищности избирательному процессу. Используемые участниками теледебатов речевые стратегии (перехвата инициативы, оценочного комментария, одновременного говорения) как раз и обеспечивают требуемую зрелищность. Существующий конфликт целей, эмоциональная борьба, в том числе на уровне риторических приемов, лингвистических и паралингвистических средств, является свидетельством присущей данному виду политического дискурса соревновательности.

В заключение хотелось бы отметить, что записи прошедших в США теледебатов было бы полезно использовать на занятиях со студентами как языковых, так и неязыковых вузов. По словам Н. Кобзевой, анализ современной методической литературы позволяет говорить о коммуникативной компетенции как о междисциплинарном феномене, в формировании которого задействованы почти все изучаемые дисциплины [Кобзева 2011: 118]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что работа с текстом теледебатов, выборочный просмотр отдельных эпизодов, написание резюме по материалам прослушанного будут полезны студентам, обучающимся по самым разным специальностям [Тымбай 2017: 112]. По словам Н. Цветковой, подобные задания не только развивают общекультурную компетенцию, но и помогают студентам сформировать собственный инвентарь языковых и речевых средств, способствующих эффективной реализации диалогического общения как на родном, так и на иностранном языке [Цветкова 2007: 144].

© Тымбай А.А

Дата поступления: 5.12.2017

Дата приема в печать: 15.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алёшина Е.Ю.* Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. М.: Прометей, 2015.
2. *Алиева Т.В.* Концептуальная оппозиция «свой — чужой» в политическом дискурсе прессы США (на материале публикаций, посвященных электоральной кампании) // *Филологические науки в МГИМО*, 2008. Вып. 34 (49). М.: МГИМО (У) МИД России. С. 18—26.
3. *Атьман О.В.* Вербализация стратегии самопрезентации в президентских теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // *Политическая лингвистика*. 2011. № 1 (35). Екатеринбург. С. 96—102.
4. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург, 2008.
5. *Дускаева Л.Р.* Диалогическая природа газетных жанров. СПб., 2012.
6. *Иванова Ю.М.* Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов. Автореф. дисс. ... кандидат. филол. наук. Волгоград, 2003.
7. *Кобзева Н.А.* Коммуникативная компетенция как базисная категория современной теории и практики обучения иностранному языку // *Молодой ученый*, 2011. № 3. Т. 2. С. 118—121.
8. *Никифорова М.В.* Средства аргументации в жанре предвыборных теледебатов (на материале теледебатов с участием Е. Ройзмана) // *Политическая лингвистика*. 2015. № 1 (51). Екатеринбург. С. 120—125.
9. *Ноблок Н.Л.* Авторские стратегии в англоязычном политическом дискурсе (на материале теледебатов Дж. Буша и Дж. Керри). Тамбов, 2007.
10. *Павлова Н.Д., Григорьева А.А.* Средства воздействия в масс-медийном дискурсе: сравнительный анализ теледебатов, телебесед и ток-шоу // *Мир науки, культуры, образования*. 2012. № 2 (33). С. 122—125.
11. *Рассинская О.В.* Речевые особенности политической коммуникации // *Молодой ученый*. 2015. № 1. С. 412—413.
12. *Сороченко В.В.* Теледебаты как избирательная технология. 2002. Режим доступа: URL: <http://www.psvfactor.org/debatv.htm> (Дата обращения: 01.10.2017).
13. *Тымбай А.А.* Кто победил? (Лингвистический анализ президентских дебатов 2016 года в США) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2017. № 2 (115). С. 155—160.
14. *Тымбай А.А.* Статус диалога в контексте политического взаимодействия // *Филологические науки в МГИМО: Сборник науч. трудов*. № 57(72). М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 74—79.
15. *Тымбай А.А.* Политический диалог на занятиях со студентами, изучающими английский язык для специальных целей // *Международный научно-исследовательский журнал*, 2017. № 2 (56). Часть 1. С. 109—112.
16. *Цветкова Н.И.* Использование коммуникативных стратегий при обучении говорению на иностранном языке студентов неязыкового вуза // *Вестник МГЛУ*, 2007. Вып. 519. Москва. С. 144—148.
17. *Шейнов В.П.* Скрытое управление человеком. М.: АСТ, 2006.
18. *Яблокова Т.Н.* Эмоциональные высказывания в диалогической и монологической речи // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2011. № 2. Ч. 9. С. 191—197.

УДК: 659.4:32(73)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-105-123

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF AMERICAN POLITITIANS (basing on the 2016 election campaign)

Alexey A. Tymbay

MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Abstract. The article contains the analysis of basic communicative strategies employed by the participants of TV debates, a type of a political discourse. The study was conducted using the videos of Trump — Clinton debate during 2016 US presidential campaign. The major principles of building of a political dialogue of this type were singled out by means of a linguistic analysis, showmanship, competitiveness and personification being the top ones. The article illustrates different types of turn-taking, shows the difference between turns and backchannels, simple overlaps and deliberate interruptions of a partner. However, the choice of turn-taking type is not random. It depends on the strategic planning of the candidates, who view it as a means of projecting their personality as well as their political programme onto the audience. Thus the dual nature of discourse is highlighted: a dialogue between the candidates and the dialogue with the audience. The communicative strategies chosen by the politicians are viewed by the author as a means of influencing the opponent and the electorate in general, one of them being denigrating the opponent for the purpose of creating a more beneficial personal profile. In the end the author suggests using the conclusions made in teaching students oratory and effective public speaking techniques.

Keywords: dialogue, political discourse, turn-taking, transition relevance place, communicative strategies and tactics

REFERENCES

1. Alieva, T.V. (2008). Conceptual opposition We-They in the political discourse of the US press (on the election campaign materials). *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 34 (49), 18—26. (In Russ).
2. Aljoshina, E.Ju. (2015). *Public political discourse of a conflict situation*. Moscow: Prometej. (In Russ).
3. At'man, O.V. (2011). Verbalisation of self-representation strategies in presidential TV debates in the USA. *Politicheskaja lingvistika*, 1(35), 96—102.
4. Budaev, Je.V. & Chudinov, A.P. (2008). Foreign political metaphorology. Ekaterinburg. (In Russ).
5. Duskaeva, L.R. (2012). The dialogue nature of newspaper genres. SPb. (In Russ).
6. Ivanova, Ju.M. (2003). Stratageis of speech influence in election debates [abstract of dissertation]. Volgograd. (In Russ).
7. Jabloкова, T.N. (2011). Emotional utterances in dialogues and monologues. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2(9), 191—197. (In Russ).
8. Kobzeva, N.A. (2011). Communicative competence as a fundamental category of modern foreign language teaching. *Molodoj uchenyj*, 3(2), 118—121. (In Russ).
9. Nikiforova, M.V. (2015). Argumentation means in the genre of political debates (based on E. Roymann TV debates). *Politicheskaja lingvistika*, 1(51), 120—125. (In Russ).
10. Noblok, N.L. (2007). Author strategies in English political discourse (based on Bush — Kerry TV debates). Tambov. (In Russ).
11. Pavlova, N.D. & Grigor'eva A.A. (2012). Means of influence in a mass-media discourse. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, 2(33), 122—125. (In Russ).
12. Rassinskaja, O.V. (2015). Speech peculiarities of political communication. *Molodoj uchenyj*, 1, 412—413. (In Russ).

13. Shejnov, V.P. (2006). The Hidden management of a person. Moscow: AST. (In Russ).
14. Sorochenko, V.V. (2002). TV debates as an election technology. URL: <http://www.psvfactor.org/debatv.htm> (In Russ) (accessed: 01.10.2017).
15. Tsvetkova, N.I. (2007). The use of communicative strategies in teaching speaking to ESP students. *Vestnic MGLU*, 519, 144—148. (In Russ).
16. Tymbay, A.A. (2017). Who won? The linguistic analysis of presidential TV debates 2016 in the USA. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (115), 155—160. (In Russ).
17. Tymbay, A.A. (2015). The status of a dialogue in the context of political interaction. In *Filologicheskie nauki v MGIMO: Sbornik nauch. Trudov*, 57 (72). Moscow: MGIMO-Universitet. pp. 74—79. (In Russ).
18. Tymbay, A.A. (2017). Political Dialogue in ESP classes. In *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 02 (56) Part 1. pp. 109—112.

Для цитирования:

Тымбай А.А. Коммуникативные стратегии американских политиков (на примере избирательной кампании 2016) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 105—123. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-105-123.

For citation:

Tymbay, A.A. (2018). Communicative strategies of American politicians (basing on the 2016 election campaign). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 105—123. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-105-123.

Alexey A. Tymbay, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 105—123. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-105-123.

Сведения об авторе:

Тымбай Алексей Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений МИД России. *Научные интересы:* коммуникативная лингвистика, политический дискурс, прагматика. *Контактная информация:* tymbay@inbox.ru

Bio Notes:

Tymbay Alexey Alexeevich, PhD, Associate Professor of the Chair of the English Language № 1, MGIMO University. *Research interests:* communicative linguistics, political discourse, pragmatics. *Contact information:* tymbay@inbox.ru

УДК: 81'373.21:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-124-135

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТОПОНИМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ

И.В. Бугаева

Московский государственный психолого-педагогический университет
ул. Сretenка, 29, г. Москва, Россия, 127051

Прецедентные топонимы в политическом дискурсе часто выступают как символы государственной власти: Кремль, Белый дом, Wall Street, Берлин, Лондон и т.д. Прецедентные топонимы в политическом дискурсе выступают как символы государственной власти. Анализ значений прецедентного топонима **Красная площадь** посвящена данная статья. Материалом исследования послужила сплошная выборка примеров из Национального корпуса русского языка, фрагменты из художественной литературы, устной речи и интернет-источников. С помощью семантического анализа, направленного на определение основной семы, определялось значение топонима в конкретном контексте. Полученные значения классифицировались. В результате выявлено 16 семантических значений прецедентного топонима **Красная площадь**.

В русской языковой картине мира у топонима **Красная площадь** отмечаются денотативное, коннотативное, прецедентное значения, дополняемые уникальным ассоциативным фоном, восприятие и оценка которых различается в группах носителей и не носителей русского языка. У данного топонима постепенно сформировался образ, который стал маркированным знаком мировой культуры с собственной системой представлений и ассоциаций. Для изучающих русский язык как иностранный ряд известных топонимов, относящихся к группе прецедентных, например, Москва, Кремль, Красная площадь, имеют только политическое значение как символы России и государственной власти. Формируя у студентов-иностранцев культурологические компетенции, целесообразно раскрывать весь спектр значений прецедентного топонима.

Ключевые слова: топоним, Красная площадь, семантика, прецедентный топоним, культурологические компетенции; метонимическое, метафорическое, символическое использование топонима

ВВЕДЕНИЕ

Прецедентные топонимы в политическом дискурсе часто выступают как символы государственной власти: Кремль, Белый дом, Букингемский дворец, Верховная Рада, Елисейские поля, Wall Street, Тяньаньмэнь, Берлин, Лондон, Токио и т.д. Для неносителей языка значение политического символа часто оказывается единственным. Для изучающих русский язык как иностранный ряд известных топонимов, относящихся к группе прецедентных, например, Москва, Кремль, Красная площадь, имеют конкретное политическое значение как символы России и государственной власти. Поэтому, формируя у студентов-иностранцев культурологические компетенции, целесообразно раскрывать весь спектр значений прецедентного топонима.

Теоретическая база изучения прецедентности заложена в научных трудах Д.Б. Гудкова, Е.Л. Березович, М.В. Голомидовой и др. [Гудков 1999; Березович 2001; Голомидова 1998].

Прецедентные имена собственные, характерные для разных национальных культур и регионов, сравнительно недавно стали изучаться отечественными исследователями [3, 7, 13, 17]. А.Д. Васильев подчеркивает, что «прецедентные топонимы и микротопонимы способны не только аккумулировать важные культурно-исторические сведения, но и вызывать в сознании носителей различные ассоциации» [Васильев 2006: 164]. Не обошлось без научной дискуссии. Э.М. Левина даже вопреки традиции научного стиля название статьи сформулировала в виде вопроса «Может ли быть прецедентным топоним?» [Левина 2016]. По мнению ученого, прецедентные топонимы являются результатом метонимического переноса [Левина 2016: 115—119]. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что прецедентность формируется и другими способами, в частности, метафорическим, символическим, о чем речь пойдет ниже.

Цель данного исследования — описать лексико-семантические особенности и лингвокультурологическую ценность и значимость урбанонима **Красная площадь**, а также мотивы появления и способы развития новых значений. Новизна данного исследования — в изучении восприятия лингвокультурологической ценности и значимости прецедентного топонима у носителей и не носителей русского языка.

Источниками языкового материала послужили полные электронные списки улиц городов России и данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

1. ТОПОНИМ **КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ**: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. Топоним **Красная площадь** на карте России: исторический аспект

Топонимы — это не только географические термины, их семантика часто содержит культурно-историческую информацию. Об этом писали известные специалисты в области ономастики, этнолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, М.В. Горбаневский, В.И. Супрун, Р.А. Агеева, Е.М. Верещагин, А.Ф. Журавлев, Е.Н. Березович, Г.М. Керг, В.П. Нерознак и другие [Бугаева 2007]. М.В. Горбаневский подчеркивает, что «любое географическое название представляет собой определенным образом свернутый (компрессированный) текст, который организован несколькими текстовыми модулями, один из которых — историко-культурный, формируемый как знаниями (представлениями, ассоциациями) о самом названии, так и знаниями, представлениями, ассоциациями об объекте» [Горбаневский 1994: 24]. По терминологии В.В. Воробьева, **Красная площадь** представляет собой лингвокультурему [Воробьев 1997].

Красный — вторичный оним, образованный от апеллятива с ярко выраженной мотивацией. Первоначальное значение прилагательного “красный”, как известно, ‘красивый’. Именно это значение было мотивирующим при наименовании центральных площадей в древних русских городах. Отмечается один случай, когда мотивом названия площади стал красный цвет. 7 января 1920 года на Плац-Парад-

ной площади города Красноярска в братской могиле были похоронены 75 человек, погибших при столкновениях с армией Колчака. С этого момента площадь стала называться **Красной** [<http://www.kraskompas.ru/spisok-ulits/item/735-krasnaya-ploshchad.html>].

В состав урбанонима **Красная площадь** входит географический термин **площадь**, обозначающий конкретный географический объект, выполняющий классификационную функцию, и идентификатор **Красный**. Данный оним входит в состав двухсловной и трехсловной моделей. Двухсловная модель первична, относится к раннему периоду градостроительства на Руси, особенностью которого было наличие кремля и центральной вечевой площади как символов власти, центров народных гуляний, собраний, а также лобным местом. Красные площади до настоящего времени сохранились на картах многих городов России: Перми, Ижевска, Курска, Тобольска, Переяславль-Залесска, Выборга, Оренбурга, Нижнего Новгорода, Богородска (Нижегородская обл.), Таганрога, Чебоксар, Ярославля. Во многих городах урбаноним был переименован, например, в Санкт-Петербурге теперь это площадь Александра Невского.

В некоторых городах этот урбаноним по-прежнему обозначает главную, центральную площадь города. Помимо Москвы, в Тобольске на Красной площади также располагается кремль. А в других городах этот топоним сохранился как обычный адрес и выполняет только адресную функцию. Красная площадь в Ельце упоминается в летописях с конца XIV века, как городской центр она формировалась в XVI веке, а сегодня — это обычная городская площадь. А в современной Перми Красная площадь — это и вовсе небольшая улица, т.е. в данном случае лексема «улица» точно обозначает географический термин. Улица не является центральной, она *начинается у Мотовилихинского пруда. Производственный комплекс ООО «Первый хлеб» значится в справочниках по адресу: улица Красная площадь, дом 1* [<http://klyaksina.livejournal.com/697931.html>].

Трехсловная модель **улица Красная площадь** — сравнительно позднее образование, ставшее возможным тогда, когда урбаноним **Красная площадь** стал прецедентным именем. Эта модель свидетельствует о семантическом сращении словосочетания **Красная площадь**, о важности сохранения и передачи культурно-исторической информации. <http://mapdata.ru/orenburgskaya-oblast/orenburg/ulica-krasnaya-ploshchad>.

1.2. Топоним **Красная площадь**: семантический аспект

Ученые выделяют коннотативные, денотативные, ассоциативные и фоновые компоненты ономастической семантики [Гудков 1999; Доржиева 2010].

Имена собственные, как и другие знаки культуры, способны во времени расширять объем своего значения. Как пишет Т.С. Доржиева, «ассоциативный фон имени — это весь комплекс сведений о нем и обозначенном им объекте, фрагменты которого закрепляются в сознании людей, порождая собственные ассоциации» [Доржиева 2010: 114]. Проведенный Т.С. Доржиевой ассоциативный эксперимент дал вполне ожидаемые результаты: «Ассоциативные реакции на топонимические

стимулы в основном отражают энциклопедическую информацию имени» [Доржиева 2010: 115]. Поэтому мы не стали проводить ассоциативный эксперимент, а обратились к данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), примерам из художественной литературы, устной речи и интернет-источников. На 12.01.2018 отмечено 136 документов и 159 вхождений из корпуса художественной литературы и 349 документов и 385 вхождений из газетного корпуса НКРЯ. Далее с помощью семантического анализа, направленного на определение основной семы, определялось значение топонима в конкретном контексте. Полученные значения можно классифицировать по различным критериям, но пока мы их только перечисляем с краткими комментариями и примерами.

1. Прямое конкретное адресное значение:

А жена моя жила на улице Никольской, это про нее: «Красная площадь, квартира 1» (Александр Аронов. ГиП (1997) // «Столица», 1997.04.15);

Тема пресс-конференции: «Подготовка к празднованию в Тобольске 65-летия Великой Победы». 10.00, пресс-центр «Тюменская линия», Красная площадь, дом 2 (События Уральского федерального округа 4 марта // РИА Новости, 2010.03.03);

«КостромаТелеком» — филиал ОАО «ЦентрТелеком»; г. Курск, Красная площадь, дом 8.

Это — денотативное значение данного топонима.

2. Сакральное значение:

Красная площадь — это сакральное место (https://m.vseconcerty.ru/ploschadki/krasnaya_ploshad.php).

Сакральность площади придает не только расположение двух соборов, Казанского и Покровского, больше известного как Храм Василия Блаженного, часовня Иверской иконы Божией Матери, но и Лобное место, которое исторически располагалось на возвышенности, то есть «взлобье». В православной традиции оно символизирует Иерусалимскую гору Голгофу.

3. Метафорические значения:

а) *Красная площадь — это сердце нашей родины (https://m.vseconcerty.ru/ploschadki/krasnaya_ploshad.php);*

б) *Красная площадь — это дух России; Дух России, шарм этого места. Красная площадь, красные звезды, гостеприимство. И это просто фантастика (Массимилиано Фукас: «Великий архитектор должен быть великим человеком» (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.07.15).*

4. Метонимическое значение:

Аплодисментами встретила Красная площадь руководителей КПСС и Советского государства. [Военный парад и демонстрация на Красной площади (1987) // «Труд», 1987.11.08.

5. Центр политической власти и государства:

Демократов сравнивали с власовцами, с Гитлером, Геббельсом, Розенбергом, а о главном редакторе «Огонька» писали, к примеру, так: «Пока в Штатах он лучший в мире, никакая Старая и никакая Красная площадь не снимет его» («Огонек». № 9 (3319), 1991).

6. Символ России:

*Мы старались уйти от всех шаблонов, с которыми сейчас ассоциируется Россия, — матрешки, **Красная площадь**, водка и икра, — рассказали разработчики логотипа* (Е. Мокрова. Брендинговая ассоциация просит переделать логотип России // Известия, 2012.08.18).

7. Символ Москвы:

Красная площадь — символ и архитектурный памятник столицы (Достопримечательности города Москвы. Справка // РИА Новости, 2009.01.28);

*А что еще может больше олицетворять Москву, чем **Красная площадь**?* (А. Насекина. Уроки русского // Советский спорт, 2010.12.15).

8. Географический центр Москвы:

*От **Красной площади** ведется отсчет расстояния по всем идущим от Москвы шоссе* [БЭС 1980: 653].

9. Место проведения парадов, демонстраций, народных гуляний:

*С 1918 года **Красная площадь** стала главным местом проведения парадов и демонстраций* (Достопримечательности города Москвы. Справка // РИА Новости, 2009.01.28);

*В XIX веке **Красная площадь** постепенно утратила торговую функцию: здесь стали проходить различные торжества и народные гулянья* (Достопримечательности города Москвы. Справка // РИА Новости, 2009.01.28);

Красная площадь, строго говоря, не площадь, а широкий проход вдоль стены Кремля: парадный, церемониальный, торжественный, причем в одном господствующем направлении — к реке (Андрей Балдин. Московские праздные дни (1997)).

10. Символ связи поколений:

Красная площадь — один из больших и сложных символов, олицетворяющих связь поколений (С.Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)).

11. Символ престижности:

*Причем так сложилось, что в Москве под «видом» подразумевается **Красная площадь** и храм Христа Спасителя — непонятно, почему последнее сооружение особенно настойчиво навязывают девелоперы, ведь не все покупатели пентхаусов православные...* (Выше только звезды (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.06.15);

*Музыкант посчитал, что Васильевский спуск менее престижен, чем **Красная площадь**, и отказался выступить* (А. Стародубец. Концерта не будет // Труд-7, 2008.08.06).

12. Место казни (Лобное место):

Красная площадь была покрыта обезглавленными, а стены Белого и Земляного города унизаны повешенными (Д.И. Иловайский. Краткие очерки русской истории (1860—1911)).

13. Мемориальное значение (кладбище):

*Именно тогда в Михайловском дворце Питера Ельцин заявил, что принял окончательное решение вынести тело Ленина из Мавзолея, чтобы **Красная площадь** «перестала быть кладбищем»* (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле (2004));

*Думские депутаты с пеной на губах требовали этот концерт отменить, по телеканалам пошла настоящая волна ток-шоу, где Митрофанов и Харитонов схватывались с Гафиным и Градским на волнующую тему: кладбище или не кладбище **Красная площадь**? (Раздвоение имиджа (2003) // «Профиль», 2003.07.14).*

14. Концертная сцена:

*В Москве, на столь сложной площадке, как **Красная площадь**, им удалось удержать хороший звук, динамику действия и сделать вполне «массовую» подачу академического материала (М. Марголис. Хворостовский и Нетребко сделали на Красной площади то, что обещали // Известия, 2013.06.20);*

***Красная площадь** — тоже сцена (А. Гамов. Дети до 7 лет смогут пройти на «Спасскую башню-2010» с родителями бесплатно // Комсомольская правда, 2010.07.20).*

Как концертная площадка Красная площадь стала использоваться только с начала 90-х годов XX века. Первый музыкальный фестиваль состоялся 4 июля 1992 года по распоряжению Б. Ельцина. Спустя год перед Кремлем прошел концерт Национального Симфонического Оркестра США, посвященный памяти П.И. Чайковского. В разные времена на Красной площади проходили концерты групп «Машина времени», «Red Hot Chili Peppers», «Space», «Scorpions», выступали Пласидо Доминго, Д. Хворостовский, Пол МакКартни и др.

В эти годы в средствах массовой информации стал обсуждаться нравственный вопрос об уместности таких действий, поскольку на территории площади и в Кремлевской стене есть захоронения. Никита Богословский с горечью писал:

*«Теперь **Красная площадь** — это эстрада на кладбище» (Н. Богословский. Заметки на полях шляпы (1997)).*

Приведем несколько примеров устной речи из коллекции НКРЯ, где обсуждается концерт П. Маккартни на Красной площади:

***Красная площадь** — это некрополь / кладбище / и по большевистскому замыслу на кладбище на этом могли быть только демонстрации политические (Беседа о выступлении П. Маккартни на Красной площади, «Грани», 2003);*

*На концерт я пойду / хотя **Красная площадь** у меня / конечно / ассоциируется с таким колумбарием (Там же).*

Сотрудники кремлевских музеев считают, что рок-концерты могут нанести вред древним зданиям, включая храм Василия Блаженного: «Почему эта вакханалия должна происходить у стен Кремля, перед Спасскими воротами, куда государь входил с непокрытой головой, перед обетным храмом русских царей?» — пишет доктор искусствоведения А.Л. Баталов (Известия, 2003, <https://iz.ru/news/315858>). Таким образом происходит десакрализация значения топонима, хотя сами организаторы подобных мероприятий в рекламных материалах и афишах акцентируют внимание именно на том, что Красная площадь — «это сакральное место, символ политического государственного и духовного центров России», поэтому выступать там «настоящая честь для талантливых вокалистов и музыкантов» (https://m.vseconcerty.ru/ploshadki/krasnaya_ploshad.php).

15. Туристский стереотип:

*Отсюда — березки, балет, **Красная площадь** и прочие туристические штампы* (С. Уваров. Иностраннный глянec представил свой взгляд на Россию // Известия, 2013.12.02).

16. Символ советского прошлого:

*Так, красный цвет и звезда, **Красная площадь** почти везде ассоциируются с советским прошлым* (М. Шаталова. Столица привлечет туристов с помощью интерактивной рекламы // Известия, 2013.10.10).

Анализ примеров из художественных и публицистических текстов позволяет сделать вывод о том, что у разных групп людей отмечаются различные отношения к одному и тому же прецедентному ониму, что зависит от их политических убеждений, жизненного опыта, места проживания (москвич — не москвич), возраста, образования, социального положения, карьерных амбиций и т.д. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, а также в литературных текстах XIX века Красная площадь упоминается как место казни и оглашения указов, а также центр торговли. Например, в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина:

Видишь,
Народ идет, рассыпавшись, назад —
Пойдем скорей, узнаем, решено ли.
Красная площадь. Народ.

Аналогичное значение находим в трагедии А.К. Толстого «Борис Годунов» (1870).

Подводя итог, отметим, что в семантике проанализированных примеров отмечаются две тенденции: идеологизация и деидеологизация урбанонима **Красная площадь**.

2.3. Топоним **Красная площадь**: функциональный аспект

Урбанонимы выполняют несколько функций. Главная — это адресная функция. Большинство урбанонимов выполняют только эту единственную функцию. Вторая функция онимов — вербализация знаков культуры. В этом случае формируется этнокультурная семантика имени собственного. Третья функция — эмоционально-экспрессивная. Выполняя эту функцию, топонимы приобретают эмоционально-оценочную коннотацию [Бугаева 2017].

Ученые дискутируют о семантической/асемантической топонимов [Толстой 1970]. Для решения этого спора необходимо изучить функционирование топонимов, их восприятие разными группами носителей языка. Так, для большинства граждан России Красная площадь в Москве — это один уровень восприятия, оценки и определенный ассоциативный фон. А в сознании жителей Перми, Курска, Оренбурга и т.д. есть две Красные площади с разным коннотативным значением и ассоциативным фоном (Красная площадь в Москве и в родном городе). Также необходимо учитывать восприятие и оценку иностранцев, которые не знают об исторической градостроительной традиции Средневековой России, для них

Красная площадь — это символ Москвы и России, а также туристический объект. Для неносителей языка иностранные топонимы асемантически, если не являются прецедентными и всемирно известными объектами. Но даже в этом случае коннотативное значение может быть разным и может располагаться на шкале оценочности от полного восторга до полного неприятия:

Вот Красная площадь — скучная: непонятно, что там делать (Ясумото Хироеси. Ясумото Хироеси из Киото // Русский репортер, 2012).

Использование топонима **Красная площадь** в качестве эргонима можно отнести к коннотативному использованию, поскольку в данном случае оным выполняет одновременно несколько функций: номинативную (называет некий объект) и оценочную (приписывание свойств, репутации). Например, ТРЦ «Красная площадь» в Армавире, Краснодаре; туристическая компания «Красная площадь» в Лондоне и т.д. В двух других примерах анализируемый урбаноним указывает на фактическое место расположение (ресторан «Красная площадь») или место проведения (Фестиваль военных оркестров «Красная площадь»). В этих случаях помимо номинативной функции отмечается дополнительная адресная функция.

Английская версия названия **Red Square** отмечена в следующих случаях. Во-первых, фитоним, название розы Red Square. Во-вторых, название бара в Москве: «Red Square» — Русский караоке-клуб, ресторан, бар, паб, банкетный зал, ночной клуб». В-третьих, бренд канцелярских товаров.

3. НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ И ЗНАЧЕНИИ ТОПОНИМОВ

В научной литературе до сих пор нет общего мнения о значении топонимической лексики. В.А. Никонов выделял три плана значения топонимов: 1) дотопонимическое значение того слова, от которого образовался топоним; 2) собственно топонимическое (прямое географическое) значение; 3) посттопонимическое значение, то есть ассоциации, связанные с названием в результате знакомства человека с объектом [Никонов 1965: 57—61].

А.В. Суперанская, развивая теорию ономастики, считала, что дотопонимические и посттопонимические «значения» не должны составлять обязательных компонентов ономастической семантики, поскольку они могут быть выявлены далеко не у каждого имени [Суперанская 2007: 264]. Утверждение верно для большинства топонимов, исключение составляют прецедентные онимы. У прецедентных топонимов, к которым относится **Красная площадь**, важным является не только собственно топонимическое значение, но и этимологическое, апеллятивное (главная площадь города, столицы должна быть самой красивой), а также посттопонимическое, ассоциативное. В случае с прецедентными топонимами посттопонимическое значение представляет большой интерес для исследователей, так как постоянно существуют условия для появления новых символических, метафорических и прочих значений. Некоторые из них могут закрепиться в языке, а некоторые будут употребляться на протяжении какого-то периода времени. Например, в последнее время в СМИ периодически инициируется обсуждение

переноса колумбария из Кремлевской стены и перезахоронение тела В.И. Ленина. Если такой акт произойдет, то Красная площадь утратит значение «кладбища», следовательно, это значение просуществует чуть более ста лет и будет забыто. Другой пример. Если государственные власти прислушаются к мнению ученых и запретят проведение концертов на Красной площади, поскольку вибрация и другие акустические эффекты вредят историческим зданиям, то значение «сцена, концертная площадка» просуществует несколько десятилетий. А.В. Суперанская права в том, что типичная для имен собственных структура ассоциативного комплекса включает в себя «ассоциацию с именуемым объектом + комплекс различных сведений об объекте + комплекс эмоций, вызванных этим объектом у говорящего» [Суперанская 2007: 285].

Семантика топонимов, как и всех разрядов имен собственных, усложняется ассоциативным фоном, который является величиной переменной и характеризуется неоднородностью даже для носителей языка. Так, топоним **улица 12-ый проезд Марьиной Рощи** у гостя Москвы не вызывает никаких ассоциаций, кроме, пожалуй, недоумения. У москвичей будет минимум два разных ассоциативных фона: улица на севере Москвы в микрорайоне Марьино, а у жителя данной улицы — адрес проживания, место, где прошло детство, то есть личные ассоциации, которые могут быть значимы только в ограниченной сфере коммуникации.

Особый экстралингвистический статус ассоциативного фона отмечает Е.Л. Березович, которая считает, что «ассоциативный фон не имеет собственно языковой верификации. Он может быть эксплицирован в показаниях метаязыкового сознания носителей топонимической системы, т.е. в актах мотивации, а не собственно номинации» [Березович 2001: 8].

Н.И. Толстой и С.М. Толстая разграничивают лексические и культурные коннотации [Толстой, Толстая 1995: 290]. У топонима **Красная площадь** несколько культурных коннотаций, что объясняется особым статусом данной площади в географическом положении как главной площади Москвы с многовековой историей.

Если воспользоваться моделью анализа топонимов, которую предложила С.П. Васильева, со следующей последовательностью: топоним — номинативная модель — семантическое поле — идеографическое поле — метальный образ — картина мира, то все рассмотренные выше значения полностью укладываются в эту схему, но только для Красной площади в Москве [Васильева 2001].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, урбаноним **Красная площадь** имеет денотативное, коннотативное, прецедентное значения, дополняемые уникальным ассоциативным фоном, восприятие и оценка которых различается в социальных группах носителей и не носителей русского языка. Объясняя на занятиях другие значения прецедентных имен собственных, можно организовать урок так, чтобы за короткое время дать культурно-историческую информацию и познакомить учащихся не только с этимологией слова, но и рассказать обо всех значениях, с помощью публицистических и литературных примеров описать ассоциативный фон.

Топоним **Красная площадь** является важным и значимым не только для русской языковой картины мира. Постепенно сформировался образ, который стал маркированным знаком мировой культуры с собственной системой представлений и ассоциаций. Сейчас можно говорить о том, что Красная площадь не только в России, но и за ее пределами является политическим символом, олицетворяющим Москву и Россию.

© Бугаева И.В

Дата поступления: 10.01.2018

Дата приема в печать: 15.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Сакральное пространство средневековой Москвы. М.: Феория. Дизайн. Информация. Картография, 2010.
2. *Березович Е.Л.* К построению комплексной модели топонимической семантики // *Известия Уральского госун-та*. 2001. № 20. С. 9—15.
3. *Болотина К.Э.* Прецедентные феномены в языковой картине мира квебекцев // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 2. С. 61—76.
4. *Большой энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1980.
5. *Бугаева И.В.* Красная площадь в городском пространстве и русской ментальности // *Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В.А. Никонова (Ульяновск, 20—23 сентября 2017 г.) / под ред. С.В. Рябушкиной, В.И. Супруна, Е.В. Захаровой, Е.Ф. Галушко*. В 2 т. Т. 1. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. С. 17—23.
6. *Бугаева И.В.* Фоновая семантика топонимов // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2007. № 4 (48). С. 13—17.
7. *Васильев А.Д.* Некоторые прецедентные топонимы в языковом сознании красноярцев // *Вестник Красноярского гос. пед. ун-та*. 2014. № 3 (29). С. 164—166.
8. *Васильева С.П.* Русская топонимика Приенисейской Сибири: картина мира: дисс. ... д. филол. н. Красноярск, 2006.
9. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997.
10. *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998.
11. *Горбаневский М.В.* Русская городская топонимия: Проблема историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: дисс. ... д. филол. н. М., 1994.
12. *Гудков Д.Б.* Прецедентные имена и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999.
13. *Джаниева В.В.* Лингвокогнитивные основы коммуникации: инокультурные прецедентные феномены: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Владикавказ, 2008.
14. *Доржиева Т.С.* Структура топонимической семантики: ассоциативный компонент // *Вестник Бурятского гос. ун-та*. 2010. № 10. С. 111—116.
15. *Красная площадь* // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 т. СПб., 1890—1907. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://enc-dic.com/brokgause/Krasnaja-ploschad-122153.html> (дата обращения 06.01.18).
16. *Левина Э.М.* Может ли быть прецедентным топоним? // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 115—119.
17. *Ленинцева В.А., Бурукина Т.Н.* Прецедентные имена китайской национальной культуры // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2015. № 2. С. 70—89.
18. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. М.: Наука, 1965.

19. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: ЛКИ, 2007.
20. Толстой Н.И. Еще раз о семантике имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970. С. 56—399.
21. Толстой Н.И., Толстая С.М. Культурная семантика славянского *vessel- // Толстой Н.И. Языки и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

УДК: 81'373.21:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-124-135

PRECEDENT TOPONYM AS A POLITICAL SYMBOL

Irina V. Bugaeva

Moscow State University of Psychology and Education
29, Sretenka str., Moscow, Russia, 127051

Abstract. Precedent toponyms in the political discourse often mean the symbols of the state power: the Kremlin, the White House, Wall Street, Berlin, London, etc. This article is devoted to the analysis of meanings of the precedent toponym “Red Square”. The continuous sampling from the Russian National Corpus, some text fragments from fiction, oral speech and Internet resources were used as the study material. The toponym meaning in the concrete context was determined with the help of semantic analysis aimed at defining of the main seme. The obtained meanings were classified. As a result 16 semantic meanings of the precedent toponym “Red Square” were identified. In the Russian linguistic view of the world the toponym “Red Square” has denotative, connotative, precedent meanings added by the unique associative background. The comprehension and evaluation of these meanings are different in the groups of native speakers and non-native speakers of the Russian language. This toponym has gradually formed the image that has become the marked sign of the world culture possessing its own system of notions and associations. For people studying the Russian language as a foreign language some well known precedent toponyms such as Moscow, the Kremlin, Red Square have only political meaning as the symbols of Russia and the state power. Forming the cultural competence while working with foreign students it is useful to find out the full range of meanings of the precedent toponym.

Keywords: toponym, semantics, precedent onym, Red Square, cultural competence; metonymical, metaphorical, and symbolic use of toponym

REFERENCES

1. Batalov, A.L. & Belyaev, L.A. (2010). Sacred space of medieval Moscow. Moscow: Theory. Design. Information. Cartography. (In Russ).
2. Berezovich, E.L. (2001). To the construction of a complex model of toponymic semantics, *Izvestiya Ural State University*, 20. 9—15. (In Russ).
3. Bolotina, K.E. (2016). Precedent phenomena in the language picture of the world of Quebecers, *Russian journal of Linguistics Vestnik RUDN*, 20(2), 61—76. (In Russ).
4. Great encyclopedic dictionary (1980). Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ).
5. Bugayeva, I.V. (2017). Red Square in the city space and the Russian mentality In *Onomastics of the Volga Region: materials of the XVI International Scientific Conference, dedicated to the 50th anniversary of the first Volga Region onomastic conference and the memory of its organizer V.A. Nikonov* (Ulyanovsk, September 20—23, 2017), S.V. Ryabushkina, V.I. Supruna, E.V. Zakharova, E.F. Galushko (Ed.). In 2 vols. Vol. 1. Ulyanovsk: FGBOU V “UIGPU them. I.N. Ulyanov”, pp. 17—23. (In Russ).
6. Bugayeva, I.V. (2007). Background semantics of toponyms, *Bulletin of Tambov University. Series: The humanities*, 4(48), 13—17. (In Russ).

7. Vasiliev, A.D. (2014). Some precedent toponyms in the linguistic consciousness of Krasnoyarsk residents, *Vestnik of the Krasnoyarsk State University. Ped. University*, 3(29), 164—166. (In Russ).
8. Vasilyeva, S.P. (2006). Russian toponymy of the Yenisei Siberia: a picture of the world [dissertation]. Krasnoyarsk. (In Russ).
9. Vorobiev, V.V. (1997). *Linguoculturology (theory and methods)*. Moscow: Publishing house of the PFUR. (In Russ).
10. Golomidova, M.V. (1998). *Artificial nomination in Russian onomastics: Monograph*. Ekaterinburg: the Urals. state. ped. University. (In Russ).
11. Gorbanevsky, M.V. (1994). *Russian urban toponymy: The problem of historical and cultural study and modern lexicographic description [dissertation]*. Moscow. (In Russ).
12. Gudkov, D.B. (1999). *Precedent names and problems of precedent*. Moscow: Izd-vo MGU.
13. Dzhanieva, V.V. (2008). *Lingvokognitivnye basis of communication: inokulturnye precedent phenomena [abstract of dissertation]*. Vladikavkaz. (In Russ).
14. Dorzhieva, T.S. (2010). Structure of toponymic semantics: an associative component, *Bulletin of the Buryat state. University*, 10, 111—116. (In Russ).
15. Red Square // *Encyclopaedic Dictionary of Brockhaus and Efron*: 86 t. St. Petersburg, 1890—1907. <http://enc-dic.com/brokgause/Krasnaja-ploschad-122153.html> (accessed 06.01.18).
16. Levina, E.M. (2016). Could there be a precedent toponym? *Philological Sciences. Questions of theory and practice, Tambov: The diploma*, 4(58): in 3 hours Part 2, 115—119. (In Russ).
17. Lenintseva, V.A. & Burukina, T.N. (2015). The precedent names of the Chinese national culture. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 70—89. (In Russ).
18. Nikonov, V.A. (1965). *Introduction to toponymy*. Moscow: Nauka. (In Russ).
19. Superanskaya, A.V. (2007). *General theory of the proper name*. Moscow: LKI. (In Russ).
20. Tolstoy, N.I. (1970). Once again about the semantics of the proper name. In *Actual problems of lexicology*. Minsk. pp. 56—399. (In Russ).
21. Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. (1995). *Cultural semantics of the Slavic * vessel- // Tolstoy N.I. Languages and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. M.: Indrik. (In Russ).

Для цитирования:

Бугаева И.В. Прецедентный топоним как политический символ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 124—135. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-124-135.

For citation:

Bugaeva I.V. (2018). Precedent toponym as a political symbol Russian Linguopolitical Personology: Political Leaders' Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 124—135. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-124-135.

Irina V. Bugaeva, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 124—135. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-124-135.

Сведения об авторе:

Бугаева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, кафедра лингводидактики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Московского государственного психолого-педагогического факультета; e-mail: bugaevaiv@mail.ru ORCID 0000-0003-3682-4880; eLibrary SPIN-код 4250-2339.

Bio Note:

Bugaeva Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, professor of the Chair of Foreign Languages at Moscow State University of Psychology and Education; e-mail: bugaevaiv@mail.ru; ORCID 0000-0003-3682-4880; eLibrary SPIN-код 4250-2339.

УДК: 316.77:81'42:32(71)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-136-157

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА КАНАДЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О.В. Устинова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении особенностей репрезентации образа Канады в политическом дискурсе, выявить факторы, влияющие на его создание. На основе наиболее актуальных политических высказываний, государственных отчетов, анализа статистических данных определяются механизмы формирования образа Канады на международной арене. Политический дискурс в последнее время все чаще становится предметом изучения лингвистики. Интерес к этому явлению объясняется тем, что в политической коммуникации используется широкий спектр языковых инструментов эффективного воздействия на общественное сознание. Изучение и анализ механизмов политической коммуникации позволяет адекватно декодировать прагматические установки текстов политического содержания. Все это обуславливает актуальность данной работы. Предметом исследования являются способы языковой репрезентации (лексические и семантические особенности) образа Канады в международной дипломатии. Объектом исследования послужил политический дискурс публичных выступлений политических деятелей, правительственные документы, в которых нашли отражение общественно-политические реалии. Методология настоящего исследования сложилась под влиянием отдельных отечественных и зарубежных представителей политической науки, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В научном исследовании использовались когнитивно-концептуальный анализ для выявления отличительных признаков общественно-политических реалий как средства выражения базовых ценностей; интерпретационный и контекстологический анализ при отборе текстового материала. Демонстрируются пути формирования национального канадского образа, выявляются его сильные и слабые стороны. Обширный фактологический материал раскрывает многогранность канадского имиджа и приводит к формированию в различных источниках определенной политической терминологии, лексических конструкций, как социально значимых единиц, которые находят свое отражение в политическом дискурсе. Материал дает представление о современном образе страны и восприятии Канады в мире, обосновывается идея мультикультурализма как идеология этнокультурного плюрализма. Источниками послужили официальные, правительственные документы (законы, акты, отчеты), статистические данные, парламентские дебаты, партийные программы, речь политической элиты. Весь представленный материал объединил данные средств массовой информации, Интернета.

Ключевые слова: политический дискурс; когнитивный анализ; образ (имидж) Канады; этнокультурное многообразие; культурный плюрализм; национальная идентичность; мультикультурализм; культурная мозаика

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Сегодня анализ политического дискурса представляет широкий интерес для целого ряда наук: политологии, психологии, философии, социологии, экономики, теории межкультурной коммуникации, лингвистики. Политическое мышление,

политическое поведение и языковая форма находятся в тесном контакте, что делает политический дискурс объектом междисциплинарных исследований. В результате появилось новое направление в языкознании — политическая лингвистика. Помимо термина «политический дискурс» (Е.И. Шейгал, А.Н. Баранов) принято использовать другие его обозначения, например, «общественно-политическая» (Т.В. Юдина) или «агитационно-политическая» (А.П. Чудинов) речь, «язык общественной мысли» (П.Н. Денисов), «политический язык» (О.И. Воробьева). Не существует единого мнения в его толковании. В широком смысле под *политическим дискурсом* понимаются «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2000: 23]; «сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте — контексте политической деятельности, политических взглядов и убеждений» [Герасименко 1998: 22]; «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов 2001: 246]. Другими словами, в качестве языкового материала при исследовании политического дискурса могут использоваться официальные заявления политиков, любые правительственные документы, отчеты, законы, программы, публикации в СМИ, затрагивающие различные аспекты политики.

Лингвистический анализ политического дискурса данной статьи осуществляется на базе *когнитивного метода*, в основе которого «лежит предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи — объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, соответственно, и определяют сущность человеческого разума» [Петров 1988: 42]. Цель когнитивного лингвистического анализа политического дискурса состоит в том, чтобы обнаружить знания человека о мире, в частности о политическом мире, в структурах языка. Механизмы когнитивного анализа помогают реконструировать представления человека об окружающем мире, позволяют выявить его симпатии и антипатии, ценностные воззрения и ориентиры. Кроме того, когнитивный анализ позволяет оценить политическую ситуацию, так как внутренние модели мира являются частью объективной политической картины. Когнитивный анализ реализуется посредством исследования *концептов, метафорических моделей, фреймов* — структур, которые отображают стереотипные ситуации [Минский 1979: 56].

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИКИ И ИМИДЖА

Современное мироустройство XXI века сопровождается радикальными изменениями геополитического ландшафта. Глубокие трансформации на мировой арене отзываются турбулентностью в сфере экономики, политики, в системе международных отношений. Современная теория международных отношений выделяет основные причины интенсификации неравномерной значимости национальных

государств и национальных сообществ в системе мировых взаимоотношений: *глобализация, модернизация, интеграция и регионализация.*

Гетерогенность мирового политико-экономического пространства приводит к тому, что в различных пространственных сегментах мира, каждый из этих процессов имеет свою скорость и форму протекания. Формирование положительного политического образа страны в глобализированном мире и привилегированное место государства в геополитическом пространстве играет важную роль в международной политике. Привлекательный имидж позволяет стране достигать поставленных внешнеполитических целей (международное сотрудничество, развитие торгово-экономических отношений с другими государствами) и продвигать свои национальные интересы на международной арене (этнокультурное разнообразие, национальная идентичность, уникальный канадский путь развития). Формирование позитивного образа на внешнеполитической арене является одной из приоритетных задач для нового руководства Канады.

Необходимо отметить, что имидж (или образ) страны представляет собой комплекс объективных взаимосвязанных характеристик государственной системы, которые были сформированы в процессе эволюции государственности как сложной, многофакторной подсистемы мирового устройства. Эффективное взаимодействие звеньев многоуровневой непростой системы задает тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессиональных, культурно-исторических и других процессов. В современных типологиях выделяют ряд ключевых элементов имиджа того или иного государства: история страны, ее культура, менталитет, национальные особенности, научно-технический потенциал, ресурсный потенциал, инвестиционный климат, внешнеполитический образ стран, стратегия развития государства, статистические показатели, международные рейтинги и т.д. Образ государства является «живым» и «органическим» коммуникативным фундаментом позиционирования власти, который можно направлять, корректировать, уточнять, переделывать для соответствия ожиданиям общественности. Создание успешного образа является основой успешного функционирования государства и ее руководящего звена. Таким образом, имидж государства следует строго структурировать, то есть выработать соответствующую схему и общие принципы ее работы. Канада в этом направлении на данном этапе своего развития предпринимает конкретные шаги по формированию и укреплению благоприятного международного имиджа.

ПОЗИТИВНЫЙ ОБРАЗ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ ПРИОРИТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Образ Канады и канадцев в обыденном сознании часто ассоциируется с определенным набором наиболее распространенных стереотипов. Прежде всего, следует выделить ряд национально-специфических качеств, на основании которых формируются менталитет и политические модели поведения Канады как политического игрока на международной арене. Канада показывает пример ведения взве-

шенной международной политики, является моделью общества с этнокультурной мозаичностью, важной особенностью менталитета которого становится стремление к **равноправию, безопасности и миру**. Важным документом, призванным способствовать установлению *равноправия* стал *the Second National Plan on Women, Peace and Security* («Второй национальный план действий по вопросам женщин, мира и безопасности») на период с 2017 по 2022 годы. Данная резолюция расширяет возможности женщин по внесению полноценного и равнозначного вклада в усилия по урегулированию и предотвращению конфликтов, управлению кризисами и миростроительству. Согласно мнению экспертов ООН, процессы по обеспечению мира и безопасности должны учитывать гендерные факторы:

«Женщины всегда должны находиться за столом переговоров, а их голоса должны быть услышаны, когда речь идет о предотвращении и урегулировании конфликтов и укреплении мира. ОБСЕ напряженно работает, чтобы обеспечить включение аспектов гендерного равенства во всеобъемлющую концепцию по безопасности как ее неотъемлемую часть» (Резолюция 1325 Совета Безопасности ООН, подготовленный ОБСЕ).

Другими словами, речь идет не о предпринимаемых шагах по защите женщин, а о том, чтобы женщины занимали должности, на которых принимаются ключевые решения. Повестка дня «Женщины, мир и безопасность» является эффективным инструментом для установления реального *равенства* между мужчинами и женщинами в обществе.

Разнообразный опыт женщин должен учитываться во всех миротворческих процессах:

“The path to peace needs empowered women. Where women are included in peace processes, *peace is more enduring*; where women are included in the economy, *economic growth is consistently higher*; and where women are included in governance, *states are more inclusive and more stable*. We hope Canada’s second National Action Plan on Women, Peace and Security inspires our international partners to collaborate with us on this important issue and support women in creating an inclusive, gender-equal world” (Chrystia Freeland, Minister of Foreign Affairs) [www.canada.ca 1.11.2017].

Министр иностранных дел Канады Х. Фриланд считает, что мирный процесс будет более прочный (*peace is more enduring*), рост экономики будет стабильно высоким (*economic growth is consistently higher*), развитие государств будет устойчивым (*states are more stable*), если участие женщин в повседневных политических и военных операциях станет более широким.

“Women, peace and security is a *major pillar* of Canada’s new Feminist International Assistance Policy. It is a *key component* of our development efforts abroad. There can be no development without peace, and there can be no lasting peace without involving women” (Marie-Claude Bibeau, Minister of International Development and La Francophonie) [www.canada.ca 1.11.2017].

Министр международного развития и франкофонии Канады Мари-Клод Бибо отметила, что повестка дня «Женщины, мир и безопасность» является важной

основой (*a major pillar*) и ключевым моментом (*a key component*) предпринимаемых международных усилий в области развития. Министр также подчеркнула, что устойчивый и прочный мир невозможен без интеграции женщин (*there can be no lasting peace without involving women*).

“The integration of women at all levels and in all roles is *vital to the promotion of peace and security*. This is a *key priority* that the Canadian Armed Forces is incorporating in all areas of its work — from operational planning to implementation. Carrying out Canada’s second action plan will ensure we maximize our collective efforts to help the most vulnerable populations during conflicts and crises” (Harjit S. Sajjan, Minister of National Defence) [www.canada.ca 1.11.2017].

Министр национальной обороны Канады Харджит Сингх Саджан одобрил гендерную интеграцию на всех уровнях укрепления и установления мира. Он подчеркнул, что активная роль женщин крайне важна для продвижения мира и безопасности (*the integration of women is vital to the promotion of peace and security*), в связи с чем гендерное равновесие необходимо закрепить на всех стадиях конфликтного цикла.

По словам политического лидера страны, Канада гордится выпуском резолюции, на реализацию которого государство готово выделить значительные денежные средства (17 миллионов долларов).

Canada is proud to lead on the *implementation of the Women, Peace and Security agenda*, and recently announced an initial \$17 million in funding for new projects to support it. We will advance this agenda *through international assistance programming, diplomacy and our participation in peace operations and other peace and stabilization efforts, including through the UN, NATO, G7, the Commonwealth, La Francophonie, and with the International Committee of the Red Cross* (Justin Trudeau, November 15, 2017).

Важность и серьезность данного проекта обосновывается тем, что политическое руководство страны выразило готовность подключать все политические механизмы и использовать необходимые рычаги для его воплощения в жизнь: начиная с программ международной помощи, дипломатических усилий, участия в миротворческих операциях, усилий по обеспечению мира и стабилизации, заканчивая учреждениями системы ООН, НАТО, G7 («Большая семерка»), Содружеством наций, Франкофонией, международным комитетом Красного Креста. Заявление, сделанное первым лицом государства, поражает масштабностью и размахом, свидетельствует, несомненно, об уверенности, авторитетности канадского политического лидера в своих действиях, а также подтверждает факт наличия прочных связей во всех вышеперечисленных международных организациях и инстанциях.

Другую важную черту Канады — **безопасность** — отражает концепция оборонной политики страны. Она носит претенциозное название *Strong, Secure and Engaged: Canada Defence Policy* («Сильная, защищенная и вовлеченная в мировые процессы: оборонная политика Канады»).

Программные документы по военной политике, которые издаются в Канаде в виде Белых книг, включают в себя военную доктрину страны, определенные меры, направленные на модернизацию вооруженных сил страны. Белые книги

по обороне информируют политиков, союзников и общественность о стратегических ориентирах прогнозируемой военно-политической деятельности Канады.

Белая книга-2017 очерчивает контуры военной политики Канады на ближайшие 20 лет. Военная стратегия включает три главных направления: охрана территории Канады, защита Североамериканского континента и участие в международных миссиях по обеспечению безопасности в мире. В своем адресном обращении министр обороны Канады Харджит Саджан представил оборонную концепцию следующим образом:

It is a contribution to a Canada that is strong at home, secure in North America, engaged in the world. In a rapidly changing and less predictable world, we recognize that the distinction between domestic and international threats is becoming less relevant. Therefore, we cannot be strong at home unless we are also engaged in the world.

Во-первых, перед названием страны появляется неопределенный артикль *a Canada*, что противоречит грамматической норме. В данном случае неопределенный артикль подчеркивает, что речь идет не о стране, существующей на политической карте мира сегодня, а о той стране, которую руководство страны собирается получить в будущем. Другими словами, речь идет о некоем идеализированном образе — стране, которая получилась бы при прочих равных обстоятельствах: *strong at home, secure in North America, engaged in the world* «сильной дома, безопасной в Северной Америке, вовлеченной в мировые отношения». Во-вторых, сила ассоциируется с включенностью государства в мировую политику, и не мыслится вне ее: *strong at home = engaged in the world* «чувствовать себя сильным на родине = быть вовлеченным в международные отношения».

Министр иностранных дел Христя Фриланд подчеркивает другое лексико-семантическое тождество — *безопасность и процветание*:

Canadians' security and prosperity go hand-in-hand. Today, we are connected to — and affected by — everything that happens internationally, and we want to be part of solutions to complex global challenges. Canadians rightly expect our government and country to play a positive and constructive role.

То есть, понятия *безопасность* и *процветание* взаимообусловлены, так как *go hand-in-hand* «идут рука об руку». Последнее образное выражение показывает неразрывную связь, существующую между безопасностью и благополучием канадцев. Министр также разделяет надежду канадцев на то, что правительство и страна вместе сыграют положительную и конструктивную роль в строительстве процветающего государства на международной арене (“*our government and country to play a positive and constructive role*”).

Принцип «*мир, порядок, хорошее управление*» заложил прочную основу в образ Канады и ее жителей, которые имеют репутацию мирных, высоконравственных и законопослушных граждан. К правилам и нормам относятся серьезно, оставаясь верными старым британским традициям и институтам. Черты двух правовых систем составляют неотъемлемую часть Конституции Канады, основным принципом которой является «*peace, order and good government*» («*мир, порядок и хорошее управление*»). Впервые этот принцип появился в акте о Британской Северной Америке 1867 года, был подписан британским парламентом. Несмотря на технические цели, принцип «*мир, порядок и хорошее управление*» стал значи-

мым для канадцев. Этот лозунг определяет устройство Канады и является аналогом «Свобода, равенство и братство» во Франции и «Жизнь, свобода и стремление к счастью» в США. Девиз канадской конституции стал отражением важных для канадцев ценностей, которые выражаются в традиции приспособления и сосуществования, мирного разрешения споров, верховенства закона и демократии.

КАНАДА — НЕ США

Канада довольно часто воспринимается мировым сообществом как «бледная тень», «задний двор» или «чердак» США. Действительно, при консервативной партии Канада шла в кильватере американской внешней политики. Майкл Харрис (22-й премьер-министр Онтарио) в своей новой книге «Партия одного» пишет:

We have become *outliers*. We are seen as *more American than the Americans...* Given what our foreign policy has become, I would not have joined the service.

Что означает такая номинация как *outliers*? Согласно определению, приведенному в Cambridge dictionary: *outlier* is a person, or fact that is very *different from* other people, things, or facts, so that it cannot be used to draw general conclusions («посторонний — это человек, или факт, который отличается от других людей, вещей, или фактов, в связи с чем не может быть использован для формулировки общих выводов»). Словарная дефиниция в English Oxford Dictionary дает следующее описание: *outlier* is a person or thing *situated away or detached* from the main body or system («посторонний — это человек или вещь, располагающийся в стороне или в отрыве от основной части или системы»). Другими словами, *outlier* — это некто, кто *отличается от* других себе подобных и представляет собой *обособленный объект* группы, который держится особняком, являясь изолированной частью системы. Данная лексическая единица несет в себе негативную коннотацию *обособленности, отчужденности*. М. Харрис подчеркивает, что Канада превратилась в *страну-изгой*, стала *чужой* даже для самих канадцев; он пишет, что мы (канадцы) создаем впечатление еще более американского образа, чем сами американцы. В данном отрывке прослеживаются чувства ущемленности, униженности.

Безусловно, ближайший южный сосед США оказывает постоянное огромное влияние на Канаду. Необходимо учитывать тот факт, что две страны объединяет самая длинная в мире общая граница (включая водные и сухопутные участки, Аляску (2475 км) протяженность составляет 8893 км), в экономическом смысле две страны являются друг для друга крупнейшими инвесторами, покупателями и поставщиками. Тем не менее Канада отличается более социально-ориентированной экономикой, это страна с самой низкой плотностью населения в мире (3,7 чел. на 1 кв. м), умеренным, неторопливым ритмом жизни. Хладнокровие и сдержанность — основные черты «северного» характера канадцев по сравнению с «южным» темпераментом американцев, главным отличием которого является взрывной, вспыльчивый характер. Вежливость канадцев естественна, с одной стороны, и избыточна, с другой: «Канада ассоциируется с вежливостью, как Саудовская Аравия с нефтью» [Вайнер 2015: 2]. Корни феномена вежливости уходят в «теорию осколков», впервые изложенную американским ученым Луисом Хартцем [Hartz 1964: 35]. Теория утверждает, что колониальные общества, такие как

Соединенные Штаты и Канада, начинали свою историю как «осколки» или «фрагменты» европейских стран. Переселенцы, которые бежали из этих стран, создавали новые государства за океаном. Эти молодые государства (Канада 150 лет и США 241 год) остаются отчасти застывшими во времени.

Таким образом, Канада являет собой пример консервативной страны, которая существует и развивается в классических традициях тори, где уважительное и любезное отношение людей друг к другу было естественным. С другой стороны, вежливость в канадской культуре выступает как защитный механизм, источником которого является чувство неполноценности. В любом случае, Канада и США — две отдельные страны, объединенные единым континентом. Благодаря общей географической границе и торгово-экономическим связям, безусловно, обе страны ощущают на себе взаимное влияние друг друга. Однако и США, и Канада выбрали разный политический путь развития для своих государств. Показательным примером служит политика мультикультурализма: *melting pot* «*плавильный котел*» Соединенных Штатов Америки and *cultural mosaic* «*культурная мозаичность*» Канады. Если американская концепция состояла в ассимиляции активно прибывающих иммигрантов и предлагала «смешивать», «сплавлять» культурные и национальные черты иммигрантов, то канадская модель исходила из факта, что ни одна этническая группа канадцев не составляет большинства населения страны в целом. То есть канадская концепция «мозаики» направлена на поддержку этнических меньшинств, согласно которой этносы не теряют своей идентичности, культуры не смешиваются, теряя свои отличительные черты, а образуют неоднородную культуру с национально-специфическими особенностями.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЙТИНГОВЫЕ АГЕНТСТВА — ЛАКМУСОВАЯ БУМАЖКА БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Рейтинговые агентства появились как один из институтов, призванных решать вопросы, связанные с информационной асимметрией на рынках. Международные рейтинговые агентства предоставляют независимую аналитическую информацию, отчеты которой имеют открытый доступ и публикуются на официальных сайтах агентств. Подобные организации предпринимают все необходимые мероприятия с целью увеличения степени доверия к ним за счет результатов детального анализа собственных статистических методологий и рейтингового подхода.

Символами канадского образа жизни стали *благосостояние и процветание*, высокие уровень и качество жизни. В течение долгого времени Канада занимает устойчивые первые позиции в международных рейтингах по данным показателям. Рассмотрим некоторые из них. По данным международных рейтинговых агентств (*Global Peace Index, Positive Peace Index, World Happiness Report, Corruption Perceptions Index*), Канада остается в лидерах среди привычного списка стран — символов благополучия, таких как Швейцария, Швеция, Австралия, Норвегия, Финляндия, Новая Зеландия, Дания. Согласно аналитическому порталу Гуманитарные технологии, по *глобальному индексу миролюбия* (*Global Peace Index*) Канада занимает 8 позицию. *Индекс миролюбия* — это комплексный показатель, который характеризует миролюбие стран мира, измеряя уровень насилия внутри

государства и уровень агрессивности его внешней политики. По данным *индекса позитивного мира* (Positive Peace Index) в 2017 году Канада оказалась на 12 месте среди 39 стран с пометкой «very high». Главными единицами измерения стали благоприятный деловой климат, свободный поток информации, высокий уровень человеческого капитала, признание прав других. *Индекс восприятия коррупции* (The Corruption Perceptions Index) — глобальное исследование по показателю распространенности коррупции в государственном секторе. Рассчитывается по методике неправительственной организации Transparency International. По данным на 2016 год Канаде отведено 9 место. Во *Всемирном докладе о счастье* (World Happiness Report) страна занимает 7 строчку за 2014—2016 года. Это доклад стал первым глобальным исследованием оценки счастья в мире. Анализ статистических баз данных международных рейтинговых агентств показал, что Канада занимает прочные высокие позиции в ключевых международных рейтингах, стабильно входит в список стран топ-10 с наиболее высокими показателями уровня и качества жизни, и развития государства, в связи с чем Канада — одна из самых благоприятных и гостеприимных стран для иммиграции, она предоставляет равную возможность каждому достигнуть высоких стандартов жизни и благосостояния.

В КУЛЬТУРНОМ РАЗНООБРАЗИИ — НАША СИЛА

21—22 мая отмечается Всемирный день культурного разнообразия. Этот день предоставляет возможность глубже осознать ценности культурного плюрализма и научиться развивать сотрудничество между народами мира. Культурное разнообразие является символом свободы духа и творческой силы человека, источником *разнообразия идей, мнений и верований*. Разнообразие культур является всемирным наследием, которое открывает огромные возможности для человечества. Культурное наследие представляет собой неисчерпаемый источник обновления и динамичного развития, это своего рода двигатель инноваций, приглашение к диалогу, к познанию друг друга и сотрудничеству [www.un.org]. Премьер-министр Канады регулярно подчеркивает в своих публичных выступлениях *многокультурное многообразие страны, делает акцент на непохожести и исключительности страны*, а также выделяет многоликость в качестве ее сильной стороны. Так, в своем первом официальном обращении на Генеральной Ассамблее ООН он утверждает, что такое этнокультурное многообразие является однозначным преимуществом страны: «In Canada we see **diversity as a strength, not a weakness**» (United Nations General Assembly, Justin Trudeau, September 20, 2016). Премьер-министр всегда подчеркивает важность этнокультурного разнообразия в своих выступлениях. Так, в своем рождественском обращении от 24 декабря 2017 года к жителям Канады читаем: In 2017, people across Canada gave us much reason to be proud, and showed us **the strength in our diversity**. 21 сентября 2017 года в Нью-Йорке завершилась 72-я сессия Генеральной ассамблеи ООН, на которой Дж. Трюдо в очередной раз отметил diversity has become our **great strength** «разнообразие превратилось в нашу сильнейшую сторону» [http://pm.gc.ca].

Неоднократное использование существительного *diversity* «разнообразие» подчеркивает особое отношение главы государства и общества к данному фено-

мену канадской действительности. Более того, из высказываний становится понятно, что многокультурное общество представляет собой явное преимущество канадской нации: *diversity as a strength, not a weakness* «разнообразие — наша сила, а не слабость»; *the strength in our diversity* «наша сила в нашем разнообразии», *diversity has become our great strength* «разнообразие превратилось в нашу великую силу». В первом случае (*diversity as a strength, not a weakness* «разнообразие — наша сила, а не слабость») смысловая нагрузка строится на противопоставлении «силы» и «слабости», то есть убеждение строится от противоположного. Во втором случае «сила» (*the strength in our diversity* «наша сила в разнообразии») выдвигается на первый план, выполняет функцию подлежащего, в связи с чем приобретает интонационное ударение. В третьем примере (*diversity has become our great strength* «разнообразие превратилось в нашу великую силу») появляется эмотивное прилагательное (*great* «великий»), которое усиливает сему интенсивности. Эмотивные прилагательные увеличивают производимый эффект. Предложению не требуется сравнительных конструкций, прослеживается уверенность, которая не требует доказательств. Перфектное настоящее время (*has become*) свидетельствует о том, что культурное разнообразие уже стало великим национальным достоянием.

Глобализационные процессы в современном мире затрагивают различные сферы нашей жизни, в результате «происходит не только стирание различий, но и их усиление. Глобализация дает импульс как процессам унификации, так и процессам диверсификации. Она одновременно способствует и культурной стандартизации („макдональдизации“), и увеличению культурного разнообразия» [Малахов 2014: 65]. Тенденция к форсированию различий отмечена во многих официальных документах Канады. Ярким примером служит официальное обращение премьер-министра Канады к аудитории страны, сделанного первого июля 2017 года в честь Дня Канады. Премьер-министр в нем выступает от имени высших властных институтов:

In the 150 years since, we have continued to grow and define ourselves as a country. We fought valiantly in two world wars, built the infrastructure that would connect us, and enshrined our dearest values — equality, diversity, freedom of the individual... shaped Canada into the extraordinary country it is today — prosperous, generous, and proud.

Употребляя личные местоимения первого лица множественного числа *we* «мы», личное местоимение в косвенном падеже *us* «нас», притяжательное местоимение *our* «наш», возвратное местоимение *ourselves* «себя», премьер-министр подчеркивает особую доверительную интонацию, указывает на универсальность восприятия понятия «нация» как единого целого, означает тот факт, что он идентифицирует и отождествляет себя с канадской нацией.

Включение политического субъекта в высказывание является свидетельством парадигмы «мы-инклюзивное». Такие маркеры становятся компонентами семантической оппозиции политической коммуникации «we» — «they» («мы» — «они», то есть «свои» — «чужие»). Внутри такой оппозиции первый компонент осмысливается как положительный, а второй — как отрицательный, представля-

ющий угрозу. Дж. Трюдо выдвигает на первый план такие почитаемые ценности канадской нации, как *равенство, разнообразие, свободу каждого* («*equality, diversity, freedom of the individual*»), которые, несомненно, создают *уникальный* образ страны. В глазах мировой публики Канада наделяется такими эпитетами, как *процветающая, бескорыстная, гордая* («*prosperous, generous, and proud*»). За счет культурно-плюралистических качеств канадскому государству удается увеличить свою привлекательность на международной арене. Культурный плюрализм превратился в неотъемлемую черту канадского общества, характеризующийся стабильным динамическим сосуществованием разнообразных народов, культур, религий. Стержень канадской истории составляют *обычные* люди, создающие *уникальные* вещи. *Исключительность и универсальность* развития Канады во фрагменте, представленном ниже, исходит из оппозиции «обычные люди — необычные вещи». То есть в результате аккомодации англоязычного, франкоязычного, аборигенного населения, к которым присоединились иммигранты со всех концов света, были созданы условия формирования многообразия инноваций и идей, представляющее сегодня главное преимущество и источник постоянно творчества. Теория «смешанной нации» стала доминирующей и уникальной:

At the heart of Canada's story are millions of ordinary people doing extraordinary things.... *Ours* is a land of Indigenous Peoples, settlers, and newcomers, and *our* diversity has always been at the core of *our* success... *We* express ourselves in French, English, and hundreds of other languages, *we* practice many faiths, *we* experience life through different cultures, and yet *we* are one country. Today, as has been the case for centuries, *we* are strong not in spite of *our* differences, but because of them.

Теперь *культурный плюрализм* соотносится с успехом канадской нации, является фундаментом, основанном на языковом, культурном, религиозном разнообразии *our diversity has always been at the core of our success* «*наше разнообразие всегда было ядром нашего успеха*». Именно *этнокультурное многообразие* позволило нации и государству стать сильными на современном этапе международных отношений, не вопреки различиям, а благодаря им *we are strong not in spite of our differences, but because of them* «*мы — сильные не из-за наших различий, а благодаря им*». Особая экспрессивность прослеживается в данном выступлении. Снова премьер-министр апеллирует местоимениями 1-го лица множественного числа *we* «*мы*», его притяжательными формами *our, ours* «*наш*» как средствами интимизации изложения, которые служат для объединения точек зрения говорящего и слушающего, в связи с чем обладают значительным воздействующим потенциалом. Особенно важной частью высказывания является смысловой отрезок, насыщенный эмоционально, ключевой оппозицией которой выступает движение через многообразие к единству: «*we express ourselves in French, English, and hundreds of other languages, we practice many faiths, we experience life through different cultures, and yet we are one country*» («*мы общаемся на французском, английском, и используем сотни других языков, мы практикуем различные конфессии, мы ведем образ жизни через взаимодействие различных культур, и все же мы являемся представителями одной страны*»).

Понятия «плюрализм», «этнокультурное многообразие» имело в гуманитарной мысли скорее негативную коннотацию, нежели позитивный смысл, до недавнего времени. Реальные процессы в мировой политике породили такое явление, как мультикультурализм — особую практику и политику бесконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп [Дианова 2003: 102—103]. Канадский профессор философии и политических наук Чарльз Тейлор исходит из того, что «Запад, доминирующий ныне в мире, должен признать „культурное разнообразие“ как в рамках своей цивилизации, так и за ее пределами. „Культурное разнообразие“ существует в каждом обществе, где имеются различные группы меньшинств... Они являются носителями собственной культурной идентичности, отличающейся от идентичности „мейнстрима“» [Taylor 1994: 25—73]. Сохранение культурного многообразия — одна из приоритетных задач канадского государства. Сбалансированная государственная политика и интеграция в глобальную систему международных отношений определяет контуры национальной безопасности государства, отвечает условиям отстаивания национальных интересов на поле геополитической конкуренции.

РОССИЙСКО-КАНАДСКИЙ ДИАЛОГ И СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ

Канадцы — доброжелательные, вежливые, неконфликтные, спокойные представители своей нации, пассивные по природе, не любят суету и беспокойство, предпочитают оставлять свое мнение при себе, более сдержаны, чем их соседи — американцы. В деловой среде канадцы проявляют себя как глубокие индивидуалисты, но они всегда открыты и готовы к сотрудничеству, поиску разумных компромиссов в вопросах мировой политики и дипломатии. Примером взвешенных политических решений явилось желание Канады налаживать потерянные контакты с Россией. Диалог между Россией и Канадой существовал в годы холодной войны. Однако из-за политики прежнего правительства Стивена Харпера двустороннее сотрудничество двух стран было приостановлено: в результате введенных санкций против российских физических и юридических лиц, а также ввиду прекращения сотрудничества в рамках межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам.

В течение нескольких лет Россия и Канада являются активными членами Арктического совета в рамках «полярной пятерки» (Дания, Канада, Норвегия, Россия и США). Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011 года стала прочной основой взаимоотношений и взаимодействий для Канады, России и ряда других северных стран-участниц. Важным шагом на пути возобновления двусторонних контактов стало проведение конференции *Canada-Russia dialogue and cooperation in the Arctic* («Российско-канадский диалог и сотрудничество в Арктике»), организованная Посольством России в Канаде и канадским МИД, которая прошла 24 ноября 2016 года. Арктическая тематика представляет особый интерес для обеих стран, которым принадлежит 75% северных территорий.

Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров дал свою оценку российско-канадским отношениям:

«Отношения России и Канады очень хорошие и давние. У нас общие задачи и совпадающие интересы в том, что касается освоения Арктики и сотрудничества в северных широтах в целом, а также опыт практического сотрудничества в экономике, торговле и ряде других областей. Периодически в наших отношениях были взлеты и падения. Но в итоге каждый раз *здоровый смысл* брал верх».

Следуя «здоровому смыслу», Канада ставит экономические выгоды от сотрудничества с Россией превыше интересов других внешних игроков, включая США. Положительную оценку двусторонним отношениям России и Канады дал генеральный директор канадского МИДа, старшее должностное лицо Арктического совета Элисон Леклер:

“Canada and Russia have interests in the Arctic, including *shared interests*, hence the importance of *engaging in interstate dialogue*. *Arctic dialogue is crucial* for both countries. It is complicated, yet interesting, and despite differences on some issues, communication channels between Russia and Canada should remain *open*”.

Элисон Леклер подчеркнула важность ведения двустороннего диалога (*arctic dialogue is crucial for both countries* «арктический диалог — *ключевой* вопрос для обеих стран»), несмотря на сохранение разных позиций по некоторым отдельным вопросам, она выразила полную готовность к продолжению *открытого диалога* (*communication channels between Russia and Canada should remain open* «коммуникационные каналы связи между Россией и Канадой должны остаться *открытыми*»).

В Канаде растет понимание того, что наличие общих совпадающих интересов (*shared interests*) с Россией и ведение активного межправительственного диалога (*interstate dialogue*) приведет стороны к взаимовыгодному сотрудничеству, положит начало строительству межгосударственных отношений нового типа. Арктическая повестка дня является высокоперспективной для восстановления сотрудничества, она изменит риторику в адрес России. Сквозная тема Арктики выбрана как сфера возможного взаимодействия и определена в официальных документах обеих стран: в Белой книге по обороне Канады и в Концепции внешней политики РФ. В Концепции говорится: «Российская Федерация открыта к выстраиванию отношений с Канадой на основе взаимного уважения интересов и накопленного опыта сотрудничества, в том числе в Арктике». Немаловажную роль в преодолении кризиса в российско-канадских отношениях может сыграть активизация двусторонних научных и экспертных контактов, а также дальнейшее развитие относительно успешно развивающегося культурного сотрудничества. Активные межправительственные связи, постоянные контакты заинтересованных ведомств и министерств позволят переломить негативную тенденцию развития двусторонних отношений между Россией и Канадой, помогут создать, в конечном итоге, необходимые предпосылки для создания прочного взаимного доверия межгосударственных отношений на политическом уровне. Взвешенные политические решения новой канадской власти помогут канадскому государству стать залогом высокой международной репутации в контексте международных отношений.

ПРЕЗИДЕНТСТВО КАНАДЫ В G7

Роль и место Канады на мировой арене постоянно трансформируется в сторону усиления ее влияния. Канада принимает участие в решении крупных мирополитических, глобально-экономических и международных гуманитарных проблем. Новое руководство Канады следует *принципу усиления влияния и делает ставку на повышение международного имиджа, углублению понимания и укреплению политического доверия данного государства*. Как известно, в 2018 году Канада проведет саммит Большой семерки в городе Мальбе (регион Шарлевуа, провинция Квебек). Говоря о предстоящем саммите и президентстве Канады, премьер-министр Дж. Трюдо поделился гордостью за свою страну, которая обладает не только великолепной природой, но также насыщена уникальной самобытностью — двуязычие и культурное многообразие:

Canada is proud to host the 2018 G7 summit in Charlevoix. This vibrant region captures everything that our country is about — *from bilingualism, to cultural diversity, to stunning scenery in every season*. I look forward to welcoming my counterparts next year in beautiful Charlevoix. I'm sure they will fall in love with the region, just as Canadians have done for generations. («Канада горда тем, что проведет саммит G7 2018 года в Шарлевуа. Этот динамично развивающийся регион отражает все, чем богата наша страна — *от двуязычия и культурного разнообразия, до потрясающих пейзажей в любое время года*. Я жду с нетерпением приезда наших партнеров в красивый регион Шарлевуа. Я уверен, что они влюбятся в этот регион навсегда, как это сделали канадцы»).

Как известно, G7 («Большая семерка» или «Группа семи») представляет собой объединение семи ведущих экономически развитых стран, в которые входит США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия и Канада. Истоки встреч такого формата были заложены в начале 1970-х годов в связи с первым финансовым кризисом и финансовой нестабильностью, так как страны ОПЕК решили наложить эмбарго на поставки нефти в западные страны.

Встречи на высшем уровне группы проходят каждый год поочередно в странах-партнерах, а страна, проводящая саммит, выступает в течение календарного года в качестве председателя и определяет повестку встречи. Несмотря на то, что принимаемые на саммите решения носят неофициальный статус, его участники выпускают совместное заявление по итогам каждого мероприятия. Канада определила приоритеты своего годовичного председательства: инвестиции в повышение благосостояния для всех; подготовка к работам будущего; продвижение гендерного равенства и увеличение роли женщин; сотрудничество по изменениям климата, океанов и чистой энергии; построение более мирного и безопасного мира. Целесообразным представляется подчеркнуть намерения канадского руководства об интеграции Канады в мировые отношения. Отдельного внимания в данном вопросе заслуживает особенное лексическое сочетание *diversity and inclusion* «разнообразие и включенность», которое часто фиксируется в политическом дискурсе канадского государства:

Next year's summit will allow Canada to showcase both its domestic and international priorities: to strengthen the middle class, advance gender equity, fight climate change, and promote respect for *diversity and inclusion*.

Дж. Трюдо верно отмечает значение этнического, культурного и религиозного разнообразия общества и его включенности в мировую политику. В политической речи бывшего министра иностранных дел Стефана Диона прозвучал лозунг *diversity is a fact; inclusion is a choice* («разнообразие — факт; включенность — дело выбора»), в котором подчеркивается, что разнообразие (культурное, языковое, религиозное) воспринимается как данность, как научный факт, не требующий комментариев или доказательств, а понятие о включенности или вовлеченности (в международные процессы) — это свободный выбор каждого отдельного государства. Новый политический лидер Канады Дж. Трюдо провозгласил заботу об улучшении международного авторитета страны одной из приоритетных задач, что подтверждается его публичными заявлениями:

“We need to focus on what brings us together, not what divides us... For Canada that means reengaging in global affairs. After acknowledging Canada’s relatively limited role on the world stage”.

В своем обращении он призывает сосредоточить все силы и внимание на том, что объединяет нацию, а не разделяет ее. Он открыто признает в своем заявлении, что роль Канады на международной арене сегодня относительно ограничена, что несколько не умаляет ее авторитет. В связи с чем он призывает объединить свои силы для того, чтобы вернуть Канаде утраченные позиции в области международных отношений.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАНАДЫ И ООН

«Существующая международная система напоминает многоступенчатую пирамиду, на вершине которой находится Организация Объединенных Наций» [Орлов 2012: 92]. ООН является центром регулирования международных отношений и координации мировой политики. Как известно, в рамках ООН принимаются важные глобальные вопросы: вопросы мира и безопасности, развития, ликвидация бедности и инфекционных заболеваний, разоружение, обеспечение прав человека и защита окружающей среды. Организация универсальна по членскому составу и всеобъемлющая по объему компетенций. Как говорилось ранее, руководство Канады стремится вернуть стране представительный образ на мировой арене и сделать его более эффективным. Для реализации такого амбициозного намерения ключевые политические фигуры в своих политических выступлениях регулярно делают акцент на включенности Канады в систему международных отношений, подчеркивают ее вовлеченность в решении глобальных вопросов.

Известно, что интеграция — это сложное, многоплановое, неоднозначное явление. Интеграционный процесс подразумевает сближение государств, что фиксируется в международных договорах, и представляет собой межгосударственный процесс в отличие от глобализации. Другими словами, интегрируются негосударственные акторы, отдельные люди вместе с государством.

Складывается впечатление, что руководство страны делает ставку на объединение всех своих ресурсов для достижения своей цели — быть причастной к мировой политике. Политическая элита страны понимает, что в современных

условиях изоляционизм определенно негативно сказывается на имидже страны и эффективности функционирования государства. Как заявил глава правительства Канады по итогам саммита Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Маниле, Канада будет активно участвовать в миротворческих операциях ООН в полном соответствии с принципами и ожиданиями Всемирной Организации. Так, премьер-министр Дж. Трюдо прокомментировал будущее участие страны в одной из миротворческих миссий. Министр иностранных дел Канады Христя Фриланд по случаю дня ООН пообещала в дальнейшем принимать плодотворное участие в многосторонних организациях ООН:

“We will robustly support the rules-based international order, and all its institutions, and seek ways to strengthen and improve it. We will strongly support the multilateral forums where such discussions are held — including the G7, the G20, the OAS, APEC, the WTO, the Commonwealth and La Francophonie, the Arctic Council, and of course NATO and the UN” [www.pm.gc.ca].

Министр пообещала от лица всей канадской нации продолжать работать в многосторонней системе, в рамках ООН и других организаций с целью достижения стабильных результатов. Министр подчеркнула, что, несмотря на свой почтенный возраст, ООН остается «сердцем многосторонней системы, созданной для поддержания мира и достижения процветания на планете». Следует отметить, что в конце 2017 года по данным журнала TorontoLife Х. Фриланд была признана самой влиятельной персоной года за ее вклад в продвижении имиджа Канады на международной арене [www.torontolife.com 24.11.2017].

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАНАДЫ

Канада — мировой лидер в области технологий и научных исследований, связанных с экологией. Канада является одной из немногих стран, достигших значительного прогресса в защите окружающей среды. Экологическое законодательство и институты в Канаде прошли долгую эволюцию от разрозненных уставов до многоуровневой системы законов, обеспечивающей охрану природных ресурсов. Федеральное законодательство включает различные уставы в области экологической экспертизы. Эффективное и рациональное использование природных ресурсов позволило Канаде достигнуть высокого уровня жизни населения и поддерживать конкурентоспособную экономику. Строгие экологические стандарты получили широкое распространение. В крупных компаниях внедряется Кодекс экологического поведения. Существует ряд общеизвестных экологических неправительственных организаций, такие как *Канадская сеть защитников окружающей среды*, *Канадский фонд охраны окружающей среды*, *Канадское общество в защиту парков и дикой природы* и многие другие.

Особое законодательство по охране окружающей среды, государственные органы управления природопользованием стали формироваться со второй половины XX века. Среди наиболее важных законов можно отметить федеральные акты «О рыболовстве», «Об охране окружающей среды Канады», «О чистом воздухе», «Об экологической экспертизе», «О транспортировке опасных продуктов

и материалов», «О предотвращении загрязнения арктических вод», «О безопасности автомобильного транспорта», «О национальных парках», «Об охране дикой природы», «О водных ресурсах» и другие. В результате эффективной работы межправительственного сотрудничества был образован *Канадский Совет министров окружающей среды (Canadian Council of Ministers of the Environment (CCME))*.

Раскрывая особенности экологической политики Канады, следует выделить помимо законодательных актов также деятельность экологических объединений, многочисленные программы и проекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование имиджа страны — глобальная задача, включающая множество разнообразных направлений и аспектов. Ключевым шагом в создании позитивного образа страны является формирование соответствующей атмосферы внутри страны; проведение информационно-образовательных программ среди граждан. Реализация задач по созданию положительного образа страны должна способствовать консолидации общества внутри страны, чему способствуют агитационно-политические лозунги типа: «разнообразие — наша сила, а не слабость», «наша сила в нашем разнообразии», «разнообразии — наша великая сила». Именно создание и продвижение имиджа страны является необходимым условием повышения уровня социального самочувствия общества, от мнения которого в конечном счете зависят и позитивное мироощущение людей, и положительный образ страны на международной арене. Премьер-министр Канады, министр иностранных дел Канады являются хорошими ораторами, яркими представителями политического дискурса. Они эффективно воздействуют на аудиторию, создавая и продвигая положительный имидж страны при помощи релевантных языковых средств.

Бесспорно, соседство с самой могущественной экономической державой современного мира США заставляет канадцев чувствовать себя на острие экономического прогресса, но, с другой стороны, оно же и подталкивает Канаду проявлять изобретательность в создании собственного, уникального пути развития, а именно двигаться по своему «канадскому пути», руководствоваться принципами этнокультурного разнообразия, гендерного равноправия, интеграции Канады в дела международной значимости. В высказываниях первого лица государства всегда используются местоимения 1-го лица множественного числа с целью объединения идентичности говорящего с аудиторией, что позволяет создавать ауру доверия у представителей канадской нации. Тем не менее, у Канады остается ряд проблем: высокая торгово-экономическая и военно-политическая зависимость от США; проблемы франкоязычной провинции Квебек, которая требует «особого статуса», закрепленного в конституции; неурегулированным остается вопрос с коренными народами (First nations), связанный с несоблюдением их территориальных, социально-экономических и политических прав. Однако новое руководство заняло твердую позицию отстаивания внутренних интересов и уверенно идет по выбранному пути.

© Устинова О.В.

Дата поступления: 20. 01.2018

Дата приема в печать: 30.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Corruption Perceptions Index. https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index/.
2. Global Peace index 2017 / Measuring peace in a complex world. Institute for economics and peace. 2017. <http://visionofhumanity.org/indexes/global-peace-index/>.
3. *Harris M.* Party of One / Stephan Harper and Canada's radical makeover with a new afterword. Penguin random house, 2015.
4. *Hartz L.* The Founding of new societies: studies in the history of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia. New York: Harcourt, Brace and World, 1964.
5. *Helliwell J., Layard R., Sachs J.* World happiness report 2017/ Canadian institute for advanced research and Vancouver school of economics. University of British Columbia, 2017. <http://worldhappiness.report/ed/2017/>
6. Positive Peace Index <http://visionofhumanity.org/indexes/positive-peace-index/> (дата обращения 20.12.2017).
7. *Schwartz D.* How Canada is perceived around the world? / Canadian studies teachers and researchers comment on Canada. CBC News, 2015. <http://www.cbc.ca/news/canada/how-canada-is-perceived-around-the-world-1.3132343> (дата обращения 20.12.2017).
8. *Schwartz D.* How the world sees Canada: knowledgeable people give their views / CBC News, 2012. <http://www.cbc.ca/news/canada/how-the-world-sees-canada-1.1130322> (дата обращения 20.12.2017).
9. The Arctic. <http://arctic.ru> (дата обращения 20.12.2017).
10. *Trudeau J.* Prime minister of Canada. <https://pm.gc.ca/eng/news/2017/07/01/statement-prime-minister-canada-day> (дата обращения 20.12.2017).
11. *Trudeau J.* We're Canada and we're here to help /Justin Trudeau's Message to UN / The New York Times. <https://www.nytimes.com> from 2016/09/21.
12. *Анохин М.Г., Бочанов М.А., Ваховский А.М., Гришин О.Е., Давыдов В.Н., Глебов В.А. и др.* Политика. XXI век. Инновационные технологии. М.: РУДН, 2013.
13. *Асмолов А.Г.* Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения (материалы исследований и научно-практической конференции) // Независимый институт коммуникативистики. Москва, 2002.
14. *Базылев В.Н.* К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России. Вып. 2. М., 1998.
15. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
16. *Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А.* Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004.
17. *Вайнер Э.* Чему мы можем поучиться у канадцев // Русская служба новостей BBC. 2015. http://www.bbc.com/russian/society/2015/03/150323_vert_tra_can_canada_teach_us_to_be_nicer (дата обращения 20.12.2017).
18. *Галунов Э.А.* Международный имидж России: стратегии формирования. М.: Известия, 2003.
19. *Герасименко Н.А.* Информация и фасцинация в политическом дискурсе. Политический дискурс в России. Вып. 2. М., 1998.
20. *Герасимов В.И., Ильин М.В.* Политический дискурс-анализ // Политическая наука. 2002. № 3. С. 68—75.
21. *Гринев И.В.* Роль национальной российской культуры в формировании международного имиджа страны: дисс. ... канд. философ. наук: Государственный ун-т управления. Москва, 2009.
22. *Дейк Т.А. ван.* Язык. Понимание. Коммуникация. М., 1989.

23. *Денисов П.Н.* Язык русской общественной мысли конца XIX — первой четверти XX в. М., 1998.
24. *Дианова В.М.* Культурный плюрализм в условиях глобализации // Россия и Грузия: диалог и родство культур. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 93—103.
25. *Клюев Ю.В.* Гипотезы публичного политического дискурса // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2010. Вып. 2 С. 196—203.
26. *Кубрякова Е.С.* К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 5—11.
27. *Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014.
28. *Малыгин А.В.* Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста / отв. ред. Малыгин А.В. // Материалы VII Конвента РАМИ. МГИМО, М., 2012.
29. *Мартынова Л.Г.* Современный имидж России: проблемы и перспективы: дисс. ... канд. полит. наук: Рос. Академия нар. хоз. и гос. службы при Президенте РФ. М., 2011.
30. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2008.
31. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
32. *Маслова В.А.* Политический дискурс: языковые игры или игра в слова? // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1 (24). 2008. С. 43—48.
33. *Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г.* и др. Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет, 2007.
34. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума / Под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
35. *Орлова О.Г.* Дискурсивная теория стереотипа: дисс. ... д. филол. наук. Кемерово, 2013.
36. *Паршин П.Б.* Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. Ежегодник 1986. М., 1986. С. 398—425.
37. *Петров В.В.* Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания, 1988. № 2.
38. *Прохоров А.В.* Специфика лингвистического моделирования имиджа // Вестник ТГУ серии Гуманитарные науки. 2013. 125 (9). С. 254—257.
39. *Сенцов А.Э.* Концепт будущего в программах правящих политических партий: сопоставительный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). Ч. I. С. 167—169.
40. *Соколов Е.А., Буланкина Н.Е.* Проблемы поликультур и полиязычий в гуманитарном образовании. М.: Логос, 2008. С. 42—57.
41. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сб.статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35—73.
42. *Тейлор Ч.* Политика признания // Мультикультурализм и политика признания. Taylor Ch. The politics of recognition // Multiculturalism. Examining the politics of recognition/ ed by Gutman A. Prinston (N.J.), 1994. pp. 25—73.
43. *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009. С. 197—198.
44. *Устинова О.В.* Отражение языковой картины мира в лексической системе канадских вариантов французского и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук: Российский унив-т дружбы народов. М., 2016.
45. *Черкасов А.И.* Межэтнические отношения в многонациональной стране: канадский опыт. Часть 3: Канадская мозаика и Россия в прошлом и настоящем. Материалы Вторых канадских чтений 18 апреля 2002 года: «Канадский опыт и Россия». Санкт-Петербург, 2002.
46. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2008.
47. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Волгоград: Перемена. 2000.

УДК: 316.77:81'42:32(71)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-136-157

THE REPRESENTATION OF CANADA IN POLITICAL DISCOURSE

Olga V. Ustinova

RUDN University

6, Miklukho-Maklaia str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The primary purpose of this article is to examine the Canadian image in political discourse, to identify the factors creating this image. Due to the most relevant political speeches, messages, government reports, analysis of statistical data there are being worked out some tools for building the image of Canada on the world stage. Lately, political discourse is becoming a subject of study for linguistics. The interest in the phenomenon is motivated by a wide range of linguistic instruments used as an effective tool to manage the public perceptions. Study and analysis of the mechanisms of political communication allow to decode pragmatic information hidden in the political texts. The subject of the work consists in highlighting the linguistic approaches to the representation of Canada in the international diplomacy. The object of the work is an examination of political discourse in the public statements made by political figures, government documents, which reflect social and political realities. The methodology has developed under the influence of cognitive linguistics of domestic and foreign scientists. Research study includes cognitive and conceptual analysis to reveal distinctive features of the social and political realities; interpretive and context analysis to select political texts. It exposes the ways of representation of Canadian image, demonstrates its weak and strong sides. A vast factual material reveals multi-faced nature of Canada and provides an identity set of lexical units which are reflected in political discourse. The material illustrates today's image of the country and the perceptions of Canada throughout the world. The idea of multiculturalism is justified by the guiding ideology of ethno-cultural plurality. The main sources of information are official government documents (laws, acts, reports), statistical data, parliamentary debates, party agenda, political speeches. All the provided material combined mass-media information, the Internet.

Keywords: political discourse; cognitive analysis; Canadian image; ethno-cultural diversity; cultural pluralism; national identity, multiculturalism, cultural mosaic

REFERENCES

1. Corruption Perceptions Index. https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index/.
2. Global Peace index 2017. <http://visionofhumanity.org/indexes/global-peace-index/> (accessed: 20.12.2017).
3. Harris, M. (2015). *Party of One. Stephan Harper and Canada's radical makeover with a new afterword.* Penguin random house.
4. Hartz, L. (1964). *The Founding of new societies: studies in the history of the United States, latin America, South Africa, Canada, and Australia.* New York: Harcourt, Brace and World.
5. Helliwell, J., Layard, R., & Sachs, J. (2017). *World happiness report 2017.* Canadian institute for advanced research and Vancouver school of economics, University of British Columbia. <http://worldhappiness.report/ed/2017/>.
6. Positive Peace Index <http://visionofhumanity.org/indexes/positive-peace-index/> (accessed: 20.12.2017).
7. Schwartz, D. (2015). *How Canada is perceived around the world?* Canadian studies teachers and researchers comment on Canada. CBC News. <http://www.cbc.ca/news/canada/how-canada-is-perceived-around-the-world-1.3132343> (accessed: 20.12.2017).

8. Schwartz, D. (2012). How the world sees Canada: knowledgeable people give their views. CBC News. <http://www.cbc.ca/news/canada/how-the-world-sees-canada-1.1130322> (accessed: 20.12.2017).
9. Trudeau, J. (2017). Statement by the Prime Minister on Canada day. <https://pm.gc.ca/eng/news/2017/07/01/statement-prime-minister-canada-day> (accessed: 20.12.2017).
10. Trudeau, J. (2016). We're Canada and we're here to help. Justin Trudeau's Message to UN. The New York Times. <https://www.nytimes.com> (accessed: 20.12.2017).
11. Anohin, M.G., Bochanov, M.A., Vahovskiy, A.M., Grishin, O.E., Davidov, V.N., & Glebov, V.A. (2013). Politics in XXI century. Innovative technologies. Moscow. (In Russ).
12. Asmolov, A.G. (2002). Russian media in multicultural society: tolerance and multiculturalism as guidelines for professional behavior (published studies and scientific conference). Independent Institute of Communication. Moscow. (In Russ).
13. Basilev, V.N. (1998). Study of political discourse in Russia. Edition 2. Moscow. (In Russ).
14. Baranov, A.N. (2001). Introduction in applied linguistics. Moscow. (In Russ).
15. Baranov, A.N., Mihailova, O.V., Satarov, G.A., & Shipova, E.A. (2004). Political discourse: methods of analysis of thematic structure and metaphors. Moscow: INDEM Fund. (In Russ).
16. Widener, E. (2015). What can we learn from the Canadians? The Russian News Service BBC. (In Russ).
17. URL: http://www.bbc.com/russian/society/2015/03/150323_vert_tra_can_canada_teach_us_to_be_nicer.
18. Galumov, E.A. (2003). *The image of Russia in the world: building strategies*. Moscow: Izvestia. (In Russ).
19. Gerasimenko, N.A. (1998). Information and fascination in political discourse. *Political discourse in Russia*. Edition 2. Moscow. (In Russ).
20. Gerasimov, V.I. & Ilin, M.V. (2002). Political discourse-analysis. *Political science*, 3, 68—75. (In Russ).
21. Dyke, V. (1989). Language. Understanding. Communication. Moscow. (In Russ).
22. Denisov, P.N. (1998). Public opinion in Russian language in the end of XIX — the first quarter of XX centuries. Moscow. (In Russ).
23. Dianova, V.M. (2003). Cultural plurality in the context of globalization. Russia and Georgia: dialogue and common culture. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg philosophical society. pp. 93—103. (In Russ).
24. Kluev, Y.V. (2010). Hypothesis of public political discourse, *Saint-Petersburg Vestnik*, 9(2), 196—203. (In Russ).
25. Kubriakova, E.S. (2008). To the definition of the image. Issues in cognitive linguistics. № 1. pp. 5—11. (In Russ).
26. Malahov, V. (2014). Cultural differences and political borders in a time of global migration. Moscow: New literary review; Institute of Philosophy RAN. (In Russ).
27. Maligin, A.V. (2012). Resources of modernization: possibilities and limits of international context: materials of the VII Convention RAMI. Moscow: MGIMO. (In Russ).
28. Martinova, L.G. (2011). Modern Russian image: problems and prospects [dissertation]. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (In Russ).
29. Maslova, V.A. (2008). Cognitive linguistics: a textbook. Minsk: TetraSystems. (In Russ).
30. Maslova, V.A. (2001). Linguocultural studies: a textbook for students. Moscow: Publishing house ACADEMIA. (In Russ).
31. Maslova, V.A. (2008). Political discourse: language games or wordplay? *Political linguistics*, 1(24), 43—48. (In Russ).
32. Melville, A.Y., Ilyin, M.V., Meleshkina, E.Y. & Mironyk, M.G. (2007). *Political atlas of modern times*. Multidimensional statistical analyses of political systems of modern nations. Moscow: MGIMO-University. (In Russ).

33. Minskiy, M. (1979). *Frames for knowledge presentation*. Moscow: Energy.
34. Orlova, O.G. (2013). *Discursive theory of stereotypes [dissertation]*. Kemerovo. (In Russ).
35. Parshin, P.B. (1986). *Linguistic methods in conceptual reconstruction*. Systems research. The annual review 1986. Moscow. pp. 398—425. (In Russ).
36. Petrov, V.V. (1988). *Language and logical theory: in search of a new paradigm*. Linguistic matters. № 2. Moscow. (In Russ).
37. Prohorov, A.V. (2013). Specific nature of the linguistic modeling. *Vestnik of Tomsk State University. Human sciences*, 125(9). 254—257. (In Russ).
38. Sencov, A.E. (2012). *Concept of future in agenda of ruling parties: comparative aspect*. Theory and practice. № 6 (20). Part I. pp. 167—169. (In Russ).
39. Sokolov, E.A., & Bulankina, N.E. (2008). *Problems of policultures and polilanguages in education in the humanities*. Moscow: Logos. pp. 42—57. (In Russ).
40. Stepanov, Y.S. (1995). *Alternative world, discourse, fact and principle of causality*. Language and science in the end of XX century: a collection of essays. Moscow: Russian state university for the humanities (RSUH). pp. 35—37. (In Russ).
41. Taylor, Ch. (1994). *Multiculturalism. Examining the politics of recognition*. Princeton (N.J.). pp. 25—73.
42. Ticher, S., Meyer, M., Vodak, R., & Vetter, E. (2009). *Analysis methods of text and discourse*. Harkov. pp. 197—198. (In Russ).
43. Ustinova, O.V. (2016). *The reflect of linguistic world view in the lexicology of Canadian French and Canadian English [dissertation]*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ).
44. Cherkasov, A.I. (2002). *Inter-ethnic relations in a multicultural country: Canadian experience. Part III. Canadian mosaic and Russia in past and today*. Saint-Petersburg. (In Russ).
45. Chudinov, A.P. (2008). *Political linguistics: a textbook*. Moscow: FLINTA.
46. Sheigul, E.I. (2000). *Semiology of political discourse*. Moscow: Volgograd: Peremena.

Для цитирования:

Устинова О.В. Особенности репрезентации образа Канады в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 136—157. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-136-157.

For citation:

Ustinova O.V. The representation of Canada in political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 136—157. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-136-157.

Сведения об авторе:

Ольга Вадимовна Устинова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН. *Сфера научных интересов*: теория и практика межкультурной коммуникации, переводоведение, семиотика художественного текста, социолингвистика. *Контактная информация*: deptphilology@gmail.com.

Bio Notes:

Ustinova O.V., Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer, Assistant Professor at RUDN University. *Research interests*: theory and practice of intercultural communication, translation studies, semiotics of literary discourse, sociolinguistics. *Contact information*: deptphilology@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА. НАУКА 21.0

УДК: 82-7:81'42:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172

POLITICAL CARTOON AS A GENRE OF POLITICAL DISCOURSE

Natalia M. Dugalich

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the consideration of the modern political cartoons on foreign policy and socially-significant topics in Arabic and French. Political cartoon is a genre of political discourse that entered the scope of linguistic problems in the middle of the 20th century and is an actual problem of modern linguistics. Political discourse has such characteristics as anthropocentrism, multidisciplinary, expansionism, functionalism and explanatoriness. The genres of political discourse can be characterized as a homogeneous and creolized text; political cartoon is a creolized text that unites iconic and verbal levels and has paralinguistic characteristics.

The object of the carried out analysis is the creolized text of the modern Arabic-language and French-speaking political cartoon. The subject of the study in this work was the structural, cultural-specific and linguistic characteristics of the political cartoon text in Arabic and French. The material of the study was selected to be more than 100 cartoons on political topics in Arabic and French. An appeal to the genre presentation of political discourse and comparative analysis of political cartoons is a topical issue of linguistics in the absence of a sufficient number of scientific works touching on this topic. It should be noted that the well-known works devoted to political cartoons use material which is contemporaneous with the author of the study.

The study of political cartoon phenomenon in various linguistic cultures is a sphere of the actual multidisciplinary research as the author's creative beginning at the level of the text and drawing interacts in the political cartoon with the tradition and its genre frames, producing a volume-rich multi-layered creolized text, decoding of which requires the addressee to have the language, logical and extra-linguistic presuppositions and skills of analyzing the political cartoon.

Key words: political discourse, political cartoon, creolized text, verbal component, iconic component, the French language, the Arabic language

INTRODUCTION

A political cartoon is a universal instrument of a political dialogue between government and society, a reflection or reaction of society to a political event, a series of events or a person of the national or world level. The goals and tasks of a political cartoon, mechanism of influence over addressees and peculiarity of its genre have a common tradition and certain common components. The description of the universal and specific linguistic and extra-linguistic traits of Arab and French political cartoons is the subject of our study.

In the modern world, a political cartoon has not lost its relevance and expanded its location: along with the publication in the editorials of newspapers or in allocated pages for newspaper comics, Internet cartoons including flash animations have become widespread. In the context of globalization and inclusion of periodicals in different languages in the general media space, a political cartoon in a foreign language becomes more accessible for the reader. An important component of a cartoon publication is the translation of its text as well as the emerging problem of the adequacy and completeness of such translation.

Current political cartoons are characterized by the following set of topics: political leader as a person, political leader and his politics; economic reforms; pre-election struggle; military conflicts; shadow politics and economics; reputation of the country; domestic policy of the state.

For the correct and voluminous perception of the author's intentions in a political cartoon it is necessary to have certain presuppositions; their set represents a wide range of special linguistic, political, logical and extra-linguistic skills.

The peculiarity of a modern political cartoon as a social phenomenon is general high dynamism of publication activity of a particular publication and authors. At present, several countries have Institutes that document political cartoons, for example, the Center for the Study of Political Graphics in the USA and the British Caricature Archive. The significance of a political cartoon in the contemporary political discourse confirms the fact that the Pulitzer Prize for Editorial Caricature has been awarded since 1922 as well as the award from the news house Press Gazette "Caricatureist of the Year", which is presented in Britain.

From the point of view of the language, one of the distinguishing features of a political cartoon is the interaction of verbal, iconic and paralinguistic components within it, i.e. its creolized text.

Our study of creolized texts of political cartoons on the material of the modern Arabic and French languages included the analysis of more than 300 cartoons in the Arabic and French languages on political issues. As a research material, 60 cartoons were taken. During the selection the following political cartoons were excluded:

- on religious topics, offending the feelings of believers; mentioning names and precedent images of saints and prophets;
- discriminatory on the basis of gender, for example, degrading women or discussing sexual orientation of politicians and high-ranking officials;
- cartoons that offend the dignity of a person, for example, containing obscene words towards political leaders;
- racially discriminatory, for example, black Africans in the Arab African countries;
- from the sources with scandalous reputation.

1. POLITICAL DISCOURSE IN THE MODERN LINGUISTICS

Political discourse is an object of study of political linguistics, a scientific direction that was formed in the second half of the 20th and the beginning of the 21st century: "at the present stage of science development it becomes increasingly clear that political

linguistics, which previously was united only by the material for research (political communication, “the language of the power structure”) becomes an independent scientific direction with its own traditions and methods, with its authorities and scientific schools” [Budaev, Chudinov 2006: 19]. The terminology of this new direction is controversial, as is the very concept of “discourse”, which, according to T.V. Larina and Douglas M. Ponton “does not have an unambiguous definition and varies depending on the context in which it is used” [Ponton, Larina 2016: 7]. Thus, modern science offers two approaches to the definition of the subject of political linguistics:

1) “the subject of political linguistics is political discourse as a set of discursive practices that identify participants in political discourse as such, or form a concrete topic of political communication” [Baranov 2001: 245—246];

2) the subject of political linguistics is defined as political communication; i.e. speech activity aimed at inducing citizens to political actions of various types [Chudinov 2006: 6].

Thus, political discourse in the second approach is presented as “the totality of all speech acts used in political discussions, as well as a set of public speech rules, illuminated by tradition and proven experience” [Baranov, Kazakevich 1991: 6]. In other words it is speech activity oriented to propagation of certain ideas, emotional impact on carriers of a certain language of a certain country and their motivation for political actions for the development of their public consent, adoption and justification of socio-political solutions. It is important to note that the field of political linguistics concerns not only the transfer of political information, but also the field of perception and evaluation of political reality in the process of communicative activity [Chudinov 2006: 6].

This linguistic discipline is closely connected with sociolinguistics, social psychology, culture studies and political science, which in their turn are connected with political linguistics via the basis, methods and objects of research. Modern linguists include in the concept of political communication all speech formations related to politics, as well as the addressee and the subject. At present, the notion of political linguistics is not controversial, however, there are several points of view on the scope and title of this discipline. Thus, V.Z. Demyankov believes that the essence and purpose of political linguistics require some combination of political science literary and linguistic studies within the framework of political science philology [Demyankov 2002: 32—43]:

1) political science literary studies analyze macro-structures of political discourse: change and motivation of plots, motives, genres, etc. — in other words, considers discourse with the help of literary tools;

2) political science linguistic studies deal with micro-level, its subject is the following matters:

— syntactics, semantics and pragmatics of political discourse;

— staging and interpretation models of these discourses. In particular, it is naming of politologically significant concepts in political use in comparison with everyday language.

Modern political linguistics is represented by the following main areas of research:

1) general problems of political communication, the research object is the difference of political discourse from other types of discourses, in this direction the research object is considered from the point of view of the linguistic tradition (as a text);

2) genre representation and genre variety of political discourse on the basis of political slogans, political programs (radio, television, Internet), political leaflets, political cartoons, political newspaper articles, speeches of public and political figures, parliamentary debates, etc. and peculiarities of political texts functioning; in this direction the research object is considered from the point of view of the linguistic tradition (as a text or a creolized text);

3) problematics of individual styles of individual politicians, political parties and directions, by which we mean the analysis of strategy, tactics and methods of political communication at the level of composition, linguistic (primarily lexical and paremio-logical) means, the use of means for creating imagery of political texts; in this direction the research object is considered both from the point of view of linguistic and individual-hermeneutic traditions;

4) political conceptology (for example, the idea of the key concept) of a specific language and addressing problems of understanding political realities of one or another state by citizens of other states, comparative study of political communication in different countries at different stages of development of one society [Chudinov, Baranov, Voroshilova 2001].

In the opinion of linguists dealing with problems of political discourse, for example, A.N. Baranov (1997), E.V. Budaev (2006), P. Bourdieu (1993), R. Vodak (1997), T.A. van Dyck (1998), P.B. Parshin (2002), E.A. Popova (1995), D.V. Shapochkin (2012), E.I. Sheygal (2000), the main function of political discourse is the use of politics' language as an instrument of political power structure, which is expressed by a set of specific functions. Among other functions there are:

1) the function of social control, i.e., for example, manipulation of public consciousness;

2) the function of legitimization of the power structure, which is understood as argumentation of decisions of the authorities, for example, in the course of allocating public resources;

3) the function of reproduction of the power structure, i.e. strengthening of commitment to the system in the society;

4) the orientation function, i.e. creation and strengthening of goals, tasks, prospects of political life in the society;

5) the function of social consolidation conducted for the whole society or individual social groups;

6) the agonal function of creating social conflicts, expressing protests against the actions of the authorities;

7) the actional function expressed in carrying out activities with the aim of mobilizing supporters of the power structure and diverting attention of the inactive or hostile part of the population.

The functions of political discourse which are not included in this list due to various aspects of expression of the struggle for the power structure can be described in pairs in five groups [Sheygal 2000: 43]:

- ◆ integration vs. differentiation of group agents of politics;
- ◆ development of the conflict vs. establishment of consensus;

- ◆ implementation of verbal political actions vs. informing about them;
- ◆ creation of the policy language reality vs. its interpretation;
- ◆ manipulation of consciousness vs. control over the actions of politicians and society.

An important characteristic of political discourse is its effectiveness, since the social significance of political discourse consists in giving the addressee politically correct coordinates.

While giving the speech politicians operate with symbols, and its success is predetermined by how much these symbols are consonant with the mass consciousness: a politician must be able to touch the necessary string in this consciousness; the statements of a politician must fit into the “universe” of opinions and assessments (that is, in the whole multitude of internal worlds) of its recipients, “consumers” of political discourse.

The works devoted to the study of political discourse that is aimed at suggestion (for example, of political, religious ideas) take into account the system of views of the potential interpreter and predict potential reactions, intentions and actions of the group of people at which the communicative vector is directed. As A. Schopenhauer once noted, the art of persuasion consists in skillfully using completely different, almost incompatible concepts of a particular individual. This causes transitions from one belief to another, which may seem random and unsystematic, sometimes unexpected even for the speaker himself [Schopenhauer 1973: 58].

This tactics in political discourse can be characterized by a certain degree of intimacy and sympathy for the proponent, which is directly related to the level of trust of the addressee and the oratorical skill of the speaker. “Only by creating a recipient’s feeling of voluntary acceptance of someone else’s opinion, interest, relevance and satisfaction, the speaker can succeed in this suggestion” [Grác 1985: 16]. By V.Z. Demyanov, speaking of tactics and strategy of suggestion and overcoming it, the addressee always expects something from the speech of his interlocutors, which affects the acceptance or rejection of the suggested points of view. Speech behavior that violates normative expectations of the appropriate types of behavior can reduce the effectiveness of the impact (if the surprise is unpleasant for the recipient) or dramatically increase it — when something more pleasant than expected all of a sudden occurs from the side of the addressee. There are situations with passive perception, active participation and resistance to suggestion from the addressee.

With the passive perception of suggestion, the addressee expects that the level of fear, the depth of affected opinions and the intensity of verbal suggestion will correspond to the norm. Thus, the means of influence for the considered type of perception should be of low intensity. Strategically low-intensity attack is more successful in overcoming resistance to suggestion, which is used after an important tactical component in the form of a supporting, refuting or mixed preparation.

In the situation with the active perception of suggestion, the recipient on his own helps to convince himself of the correctness or possibility of accepting suggested points of view, especially if he hopes that everything happens in his interests. There is observed

a direct correlation between the intensity of the speech tools used in an actively carried out attack and the overcoming of resistance, which is the result of a supporting, refuting or mixed pre-preparation.

If the addressee is actively resisting suggestion, a number of situations arise that require consideration:

1) in the situation when the preliminary explanatory work was carried out, the “impressiveness” of the main attack is inversely proportional to the effectiveness of the preparing statements. Disproving preliminary actions gradually warn the addressee about the nature of upcoming attacks. Therefore, if attacking statements do not violate the expectations created by the refuting preliminary action, resistance to suggestion is maximum;

2) in the situation where the linguistic properties of attacking statements violate the expectations developed as a result of a “disproving preparation” (either in the positive or in the negative direction), resistance decreases;

3) when the addressee is presented with more than one argument in favor of the same thesis, the justifiability or unjustifiability of expectations at the first argument affects the adoption of the second argument. Therefore, if speech expectations are violated positively as a result of the first argument, this argument becomes significant, but the change in the attitude to the starting position occurs only after the presentation of subsequent arguments supporting the same position directed against the established installation;

4) when speech expectations are violated in the negative direction as a result of the first argument, this argument is not impressive, but the addressee is more inclined to believe the arguments in the subsequent speech arguing in favor of the same thesis directed against the established attitude [Grác 1985].

2. POLITICAL CARTOON AS A CREOLIZED TEXT

The subject of political discourse analysis is a political text, including a creolized one. The main difference of the political text is its ideology and communicative strategy directed at the impact and persuasion.

In the opinion of M.A. Boyko [Boyko 2006], who summarized data of special studies, despite the absence of the difference between the significance of verbal and iconic signs at the level of speech and signs, the information is perceived by recipients in different ways: text message information is received and assimilated in the volume of less than 10%, adding voice data increases this value to 40% and the addition of iconic series — up to 55%.

Visually accepted message “is faster and easier to be accepted as the truth, causes less fear” [Vojtasek 1981: 190], “it seems more democratic” [Chudakova 2005: 189] and is usually perceived as some kind of objective beginning, in contrast to verbal information, which authorship is clearly or potentially known and gives subjective character to the message. Thus, one can draw the conclusion about the proven influential effect of a creolized text in political discourse at the present time. This predetermined its increasing popularity in political discourse.

A creolized text in political discourse is represented by the following genres: agitation leaflets; political posters; political cartoons; images in the frames of the agitation text. Here are their main genre characteristics:

1) an agitation leaflet — the genre of the agitation and political literature, exists in two forms — only with a text component and in combination of text and iconic components; components of agitation leaflets are texts that include an appeal; character; font, punctuation signs, color and composition;

2) a political poster — “a single work of art, a laconic, catchy, usually colored image with a short text (usually on a large sheet of paper), made for the purposes of agitation, promotion, information or education” [Democfenova 1962: 15]; a political poster differs by its stereotypical character. The components of a political poster are non-verbal (drawing, color, font, composition) and verbal (name, slogan, information). Under a figure can be understood as the actual figure as well as the combination of pictures, figures and photographs. It should be noted that a political poster is distinguished by its simplicity, entertainment, certain degree of individualization and certain programmatic orientation. The defining factor for this format is formal, spatial structuring and information limitation. According to the researcher of this genre T.S. Magera, “the nucleus in a political poster is realized in the verbal mode, and the visual mode serves as an obligatory addition and continuation” [Magera 2006: 127];

3) a political cartoon — an image that usually contains a text component. The distinguishing features of a political cartoon are the actuality of facts, hyperbole and satire in the representation of iconic and verbal components;

4) a political illustration is a kind of a creolized text that is used in publicistic texts of political orientation or dedicated to political issues. The main feature of this genre of political discourse is subordinate relationships of the text and illustration: the focus of the research is aimed at the correlation of components of this type of creolized political text, as the verbal iconic component does not represent a “sum of semiotic signs”, their meaning is integrated and “forms a complex meaning” [Anisimova 2003].

In the works devoted to theoretical problems of political linguistics, a number of approaches to the study of creolized texts of political discourse are formulated:

- ◆ communicative direction, where the focus of researchers’ attention is focused on the analysis of communicative strategies and tactics in political discourse;

- ◆ rhetorical direction, which studies textual and iconic components of a creolized text and their interaction;

- ◆ semiotic direction, which the works of linguists are added to, for example, in accordance with the conceptual metaphors. It was in the framework of semiotic studies that the foundation for the study of creolized texts was laid. An image was considered as a special sign system, the role of graphic means in the semantic understanding of a text was separately studied; the most important works in this field are the works of L.V. Golovina [Golovina 1986], D.D. Zuev [Zuev 1981], Yu.A. Sorokin and E.F. Tarasov [Sorokin, Tarasov 1990], L. Bardin [Bardin 1978], U. Kraft [Kraft 1978], M. Muckenhaupt [Muckenhaupt 1986], B. Spillner [Spillner 1982] and many others.

Common provisions for the linguistics of a text, including a creolized one, can be considered the following statements:

- 1) pragmatic nature of the text is a generally accepted statement in linguistics;
- 2) coherence of the text implies the consideration of a text as a combination of super-phase elements, which are connected by logical and semantic, grammatical and stylistic characteristics;
- 3) intentional nature of the text is related to the realization of the author's intention and has a pronounced focus and subjectivity;
- 4) situational nature of the text is the result of the cognitive activity of a person in a particular situation;
- 5) communicative character of the text is connected with its communicative function as a means of transferring the accumulated information. A text should be relevant and correspond to the intentions of the addressee;
- 6) inter-textual character of the text is practically a constant characteristic of it.

A text as a product of a person's discursive activity reflects one of the "possible worlds", for "objectification of which the addressee uses various language tools that activate certain features of the language" [Kubryakova 2004: 519]. In the modern language science the description of linguistic phenomena is based on their evaluation as facilitating the realization of the communicative function of the language.

The communicative point of view is characterized by the analysis of linguistic means in the verbal behavior of people and evaluation of communicative tasks and attitudes [Arutyunova 1990; Grishaeva 1998; Semochko 2004].

For the cognitive analysis, the role of linguistic means is important in the processes of cognition of the world, knowledge and experience of the society [Anderson 2002; Babushkin 1996; Popova & Sternin 2002; Kretov & Boriskina 2003; Laenko 2005].

3. GENRE FEATURES OF A POLITICAL CARTOON

The concept of the genre has long been formed in the linguistic tradition. At the heart of its definition there are a number of generalized ideas about the structure, content, author's attitude and accompanying extra-linguistic components, for example, of a text. Thus, B.A. Zilbert wrote about the genre that it was formed on the basis of generalization of specific features, signs of directly perceived texts [Zilbert 1986: 75]. A similar definition is given in the works of V.E. Goldin, M.M. Bakhtin, S. Gaida and M.Yu. Fedosyuk.

M.M. Bakhtin singled out primary and secondary genres, which in S. Gaida's works are designated prime and secondary, and M.Yu. Fedosyuk describes them as elementary and complex. According to these classifications, a political cartoon can be defined as the *secondary* genre. Secondary genres appeared in discourses in the situation of developed cultural communication and are distinguished by a complex construction and reactive essence [Bakhtin 1996: 161—162; Gaida 1999: 110; Fedosyuk 1997: 104].

The reactive nature of the secondary genres of political discourse is related to their origin, in fact, it is a reaction and response to primary genres — political speeches, debates, negotiations and other politicians' speeches, whereas a cartoon is a kind of commenting on primary genres. The secondary nature of the genre of political cartoons provides the existence of a citatory and critical beginning in their texts and iconic components.

Constitutional genre signs of a political cartoon are described in the linguistic literature in continuation of the statement of Yu.L. Lotman that “the text contains the folded system of all links in the communicative chain” [Lotman 1999: 88]. The model of a communicative act can be represented as the following set: communicator, communicative goal; attitude of the communicator to the communicative goal and to the addressee; message itself (subject, topic); form of the message; message function and the addressee [Yakobson 1960].

A communicator in a political cartoon is its author (or newspaper’s editorial staff), therefore the study of originality of a political cartoon as a special type of a creolized text marks a pronounced individual-authoring principle, from the idea to the embodiment. The communicative goal of a political cartoon is to satirically criticize a particular political event or action of a particular political leader. The attitude of the communicator to the communicative goal, as a rule, is critical, sarcastic; the message is usually devoted to a recent or actual political event. Political cartoons on long-past events are quite rare since the important component of this type of communication is the addressee’s response. It is necessary to note the appeal to precedent phenomena in political cartoons.

4. ARAB AND FRENCH POLITICAL CARTOONS IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE

In the modern world there is a globalization rapprochement of traditions of political cartoons of various civilizations; nevertheless, the cultural-specific difference between the Arab and French political cartoons is fixed:

1) French political cartoons have a long history in the course of development of European political cartoons; for Arab countries, a political cartoon is a relatively new phenomenon that emerged in the social life of the Middle East as a product of the expansion of the Ottoman Empire into the Arab East;

2) the main components of French political cartoons: topic, heroes, problems, techniques of performance — are developed consistently as a combination of visual and text humor/grotesque; Arabic political humor has literary roots, as the tradition of visual genres did not exist for religious reasons;

3) Arab political cartoons are rapidly gaining popularity, while in France political cartoons have their special place in the system of genres of political discourse.

The analysis of the content and language of modern cartoons in the Arabic and French languages revealed a number of features such as:

1. The verbal component of a creolized text of a political cartoon has the following characteristics: volume, composition, language expression, normativity, imagery. Its content can coincide with the similar characteristics of an artistic and journalistic text. The average volume of the verbal component of a political cartoon is from 1 to 30 words. A distinctive feature of the organization of political cartoons text is the prevalence of dialogues and monologues. The frequent means of creating imagery in a political cartoon is an allusion, which is explained by the appellative character of a creolized text, modality of a cartoon as a genre, limited volume of text and iconic series; allusion in a creolized text should be considered at the text and image level.

The comparative analysis of linguistic means of Arab and French political cartoons revealed the existence of universal and culturally specific features of the research subject. The most significant universals of a creolized text of a political cartoon are the use of semiotic codes, grammatical, lexical and textual means.

At grammatical level, the cartoons studied in the Arabic language indicate cases of deviation from the norm, related to the genre features of the cartoons, violation of etiquette norms and dialectal phenomena. In the French language, grammatical errors in the texts of the political cartoons can be characterized as intentional (with subsequent decoding by the addressee) and colloquial.

The peculiarity of the use of lexical means in the political cartoons of the languages in question is the use of colloquial language, slogans, political clichés and proverbs.

2. One of the linguistic features of a political cartoon is the problem of an adequate translation of its verbal component, which “is particularly acute, primarily due to the reason that the values of verbal and iconic (visual) components are not simply formed, but closely intertwined” [Anisimova 2003: 11]. The process of translating a creolized text thus means creating a new text that should be equivalent to the first one, containing the result of decoding visual series and analyzing the content of the indirect version, i.e. precedent, metaphorical, specific socio-cultural data and other paradigms of both textual and iconic type.

We believe that creolized texts of written communication, which a political cartoon belongs to, can be divided into a group of fully translated texts where the verbal and iconic components of the translation fully correspond to the original; partially translatable creolized texts where the iconic component is not understood by the addressee, the text is understood partially/the iconic component and the text are understood partially by the addressee/ the iconic component is understood partially, the text is not understood and as well texts that are translated with considerable difficulties and it is necessary to use significant explanations.

3. The analysis of a political cartoon at the level of the iconic component demonstrates the use of such techniques as a collage, cartoon, sketch, drawing in the animated technique. According to the color scheme, a political cartoon can be monochrome and color.

The color in a creolized text is not an obligatory element, but it has an attractive, appealing and semantic function and enters into complementary relationships with the verbal component. The correlation of the color and the meaning characterizes the national-cultural specificity of the ethnos, which leads to the problem of decoding the visual semantic sign.

4. Particular attention in a creolized text of political cartoons deserves paralinguistic means: synergraphic (unmotivated use of punctuation marks), supra-graphic (font-based variation) and topographic (plane-type placement of the font).

5. The comparative analysis revealed the presence of universal and culturally specific features of political cartoons in the Arabic and French languages, the special features of the studied cartoons are:

a) the expression of connection of the verbal component with the color in the Arab cartoon; signatures are used on the subjects and attributes of a political leader; frequent

use of supra-regional symbolics; female images are used in the meaning of motherland/revolution/mother; there is noted the use of religious and dialect vocabulary and the tendency to use complete sentences;

b) black and white cartoons are noted in the French language; frequent font-based variation; the use of civilizational phenomena and world symbols; female images are used in the meaning of a strong woman/partner/politician; the use of colloquial language for the speech characteristics of cartoon characters; preferential choice of a monologue in the cartoon; the dominance of complete sentences over incomplete ones.

6. We proposed a technique for analyzing a political cartoon to effectively perceive its meaning: a political cartoon as a political text evaluates an event or a person in politics and belongs to the type of creolized texts where codes of different semiotic systems interact. In the course of the analysis, we developed an algorithm for examining layers and codes of a creolized text.

CONCLUSIONS

Based on the carried out research, the following main conclusions can be drawn.

1. The anthropocentrism of a modern political cartoon in the Arabic and French languages is initiated by its theme and the purpose of creation: to tell people about a person-politician. The expansional character of cartoons actualizes attention of such scientific disciplines as political science, art history, linguistics, sociology, semiotics, etc. The applied character of a political cartoon as a genre of political discourse determines the functionalism of our research and a creolized text as an object of research — its explant character.

2. The phenomenon of the political cartoon has a long cultural history in France; in the Arab countries, a political cartoon is a new genre of political discourse, the product/result of the expansion of the Western civilization. The lack of one's own tradition in the Middle East is associated with religious restrictions, as well as the shift in attention to the word, rather than to the image in satirical works. Globalization processes and the presence of a common virtual space brings together Arab and French political cartoons at the content and formal levels on the one hand and on the other creates the problem of decoding and translatability of its verbal components for the mass reader.

3. At the structural level, a political cartoon is a creolized text, i.e. a union of semiotic series of iconic and verbal levels, components compatibility of which determines the originality of a cartoon. Characterological features of a creolized text of a political cartoon are locality, intertextuality, temporality, modality and coherence of its elements. The feature of a number of genres of political discourse, including a political cartoon, is the significant use of synergraphic, supra-graphic and topographic tools with the domination of the iconic component.

4. The textual level of a political cartoon is characterized by volume, composition, linguistic expression, normativity and imagery; the iconic component, represented as a monochromatic and colored cartoon, collage or sketch also contains kinesic information.

5. The most common means of creating imagery in a political cartoon are an allusion, represented at the level of text and image as well as the play of words, expressed by polysemy and homophony.

6. The semiotics of a political cartoon is universal and uses codes such as color that is not obligatory but appellative, attractive and enters into complementary relationships with the iconic component, and verbal and iconic precedent, the types of which are classified as universal precedent phenomena, civilizational and supra-regional onyms, events and phenomena. The cultural-specific differences between Arab and French political cartoons are the correlation of a particular color and its meaning and a number of precedent phenomena used.

7. The universal phenomenon of creolized texts of political cartoons in the Arabic and French languages is the violation of grammatical forms (verb forms, choice of graphemes, etc.), lexical (clichés, colloquial language, dialectal vocabulary, etc.) and etiquette norms that can be characterized as intentional and versatile or dialectal. Specific features of the Arabic language result to be the use of religious vocabulary, neologisms-borrowing, frequent use of grammatical and lexical dialectisms. In the French language, there can be traced the dominance of complete sentences over incomplete ones, the priority of a monologue over a dialogue and the use of expressive vocabulary and interjections.

8. At the level of the content, Arab political cartoons are distinguished by the use of female images in the meaning of the homeland/revolution/mother and the frequent use of regional and religious symbols. French cartoons are distinguished by their performance in a monochrome version, using font variations and female images in the meaning of a strong woman/partner/politician; the characteristic of French cartoons is the existence of civilizational phenomena and world symbols.

© Dugalich N.M.

Дата поступления: 15.12.2017

Дата приема в печать: 25.12.2017

REFERENCES

1. Anderson, D.R. (2002). *Cognitive psychologists*. St. Petersburg: Peter.
2. Anisimova, E.E. (2003). *Linguistics of the text and intercultural communication (on the basis of creolized texts)*. Moscow: Academia.
3. Arutyunova, N.D. (1990). *Metaphor and Discourse In Theory of Metaphor*. Moscow: Progress. pp. 5—32.
4. Babushkin, A.P. (1996). *Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language*. Voronezh.
5. Bakhtin, M.M. (1996). *From the archival records to the “Problem of speech genres” In Collected works, 5 vols*. Moscow: Russian dictionaries. pp. 159—207.
6. Baranov, A.N. (1997). *Political discourse: parting with the ritual?* Moscow: Man. pp. 108—119.
7. Baranov, A.N. (2001). *Introduction to applied linguistics*. Moscow.
8. Baranov, A.N. & Kazakevich E.G. (1991). *Parliamentary debate: traditions and innovations*. M.: Knowledge.
9. Bardin L. (1975). *Le Text et l’image. Communication et langues*, 26. 98—112.
10. Boriskina, O.O. & Kretov, A.A. (2003). *The theory of language categorization. National linguistic consciousness through the prism of the cryptoclass*. Voronezh.
11. Bourdieu P. (dir.) *La misère du monde*. P.: Seuil, 1993.
12. Boyko, M.A. (2006). *Functional analysis of the means of creating the image of the country (on the basis of German political creed texts) [abstract of dissertation]*. Voronezh.

13. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2006). *Metaphor in a political interdiscourse: a monograph*. Ekaterinburg: publishing house Ural. state. ped. Un-ta.
14. Chudakova, N.M. (2005). Conceptual area “inanimate nature” as a source of metaphorical expansion in the discourse of Russian mass media (2000—2004) [dissertation]. Ekaterinburg.
15. Chudinov, A.P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flint.
16. Demosfenova, G.L., Nurok, A.Yu. & Shantiko, N.I. (1962). *Soviet political poster*. Moscow.
17. Demyankov, V.Z. (2002). Political Discourse as a Subject of Political Science Philology. *Political Science. Political Discourse: History and Modern Studies*, 3, 32—43.
18. Demyankov, V.Z. (2003). Interpretation of political discourse in the media In *Mass media as an object of interdisciplinary research*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. M.V. Lomonosov. pp. 116—133.
19. Fedosyuk, M.Yu. (1997). Unresolved questions of the theory of speech genres, *Questions of linguistics*, 5, 102—120.
20. Gayda, S. (1999). Genres of spoken utterances In *Genres of speech, a collection of scientific articles*. Saratov: Publishing house Gos. educational and scientific center “College”. pp. 103—112.
21. Golovina, L.V. (1986). Influence of iconic and verbal signs with a semantic perception of the text: the dissertation author’s abstract on competition of a scientific degree of the candidate of philological sciences. Moscow.
22. Grác, J. (1985). *Persuazia: Oplyvkovanie cloveka clovekom*. Brno.
23. Grishaeva, L.I. (1998). Realization / non-realization of valent properties of verbs as one of the mechanisms of verbalization of extralinguistic reality (on the material of Russian and German verbs of the anthroposphere). Voronezh, Voronezh. State University.
24. Kraft, U. (1978). *Comics lesen. Untersuchungen zur Textualität von Comics*. Stuttgart.
25. Kubryakova, E.S. (2004). Language and knowledge. On the way of getting knowledge of the language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Academy of Sciences. M.: Languages of Slavic Culture.
26. Lotman, Yu.M. (1999). The text as a meaning-producing device. *Inside the thinking worlds. Man — text — the semiosphere — history*. M.: Languages of Russian culture. pp. 11—163.
27. Magera, T.S. (2006). The text of the political poster: lingvoritoricheskoe modeling (on the material of regional pre-election posters) [dissertation]. Barnaul.
28. Muckenaupt, M. (1986). *Text und Bild. Grundfragen der Beschreibung von Text-Bild-Kommunikation aus sprachwissenschaftlicher Sicht*. Tübingen.
29. Parshin, P. Research practices, subject and methods of political linguistics In *Problems of Applied Linguistics*. Moscow. pp. 180—208.
30. Ponton, D. & Larina, T.V. (2016). Discourse analysis in the 21st century: theory and practice. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 7—25.
31. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2002). Language and national picture of the world. Voronezh.
32. Popova, E.A. (1995). Cultural and linguistic characteristics of political discourse (based on newspaper interviews) [dissertation]. Volgograd.
33. Rathmayr, R. (1995). Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschow. In *Totalitäre Sprache — langue de bois — language of dictatorship*. Wien. pp. 195—214.
34. Semochko, S.V. (2004). The concept “Faust” as a constant of German culture [dissertation]. Voronezh.
35. Shapochkin, D.V. (2012). *Political discourse*. Tyumen: Publishing house of Tyumen state.
36. Sheigal, E.I. (2000). *Semiotics of Political Discourse*. Volgograd: The Change.
37. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). Creolized texts and their communicative function. *Optimization of speech influence*. Moscow. pp. 180—186.
38. Spillner, B (1982). Stilanalyse semiotisch komplexer Texte Zum Verhältnis von sprachlicher und bildlicher Information in Werbeanzeigen. pp. 91—109.
39. Van Dijk, T.A. (1998). What is political discourse analysis? In *Political linguistics*; ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. Amsterdam. pp. 11—52.

40. Vodak, R. (1997). *Language. Discourse. Policy*. Volgograd: The Change.
41. Voitasek, L. (1981). *Psychology of political propaganda*. Moscow.
42. Jakobson, R.O. (1996). *Language and the unconscious*. Moscow.
43. Zilbert, B.A. (1986). *Sociopsycholinguistic study of texts of radio, television, newspapers*. Saratov: publishing house SSU.
44. Zuev, D.D. (1981). *The structure of the modern school textbook and the place in it of extra-textual components (on the material of the analysis of textbooks of humanitarian disciplines) [abstract of dissertation]*. Moscow.

УДК: 82-7:81'42:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Н.М. Дугалич

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Россия

Статья посвящена рассмотрению современной политической карикатуры на внешнеполитические и общественно-значимые темы на арабском и французском языках. Политическая карикатура является жанром политического дискурса, который вошел в лингвистическую проблематику в середине 20 века и является актуальной проблемой современного языкознания. Политический дискурс обладает такими характеристиками, как антропоцентризм, мультидисциплинарность, экспансионизм, функционализм и экпланаторность. Жанры политического дискурса могут быть охарактеризованы как гомогенный текст и креолизованный текст; политическая карикатура является креолизованным текстом, который объединяет иконический и вербальный уровни и обладает паралингвистическими характеристиками.

Объектом проведенного анализа является креолизованный текст современной арабоязычной и франкоязычной политической карикатуры. Предметом исследования в данной работе стали структурные, культурно-специфические и языковые характеристики текста политической карикатуры на арабском и французском языках. Материалом проведенного исследования были выбраны более 100 карикатур на политические темы на арабском и французском языке. Обращение к жанровому представлению политического дискурса и сопоставительному анализу политической карикатуры является актуальным вопросом лингвистики в виду отсутствия достаточного количества научных трудов, затрагивающих данную проблематику. Необходимо отметить, что известные работы, посвященные политической карикатуре, используют материал, современный автору исследования.

Изучение феномена политической карикатуры в различных лингвокультурах представляет собой сферу актуальных мультидисциплинарных исследований т.к. авторское креативное начало на уровне текста и рисунка взаимодействует в политической карикатуре с традицией и ее жанровыми рамками, продуцируя емкий по объему многослойный креолизованный текст, декодирование которого требует от адресата наличия языковой, логической и экстралингвистической пресуппозиций и навыков анализа политической карикатуры у адресата.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая карикатура, креолизованный текст, вербальный компонент, иконический компонент, французский язык, арабский язык

For citation: Dugalich, N.M. (2018). Political cartoon as a genre of political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 158—172. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172.

Natalia M. Dugalich, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 158—172. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172.

Bio Note:

Natalia M. Dugalich, Senior lecturer of the department of foreign languages, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages, comparative linguistics; *e-mail*: avsineeva_nm@rudn.university

Сведения об авторе:

Дугалич Наталья Михайловна, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков, сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail*: avsineeva_nm@rudn.university

УДК: 81'42:808.5:32(73)
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-173-185

‘MR. PRESIDENT, DISCOURSE MATTERS: A CONTRASTIVE ANALYSIS OF DONALD TRUMP AND BARACK OBAMA’S DISCOURSE

Ricardo Casañ-Pitarch

Universidad Politécnica de Valencia
Camí de Vera, s/n, 46022 València

Abstract. Whether a person is depicted as a hero or a villain, his discourse can be representative of his personality; the way the audience is addressed or the type of used words can play a part in determining the public image of any individual. This paper is contextualized within the analysis of political language. The purpose of this research is to analyze the language forms used by the current president of the United States of America, Donald Trump, and his predecessor in the White House, Barack Obama, and as well to discuss how their linguistic discourse influences their public image in the field of politics. The method implemented in this research is based on the analysis of three main focal points: the amount of words and length of sentences, the morphological composition and the use of pronouns in their speeches. The corpus of this research consists of six speeches which are equivalent in pairs and delivered by each president in the same specific contexts: their presidential announcement, election night victory and inauguration speech. The results obtained in this research show some significant differences between the two presidents regarding the analyzed items and they seem to justify how they affect their public image. In conclusion, it seems that there are some reasons why each president is using or used a specific type of discourse, which is clearly addressing certain people, groups or classes that are willing to support their ideas and proposals.

Keywords: Discourse Analysis, Pronouns, Morphology, Syntax, Trump, Obama

1. INTRODUCTION

In the last months the US elections has brought the attention of the global mass media and consequently of the public from the whole world. The influence of the US in the world is vastly significant since it is considered to be one of the world potential superpowers together with China and Russia. The decisions taken in any of these countries are crucial for the economy development in the rest of the world. Therefore, the departure and entrance of any new president as well as the election of one or another candidate is highly likely to bring certain changes in the economic field as well as in the environmental, social, and military ones.

The current panorama is that the democratic ex-president Barack Obama has abandoned the White House after eight years, whereas the new republican president Donald Trump has taken this empty throne after winning the latest US elections and will remain there at least for four years. In this occasion, the victory of president Trump seems to have created the abyss between his supporters and detractors bigger than ever. Near half of the Americans, seemingly those who voted for him, seem to be fully convinced with Trump’s electoral promises and plans and they think he is the leader that America needs for real changes in politics. On the contrary, there is a group of active

detractors among media and population who think the opposite and they are continuously carrying out public protests against the new US president since he was elected in November 2016.

In this sense, the information that daily appears in media seems to focus deliberately on responses taken by the president's detractors immediately after he announces any new actions to be performed or even after any post he publishes in social networks. Besides, it seems that all the decisions that the new president is taking are unpopular, polemic and very negative for America and the rest of the world. This attitude of media towards the republican president is creating a magnifying drama around him, depicting him as a villain. In contrast, it seems that the public image of his predecessor president Obama was generally more positive among Americans when he was first elected despite the fact that he also had his detractors from public and media as well. All in all, the interest awoken in the figure of president Trump is huge and media seems to be magnifying it before even having any results derived from his actions.

Despite Trump's victory in the US elections obtaining fewer votes than his democratic opponent Hillary Clinton, 46.1% and 48.2% respectively, continuous attacks in most media channels do not seem to go in hand with the support of nearly half of the Americans. In this sense, it is a general fact that any president or candidate in any country in the world creates opposition and disagreement among voters as well as in the media channels; however, the case of president Trump seems to be more sounded and criticized than any of his predecessors in the White House. After careful reading and compiling data from some speech scripts from both presidents Obama and Trump (presidential announcement, election night victory, and inauguration), this paper aims at analyzing and comparing the language forms and strategies used by both presidents as well as at discussing how their speech can suggest a public image of either a hero or a villain in the field of politics. Our research hypothesis is that the form of their discourses in terms of length, word categories and use of pronouns can influence positively or negatively the way they are perceived by general public and media. In this sense, it should be anticipated that the public image of Obama seems to be more positive among media and audience than the one of his successor. Before discussing the obtained results, a theoretical framework is introduced in which some background information from both Trump and Obama is used to set the scenario for the discourse analysis. To support this contrastive analysis, a section presenting some ideas about the importance of discourse in politics is introduced with the aim of supporting the conclusions derived from the obtained results.

2. HERO OR VILLAIN: DISCOURSE MATTERS

Whether president Obama could be considered a hero or a villain for his mandates and actions, it is a real fact that everyone can opine, regardless on which side of the barricade you are. He left presidency in January 2017 and already can be assessed for the things he did well and those he failed during his eight years in the White House, but acknowledging that what is good for some people can also be harmful for others and the opposite. On the contrary, it is still too early to assess president Trump despite the fact that his electoral promises and first decisions as president were at least controversial. What can be analyzed is their discourse, signs and results that guide us to determine

why president Obama had so many supporters during his first campaign and also his first weeks as president whereas president Trump had so many detractors during the same period of time.

Results from the previous research by Ahmadian, Azarshahi and Paulhus (2017) suggest that there are three outstanding features around president Trump that make him such a controversial figure. These are his informality, narcissism and dynamism. These features and behavior could be traditionally considered at least unusual when running for president of the United States, Mr. Trump has won the latest elections. So, it should be acknowledged that these elements can be both positive and negative at the same time; they can bring advantages and disadvantages, or pros and cons. Since this study only focuses on language forms and functions through scripts, dynamism will not be considered within this research.

Narcissist and Populist vs. Humble Discourse

Despite the fact that narcissism is often viewed as something negative, some authors have suggested that it may also be advantageous (Brunell et al., 2008; Engelen, Neumann & Schmidt, 2016; Holtzman, & Strube, 2010; Rosenthal & Pittinsky, 2006). This lack of modesty could be an effective strategy to seek attention, promote oneself and increase self-esteem [Pfeffer 2015]. Rasking and Terry (1988) stated that some characteristics of narcissist people are being manipulative, imperious, vain, arrogant and self-sufficient. According to Pfeffer (2015), narcissist speakers are also likely to be good leaders and they can also move masses because they are established on a well-defined position, they promote an idea, and they strongly defend their arguments considering it the only acceptable one and attacking the opposite view. Deluga (1997) also appointed that a narcissist leader can be associated with charisma; and this may involve gaining support from the public.

In terms of discourse analysis, the use of personal pronouns is of relatively high interest to analyze how speakers distinguish between themselves and the others [Ortigue 1977]. In this sense, Rasking and Shaw (1988) considered that narcissist talk involves the use of the first singular person, denoting self-focus and egocentrism. The use of the first singular person can also emphasize the speakers' emotions in the speech, making the discourse more subjective and creating a sense of proximity and sympathy with the audience [Stigel 2001]. As a result, closeness to the audience is a strategy to create a circle of trust between the speaker and the audience [Saarien 2014]. In the field of political discourse, these ideas might imply that speakers performing narcissist discourse could be attempting to approach middle and lower social classes, convincing emotionally that someone is on their side [McColl-Kennedy & Anderson 2002].

Besides, all these features suggest that leaders using discourse with a narcissist tone could be linked to populism, which is a form of mass politics. The idea of populism is the act of representing ordinary people and masses and opposing elites and privileged groups: I-we vs. the enemy-they [Lafiti 2014]. Another advantage of political populism is that people tend to trust what other people say and consequently a part of them simply takes the decision of supporting a leader without meditating on other possible consequences or disadvantages. In the current century, populist discourse has been mainly driven with certain topics of interest concerning today's problems such as political

corruption, social status and inequality, loss of identity and national values, among others. In this sense, Lafiti [Lafiti 2014] appoints that this type of discourse is often anti-theoretical and anti-intellectual and it is delivered by a charismatic and strong leader, not necessarily friendly. Such speakers argue other positions and can even threaten or show an intolerant attitude.

On the contrary, humble discourse is the opposite of a narcissist and populist one. Sometimes humble leaders are seen as weak because they do not show the expected strength like other leaders. Along history, leaders have been glorified and shown as heroes or idols [Morris, Brotheridge, & Urbanski 2005]. In this sense, Rost (1991, 94), leaders were said to have become “a savior like essence in a world that constantly needs saving”. However, humble leadership has also some benefits. Collins (2001) thought that companies or organizations with humble leaders are sustained over longer periods of time even after they retire, and they often become and remain the benchmark of their sector. Besides, embarrassing conflicts such as mistresses, thefts or abuse of power do not seem to be connected with humble leaders.

Concerning language use, leaders using humble discourse tend to avoid egocentrism and ‘I-Talk’, using the form ‘we’ instead. Fortanet-Gomez (2004) stated that the use of the first person plural pronoun ‘we’ implies the participation of all the members of a community, group or team and this reinforces the idea of unity above one single person. Beard (2000) thought that plural forms of the first person pronouns are also a strategy to share responsibility between the speaker and the others, delivering an image of union and team work. However, it should be noticed that the pronoun ‘we’ can also imply both inclusion and exclusion, being a pronoun of solidarity as well as rejection: ‘we’ as ‘I + my group’ and ‘we’ as ‘I + you’ [Iñigo-Mora 2004; Pennycook 1994].

Formal vs. Informal Discourse

Formality is a type of social deixis that defines the setting or social act in which the language is used [Crystal 1980; Levinson 1983]. In addition to this, Richards et al. (1997) defined formality as the language used in situations when the speaker is very careful about the choice of words and sentence structure. In this sense, formal language is characterized by the special attention paid to the form [Labov 1972]. Besides, there are different elements that can determine the formality of discourse such as discourse directness, morphology and syntax, or terminology (threatening and insults), among others.

In this case, the use of pronouns is also relevant because they avoid the repetition of nouns and makes discourse more cohesive and coherent. First of all, the personalization of the discourse with the first person is a characteristic of informality, especially ‘I-Talk’ as it has been previously described. On the contrary, neutral forms denote certain indirectness and this is a form of formality [Yaguchi 2001]. According to Williamson (2006), the use of the second person pronouns involves directness; ‘you’ means invocation and in some context this can be considered non-academic discourse. In words of O’Hair, Rubenstein & Stewart (2004) the second person pronouns should be avoided in formal contexts since this directness is a sign of rudeness and impoliteness in most countries. Furthermore, the function of ‘you’ is to persuade rather than to inform by gaining the attention of the audience to take actions; thus it is a way of showing closeness

with the audience [Ajayi & Balogun 2014; Jeon 2003]. Besides, the pronoun ‘you’ tends to be used in familiar circles rather than in professional ones [Swick 2008].

In contrast to the second person pronouns, the third person ones do not directly refer to the speaker or the addressee but to other people or things that are not present at the moment of the speech [Casañ-Pitarch 2016]. In fact, they are the opposite of the second person pronouns [Cornish 2005]. The function of the third person pronouns is quite varied, there are both singular and plural forms and they also distinguish male, female and neutral forms. As it was previously said, pronouns substitute nouns; so masculine and feminine pronouns substitute the person’s proper name. However, in some situations, it may also be considered rude to overuse the third person pronouns instead of the person’s proper name [Quirk et al. 2008]. By the way, the neutral singular form ‘it’ refers to things and ideas, but it can also be used as an anticipatory subject. Carreon (2006) states that this pronoun is usually the most common one since it establishes both neutrality and anonymity. As a result, this neutral form avoids personalization and directness. At last, plural forms are considered what other subjects do, removing responsibility from the speaker and excluding them from the group [Pennycook 1994].

The second element that can also determine formality is morphology and syntax. Concerning how morphology can determine the level of a text or speech formality Heylighen and Dewaele (1999) differentiated between formal and informal elements. According to these authors, words can be context independent (formal) and context dependent or deictic (less formal). Formal categories are nouns, adjectives, prepositions and determiners; whereas pronouns, verbs, adverbs and interjections are deictic forms. Conjunctions are considered neutral. The difference between these two categories is that the independent forms do not require any previous reference to other concepts and they stand on their own whereas dependent forms need other words in order to understand their meaning. As a result, the use of one or another form has certain effect on the audience; in words of Heylighen and Dewaele (1999) the use of formal elements provide the message receivers with fewer chances to be misinterpreted. On the contrary, informal elements are more flexible and thus the message remains more ambiguous and subjective and the audience would take their own interpretations either favoring or disfavoring the communicator’s message. Similarly, discourse syntax also has some influence on the audience. It shall be acknowledged that the standard forms of the language should be considered formal ones whereas those expressions which break with the language recipe grammar should be appointed as less formal. In this sense the order of words, the extension of sentences, or the use of verb forms can also have certain effects on the audience. According to Djafarova (2008), audiences are more easily attracted by short messages rather by long ones; in this sense, direct orders and short messages are far more effective than sentences built with more words than necessary. Besides, if the order of words is the standard (S+V+O/C), the flow of the information is more fluent and the message is transmitted more clearly and direct than in those cases in which the standard order is altered; this results in increasing the possibilities to be understood by the audience. At last, the use of imperative forms is a way of directness and it is connected to persuasion in the sense that the meaning of such messages and the requested action are more easily understood [Taufik, Tarjana, & Nurkamto 2014].

3. METHODOLOGY

As previously stated, the purpose of this research is to analyze and compare the language forms and strategies used by presidents Trump and Obama and consequently to discuss how they influence their public image in the field of politics, being considered either heroes or villains. This main objective is the basis for our hypothesis which questions if there is any evidence for the way presidents' discourse forms can influence public and media, and how it tells upon their image as political leaders. This research has been performed with a corpus formed by three speeches delivered by President Donald Trump and another three speeches by President Barack Obama. These six speeches are equivalent in pairs: presidential announcement, election night victory and inauguration speech. The total extension of this corpus was 16,438 words. There are three main focal points in this research, and they are related to the amount of words and sentences, morphological content and use of pronouns. In this sense, the quantification of samples for each category has required the use of software: Wordsmith and Taggant. The first, Wordsmith, was used to determine the extension of words and sentences as well as to carry out the analysis on the use of pronouns. On the other hand, the software Taggant will help us determine the morphological content of the corpus in this research. The analysis of this corpus has provided some relevant results that will help us to explain the findings in this research based on the previous literature review before coming to a conclusion that fulfills the main purpose of this research.

4. RESULTS

The present section shows the obtained results concerning the extension of the different analyzed speeches, their morphological composition and the use of pronouns. Table 1 shows a comparison between three equivalent speeches delivered by presidents Trump and Obama: presidential announcement, election night victory, and inauguration discourse. In this case, the amount of words and sentences and the average of words per sentence are compared. As it can be observed, the average amount of words per sentence used by Donald Trump in these three speeches (11.58) was superior to the ones employed by Barack Obama (21.85). Furthermore, Trump's sentences were always shorter in terms of words in comparison to Obama. In addition to these results, it has also been found that Trump's presidential announcement was clearly the longest among the six speeches analyzed (6,337), whereas the other five had an extension between 1,456 and 2,603 words.

Table 1

Speech Extension

	Donald Trump			Barack Obama		
	Sentences	Words	Words x Sent	Sentences	Words	Words x Sent
Presidential announcement	636	6,337	9.96	133	2,603	19.57
Election night victory	101	1,456	14.42	115	2,413	20.98
Inauguration	162	1,680	10.37	78	1,949	24.99
	899	9,473	11.58	326	6,965	21.85

The second item in focus was the morphological composition of the six analyzed samples. As it can be observed in table 2, the average composition of the speeches delivered by Obama and Trump differ. For example, Obama wins in the use nouns, determiners, adjectives, prepositions, non-personal pronouns and conjunctions whereas Trump defeats his predecessor in the use of verbs, personal pronouns and adverbs. The use of adjectives and conjunctions is similar in both cases. In this sense, it is especially relevant the difference of determiners, non-personal pronouns and prepositions used by Obama over Trump; and on the other hand, the difference in the use of verbs, personal pronouns and adverbs of Trump over Obama. Furthermore, the difference between the percentage of formal and deictic word categories is +17.40 for Obama and +1.69 for Trump. In this sense, Trump’s discourse contains more deictic forms than Obama’s; and consequently, it seems that the first discourse is less formal than the second one.

Table 2

Morphological Composition

	Nouns	Det.	Adj.	Prep.	Verb	Pron.	Pron. 2	Adv.	Conj
Trump (T)	22.82%	6.29%	7.04%	11.01%	25.10%	12.72%	2.13%	5.52%	7.36%
Obama (O)	24.94%	9.10%	7.60%	13.24%	20.99%	9.29%	3.58%	3.62%	7.65%
T vs. O (1)	-2.12%	-2.81%	-0.55%	-2.23%	4.11%	3.43%	-1.44%	1.90%	-0.29%
T vs. O (100%)	-4.44	-18.26	-3.76	-9.20	8.92	15.58	-25.22	20.79	-1.93

Concerning the use of pronouns, this study focuses on the use of personal ones. As shown in table 3, it can be observed that some pronouns are more usual for one or the other president. On the one hand, the most frequent pronouns in Donald Trump’s discourse are the first person ones, both singular (24.15%) and plural (32.12%). In this sense, 56.27% of the pronouns are the first person ones. The subject pronouns ‘we’ and ‘I’ are the most frequent as shown in table 3. The use of ‘they’ (10.21%) and ‘it’ as an object pronoun (7.22%) is quite relevant; and concerning personal determiners, the form ‘our’ is also very frequent (11.54%). On the other hand, Barack Obama also makes use of the first person (65.12%), but in this case the balance clearly favors the plural form (51.63%). In this case, 26.51% of the pronouns and personal determiners used by Obama refer to ‘we’, 14.88% to ‘our’, 9.92% to ‘us’, and 9.30% to ‘I’. The other pronouns are less often within the discourse of both presidents (> 6%); however, their relevance can be significantly different if they are compared. For example and despite the fact that their use is more limited, the use of the form ‘you’, ‘he’, ‘me’, ‘him’, ‘her’ are more frequent in Donald Trump’s discourse. Another significant difference between Trump and Obama is that the first uses more subject pronouns (59.59% vs. 52.09%) and the second wins the battle in the use of personal determiners (19.09% vs 27.75%).

Table 3

Personal Pronouns

	Subject Pronouns (T: 59.59% – O: 52.09%)							Object Pronouns (T: 20.58% – O: 18.60%)						
	I	You	He	She	It	We	They	Me	You	Him	Her	it	Us	Them
Trump	17.51	5.73	2.49	0.50	4.81	18.34	10.21	3.40	4.23	0.58	0.33	7.22	2.16	2.66
Obama	9.30	4.03	1.55	0.93	4.65	26.51	5.12	1.40	3.26	0.16	0.16	1.40	9.92	2.33
T vs. O	8.21	1.70	0.94	-0.43	0.16	-8.17	5.09	2.01	0.98	0.43	0.18	5.82	-7.76	0.33
	Personal Determiners (T: 19.09% – O: 27.75%)							Possessive (T: 0.33 – O: 0.31)		Reflex. (T: 0.41% – O: 1.24%)				
	My	Your	His	Her	Its	Our	Their	Mine	Ours	Itself	Ourselves	Themselves		
Trump	2.99	1.74	0.41	0.08	0.08	11.54	2.24	0.25	0.08	0.08	0.17	0.17		
Obama	2.79	2.17	1.40	0.78	1.40	14.88	4.34	0.00	0.31	0.31	0.78	0.16		
T vs. O	0.20	-0.43	-0.98	-0.69	-1.31	-3.35	-2.10	0.25	-0.23	-0.23	-0.61	0.01		

4. DISCUSSION

Based on the obtained results it seems that the discourse of President Trump is more narcissist and populist as well as more informal than the discourse of his predecessor in the White House. On the contrary the discourse of President Barack Obama seems to be delivered with a humble tone and a higher degree of formality in comparison with Donald Trump. However, it shall be acknowledged that both of them won the US elections and became Presidents despite the fact that their discourse forms are quite different in terms of length of their speeches, morphology and the use of pronouns.

On the one hand, the public image of President Trump seems to be connected to narcissism and populism as a result of his discourse. Trump has been often appointed as narcissist for his vain, arrogant and self-sufficient personality and populist because of his charismatic and strong leadership, not necessarily friendly, and who can argue other positions with threats and an intolerant attitude. His narcissist attitude seems to be evident in the sense that his discourse contains a high degree of egocentrism as his repetitive ‘I-Talk’ suggests. As it has been explained, ‘I-Talk’ emphasizes emotions and proximity of the speaker with the audience, thus favoring empathy over rationalism. Furthermore, some of his main electoral promises were about creating jobs for Americans, this approach was directed at the middle and lower social classes that consequently experience employment and economic problems. Showing interest in them and appointing a well-defined enemy (corrupt governors, lobbyist and donors) probably resulted in getting benevolence and then further support from these social classes. This is shown in his discourse when President Trump makes use of the exclusive ‘we’ and refers to the enemy as ‘they’. This ‘we’ clearly refers to him and his supporters and voters. He seems to be quite exclusive, not only because of the results obtained in our research, but also for his general attitude towards his detractors and all those who do not support his ideas. As it was seen in some of his speeches, he has even insulted and despised other people, including his opponents and audience as well as groups for their social, racial or gender conditions. Besides, Donald Trump seems clearly to be a populist politician in the sense that his main topics are about political corruption, social status and inequality, loss of identity and national values as it has previously been appointed

by Lafiti (2014). The topic of political corruption seems to be a strategy to claim that he will be a better politician than his predecessors, the way of discrediting his opponents regardless his arguments are either true or false. The topic concerning the loss of identity and national values could be a call to patriotism, but in this case, and in contrast with Obama, Trump appoints enemies. As it was stated, these enemies are mainly corrupt governors, lobbyist and donors; however, he also involves countries and people from non-American nationalities as a part of their problems. This is an aspect of prejudice against foreign people and their countries and even racism despite he is not directly accusing them. Instead, he is mentioning them in the process of his attacks and tagging them as a problem for his country.

Another feature of Trump's discourse aimed at obtaining the support of the middle and low working classes was the level of formality in his language, which was lower than the one of his predecessor. The use of a less formal discourse is another strategy to approach the support from lower classes. In this sense, people with more education seem to speak more formally rather than those with a low academic profile. So, this also supposes that President Trump addresses his discourse to people from lower contexts rather than higher or more accommodated ones. In this sense, it has been found that the average length of his sentences is shorter than of those used by president Obama. As previously stated by Djafarova (2008), audiences retain more information and are also further persuaded if their input messages are shorter. Thus, it could be said that the language used by the current president is more persuasive in this sense and addressed to a specific public determined by their social status. Another aspect that implies a higher or lower degree is the use of formal and deictic elements in terms of formality. In this sense, the range of formal elements over deictic ones in Trump's discourse is +1.69, whereas Obama's is +17.40. This means that the messages delivered by Trump contain further action (verbs and adverbs), whereas Obama's ones are more descriptive (nouns, determiners, and prepositions). Surprisingly, the use of adjectives in both cases is similar. Regarding these levels of formality, our results could imply that Trump's messages are more ambiguous and subjective than his predecessor's, thus it is another characteristic of a populist discourse in which the audience makes its own interpretations and feels identified with them more easily rather than with higher and elitist classes. For all these reasons, it seems obvious that Donald Trump is approaching a specific audience and aims at controlling them with a defiant and rebellious attitude over those who do not share his view of the world.

On the other hand, President Obama used a more formal discourse in comparison to his successor with a humble tone. From the very beginning in his first electoral campaign and along his two mandates, he maintained this image and tone of a humble politician with the formal language. This attitude of a good man against conflicts, controversies and scandals has resulted in the fact that he is adored by a large group of Americans as well as by people from other countries. According to the messages conveyed in his speeches, it seems that he continuously defends the unity of his country, his people and also the whole world rather than appointing an enemy. To start with, Obama uses far less 'I-Talk' than Donald Trump as well as less personal pronouns. He mainly delivers his speeches using the pronoun 'we', being more inclusive than

exclusive since he is not appointing particular enemies as Trump does. Besides, the use of 'we' implies the participation of all the members of the community and reinforces the idea of unity (Fortanet-Gomez, 2004). As a result, he creates a friendly and peaceful atmosphere through his discourse and regardless of his actions people are less likely to detract a leader who promotes these ideas. Concerning the extension of his messages, it can be observed in our results that his sentences were longer than Trump's ones, in this case the average extension of his sentences contained 21.85 words. This is nearly the double of words used by his predecessor. Besides, he also used a higher degree of nouns, determiners and prepositions as well as more non-personal pronouns. This implies that his language is more descriptive, it shows further details and it is more precise than the one used by Trump. Another feature of Obama's discourse is that it seems to be less populist than the one of Trump; however, he also used some topics that his successor also referred to such as political corruption, social status and inequality. It shall be acknowledged that he talked about the identity and national value but not as a loss. Instead, they were referred to as a virtue that should rise again, not appointing any enemy and sharing the responsibility of growth as an act of patriotism and love towards their nation. Considering that he combines the ideas of unity and patriotism, it is ineludible to think that his discourse promotes a sense of epic; in other words, he refers to heroic deeds from the past as a positive model for the present and future and denoting a certain degree of nostalgia. In this sense, Obama seems to look for unity rather than separatism or appointing enemies; thus, he is avoiding detractors since he is not entering into conflicts with anyone. This does not imply that other people or groups are willing to attack and criticize him; however, he is reducing this risk by not promoting them. As suggested by Collins, humble leaders are less likely to be connected to conflicts and this is a strategy to avoid attacks from media.

6. CONCLUSION

It seems that the discourse can be representative of personality of individuals and their attitude towards their audience, and consequently it is a relevant factor to consider when analyzing the public image. In the case of President Trump, it seems that his position against Lobbyists has created certain degree of controversy in the media, which is partially funded by these groups of pressure and influence. Thus, it sounds obvious that they continuously attack him as an opponent to their interests. In this sense, this research has focused on identifying some linguistic elements in the discourse that may justify why some people can appoint Presidents Trump and Obama, either as villains or heroes. In the case of Donald Trump, it seems that he has many supporters that think he is a good leader and could become a national hero; whereas other great part of Americans and also people from the whole world think that his role and attitude are typical of villains. In our analysis, results seem to have determined that his discourse should be classified as narcissist and populist. Regardless of his actions and decisions, his attitude and personality have made that media has also depicted him as a villain. Despite the fact that this data has not been considered in our analysis, it is evident that the media in the USA and internationally does not tend to introduce news about him in a positive

way despite his decisions and actions have not shown any results since his time in the White House started only a few months ago. In the case of President Trump, it seems that there is no middle ground, many people support him and many others detract him at the same time.

On the contrary, Barack Obama also had his supporters as well as detractors during his first electoral campaign, at the time when he was proclaimed the president of the United States and also during his two complete mandates. However, the humble tone in his discourse probably influenced the fact that he had fewer detractors than Donald Trump seems to have nowadays. Moreover, and despite that he stated that there were problems in the country, Obama did not show such an extremist position against Lobbyists and donors; and he was consequently acclaimed and supported by most media channels. Some of them even introduced him as a light of hope for the country and his people after the two mandates of the Republican President George Bush. As it was observed, Trump's discourse generally contains longer sentences and further actions with him as protagonist, whereas Obama's ones tend to be shorter and more descriptive and the unit as a country is the main focus. This contrast of self-prominence could be determinant in the way the audience perceives a leader with more or less positivism and sympathy. This research could be concluded by emphasizing the narcissist and populist 'I' and the less formal style of Trump and the humble 'We' and more formal and descriptive style of Obama to address their audiences and present facts and ideas.

In the future, this research could focus on the analysis of other elements such as the use of imperative and the most frequent terminology, which should also be representative and influential in their discourse forms. Regarding difficulties, the use of the software Taggant still cannot guarantee the best precision in its results; despite the fact that we consider that it is quite accurate and reliable in terms of morphological and syntax analysis. Thus, this work may include certain imprecisions in the course of this analysis despite the fact that they should not make our main findings and conclusions vary.

© Casañ-Pitarch R.

Дата поступления: 20. 01.2018

Дата приема в печать: 30.01.2018

REFERENCES

1. Ahmadian, S., Azarshahi, S., & Paulhus, D.L. (2017). Explaining Donald Trump via communication style: Grandiosity, informality, and dynamism. *Personality and Individual Differences, Elsevier*, 107 (1), 49—53.
2. Ajayi, T.M. & Balogun, K.U. (2015). Politeness in the Yoruba and French Languages. *International Journal of Language Studies*, 8 (4), 77—94.
3. Beard, A. (2000). *The language of politics*. London: Routledge.
4. Brunell, A.B., Gentry, W.A., Campbell, W.K., Hoffman, B.J., Kuhnert, K.W., & Demarree, K.G. (2008). Leader emergence: The case of the narcissistic leader. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 34 (1), 1663—1676.
5. Carreon, M.C. (2006). Unguarded patterns of thinking: physical and topical structure analysis of students' journals. *The Asia Pacific Education Research*, 15 (1), 155—182.
6. Casañ-Pitarch, R. (2016). Case study on banks' webpages: The use of personal pronouns. *International Journal of Language Studies*, 10 (4), 37—58.

7. Cornish, F. (2005). "Degrees of indirectness: Two types of implicit referents and their retrieval via unaccented pronouns". In A. Branco, T. McEnery & R. Miktow (eds.). *Anaphora processing: linguistic, cognitive and computational modeling*. Amsterdam: John Benjamins. pp. 199—220.
8. Collins, J. (2001). *Good to great: Why some companies make the leap and others don't*. New York: Harper Business.
9. Crystal, D. (1980). *A First Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Boulder, CO: Westview.
10. Djafarova, E. (2008). Why do advertisers use puns? A linguistic perspective. *Journal of Advertising Research*, 48 (2), 267—275.
11. Deluga, R.J. (1997). Relationship among American presidential charismatic leadership, narcissism, and rated performance. *The Leadership Quarterly*, 8 (1), 49—65.
12. Engelen, A., Neumann, C., & Schmidt, S. (2016). Should entrepreneurially oriented firms have narcissistic CEOs? *Journal of Management*, 42 (3), 698—721.
13. Fortanet-Gomez, I. (2004). The use of 'we' in university lectures: reference and function. *English for Specific Purposes*, 23 (1), 45—66.
14. Heylighen, F. & Dewaele, J.M. (1999). *Formality of language: definition, measurement and behavioral determinants*. Brussels: Free University of Brussels.
15. Holtzman, N.S., & Strube, M.J. (2010). Narcissism and attractiveness. *Journal of Research in Personality*, 44 (1), 133—136.
16. Íñigo-Mora, I. (2004). On the use of the personal pronoun we in communities. *Journal of Language and Politics*, 3 (1), 27—52.
17. Jeon, H.J. (2003). Use of film dialogues as a model of natural conversation for developing conversational proficiency. Edinburgh: University of Edinburgh. URL: <http://www.era.lib.ed.ac.uk/bitstream/1842/486/1/Jude.pdf>.
18. Lafiti, V. The populism of the political discourse: Metamorphoses of political rh

УДК: 81'42:808.5:32(73)

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-173-185

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕЙ ДОНАЛЬДА ТРАМПА И БАРАКА ОБАМЫ

Рикардо Касань-Питарч

Политехнический университет Валенсии
Ками де Вера, s/n, Валенсия, Испания, 46022

Речь всегда является репрезентацией личности каждого человека. То, как индивид обращается к аудитории и какие лексические единицы он использует, играет роль в определении его общественного имиджа. Представленная статья предлагает анализ лексико-грамматических средств в политическом дискурсе. Цель данного исследования — проанализировать языковые формы, которые отмечаются в речи Президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа и его предшественника Барака Обамы, а также рассмотреть, как их речь влияет на их имидж политика. Метод, примененный в этом исследовании, основан на анализе трех основных позиций: 1) количество слов и длина предложений, 2) морфологический состав (композиция), а также 3) использование местоимений в их речи. В основу исследования легли шесть эквивалентных выступлений обоих Президентом в схожем контексте: обращение президента, речь при победе на выборах, инаугурационная речь. Результаты, полученные в ходе исследования, показывают значительную разницу между президентами с точки зрения анализируемого материала, а также подтверждают, что лексико-грамматическое наполнение речей влияют на имидж политика. В заключение отметим, что есть несколько причин, по которым каждый Президент пользуется определенным типом дискурса для обращения к определенным классам и группам людей, готовых их поддержать.

Ключевые слова: дискурс-анализ, местоимения, морфология, синтаксис, Трамп, Обама

For citation:

Casañ-Pitarch R. (2018). ‘Mr. President, Discourse Matters: a Contrastive Analysis of Donald Trump and Barack Obama’s Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 173—185. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-173-185.

Ricardo Casañ-Pitarch, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 173—185. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-173-185.

Bio Note:

Ricardo Casañ-Pitarch (PhD in Applied Linguistics) holds a MA in the English language for international trade (Business) and a BA in English Philology. He is currently an Assistant Professor at polytechnic university of Valencia (Spain). His main research interests within the field of applied linguistics are genre analysis and language acquisition. His most recent studies focus on discourse analysis and language acquisition with serious videogames. *e-mail*: ricapi@upv.es

УДК: 316.75:811.161.1'42:327
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-186-199

ИДЕОЛОГЕМА «РУССКИЙ МИР» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С.Е. Тимофеев

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241036

Статья посвящена исследованию идеологического концепта *русский мир* в современном политическом дискурсе. В данной работе рассмотрены и проанализированы основные подходы интерпретации идеологемы *русский мир* в современном политическом дискурсе, определены инварианты написания концепта и составляющие ее смыслового поля с применением методики фреймовой репрезентации знаний; по каждому инварианту выделены составляющие смыслового поля. В качестве предмета данного исследования выступает идеологический концепт *русский мир*. Объектом исследования является идеологическое употребление концепта *русский мир* в современном политическом дискурсе. В качестве материала для проведения исследования были отобраны тексты политического содержания по ключевому выражению «русский мир» в системе «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ). В качестве теоретической базы была использована концепция *русского мира*, разработанная советскими идеологами С. Градиловским, Е. Островским и П. Щедровицким. Основными методами, использованными в ходе проведения исследования, стали: метод семантического анализа с последующим когнитивно-семантическим описанием семантики слова, сводка и группировка материалов статистического наблюдения. Работы подобного рода вносят свой вклад в разделы лингвистики, освещающие многочисленные процессы и явления языка, свойственные политическому дискурсу. По результатам исследования составлена статистика частотности употребления вариантов идеологемы *русский мир* в современном политическом дискурсе, выявлены закономерности использования каждого из вариантов, обоснованы полученные результаты.

Ключевые слова: идеологема *русский мир*, политический дискурс, смысловое поле, экспликативы, Национальный корпус русского языка

ВВЕДЕНИЕ

Взаимосвязь языка и идеологии можно охарактеризовать как возможность выбора последовательности высказываний и их семантической нагрузки с целью формирования общей системы взглядов у людей с различным способом мышления. В современном мире понятие идеологии стало рассматриваться в качестве инструмента убеждения, способного оказывать воздействие на мировоззрение и сознание людей, способствуя тем самым формированию определенных стереотипов поведения в коллективном сознании общества. А.В. Жукоцкая рассматривает идеологию как «доминирующий способ интерпретации социального бытия». Понятие находит свое проявление в различных сферах деятельности людей, будь то социум, экономика, психология, религия или мифология [Жукоцкая]. Ключевой особенностью языка идеологии является отражение культурного мира говорящего, поскольку идея не имеет смысла в отрыве от языка. «Наши слова отражают наши жизненные интересы, ценности, желания или культурный мир существования и общения» [James 2008].

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА И ИДЕОЛОГЕМЫ

В современной лингвистике методика изучения ценностных доминант базируется на понятии «концепт» [Карасик 1996]. Концепт определяется исследователями как базовая лексическая единица, находящая свое отражение во взаимодействии языка и культуры (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев и др.) [Арутюнова 1999; Вежбицкая 1999; Лихачев 1993].

Сущность концепта определяется содержанием, а, в свою очередь, содержание концепта всегда зависит от той культуры, в рамках которой концепт функционирует. Одновременно один и тот же концепт, находясь под влиянием различных культур, может проявлять себя по-разному. Сравнивая определения ряда ученых (В.А. Маслова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова) и выделяя в них общее, делаем вывод о том, что концепт — это многомерная мыслительная конструкция, определяемая в понятиях той или иной культуры и отражающая действительность посредством комплекса языковых средств близкого или эквивалентного плана содержания.

Отдельно выделяют категорию идеологических концептов, широко представленных в современном социально-политическом дискурсе. Среди них можно выделить такие понятия, как *власть*, *партия*, *Родина*, *реформа* и др. Идеологические концепты формируются в соответствии с господствующей идеологией и являются прямым отражением отношения к действительности с позиции того или иного класса или группы.

А.Л. Голованевский под идеологическим концептом понимает «абстрактное имя (идеологема) и семантико-словообразовательный ряд его дериватов (идеологем), отражающих комплекс представлений языковой личности и объединенных общностью мировоззренческих установок языкового коллектива о характере явления, вербализованном на обширном уровне его ассоциативных связей» [Голованевский 2001].

С целью обозначения объективно существующих форм идеологии литературоведом, филологом и философом М.М. Бахтиным был введен в науку термин «идеологема» [Бахтин 1975]. Данное понятие активно употребляется в лингвистике, культурологии, социологии, философии и иных гуманитарных науках. Четкого общепринятого определения этого термина не установлено. В общем смысле идеологема определяется Н.И. Клушиной как «идеологический концепт, ментально-стилистический феномен, реализующий конкретную идею посредством стилистических ресурсов языка» [Клушина 2014].

Идеологемы, будучи отображением языковых и коммуникационных факторов, исследуются с позиции влияния на социум и его жизнедеятельность. Таким образом, они ответственны за формирование и переформирование смыслов, а также выступают в качестве «репрезентаторов», «носителей» смысла.

Во многих трудах ученых-лингвистов (Н.Н. Болдырев, Н.И. Клушина, Н.А. Купина, А.П. Чудинов и др.) идеологемы рассматриваются в качестве инструментов выявления общественных процессов и выражения идеологии. Формой существования идеологем является знаковая форма, например, слово, словосочетание или визуальный образ.

Согласно пониманию Б.М. Пионтек, идеологема является «сложным мыслительным образованием с неоднородной формальной и семантической структурой, воспроизводимым в устойчивой форме, имеющим целостное идеологическое значение и обладающим социокультурной и исторической значимостью для данного социума» [Пионтек 2012].

С.А. Журавлев рассматривает идеологему в качестве конкретной цельной единицы лингво-семиотической природы. Идеологемы представляют собой ценностно-мотивированные знаковые образования, которые группируются вокруг идеологически значимых концептов, являющихся основой для формирования аксиологических категорий [Журавлев 2004].

Н.А. Купина определяет идеологему как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический», с одной стороны, а с другой, рассматривает ее в качестве мировоззренческой установки, облеченной в языковую форму [Купина 2000].

Е.Г. Малышева определяет идеологему как «единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009]. Идеологема рассматривается здесь как единица ментального уровня, содержащая в своем составе идеологический компонент, характеризующаяся динамичностью семантики, национальной специфичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, и представленная словом или устойчивым сочетанием. Эмоциональная окраска идеологем, а также их смысловое содержание могут быть по-разному восприняты адресатами по причине того, что идеологемы отражают специфический взгляд на соответствующую реалию.

Очевидно, что в настоящее время сформировались различные подходы и классификации к определению понятия «идеологема». С нашей точки зрения, идеологему целесообразно определять интегративно как единицу когнитивного уровня, «многоуровневый концепт» (термин Е.Г. Малышевой [Малышева 2009], пояснение наше — С.Е. Тимофеев), отображающий идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе представления и суждения носителей языка о различных сферах социально-политической жизни общества, объединенные в одно смысловое поле, — концепт, реализующий определенную заданную идею с помощью стилистических ресурсов языка и характеризующийся национальной специфичностью и динамичностью семантики.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ РУССКИЙ МИР В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Наше исследование посвящено репрезентации смыслового поля идеологемы (идеологического концепта) *русский мир* в современном политическом дискурсе.

Ментальное образование *русский мир* представляет собой довольно объемный и в то же время неоднозначный, воздействующий на массовое сознание конструкт,

ценностные и смысловые варианты которого отражают воззрения и установки представителей различных теоретических взглядов, направлений, учений.

Прежде всего, следует рассмотреть подходы к пониманию идеологического концепта *русский мир*.

Цивилизационный подход отсылает нас к видению *русского мира* как к исторически сложившейся уникальной совокупности культурных и духовных ценностей. *Русский мир* согласно данному подходу, представляет собой «уникальную цивилизацию, культурное ядро которой составляет русское православие, народные дух и традиции, а также великая русская письменная культура, философия, поэзия и русская литература» [Клушина 2014]. С точки зрения данного методологического подхода можно констатировать, что *русский мир* в этом контексте предстает в виде некоего самобытного феномена с присущими ему уникальными ценностями и особенностями, выделяющими его из общего ряда. Сочетаясь и переплетаясь друг с другом, все эти характеристики формируют единый целостный образ, в котором воплощается исконная культура и дух всего русского народа.

Лингво-семиотический подход ставит в центр своего рассмотрения русский язык как главный признак принадлежности к *русскому миру* и акцентирует необходимость «органического включения *русского мира* в современные процессы глобализации» [там же]. В рамках данного подхода *русский мир* представляется в виде целостной структуры, состоящей из групп, говорящих на русском языке, вне зависимости от их численности и территориальной отнесенности. С нашей точки зрения, данный подход не охватывает всей полноты феномена *русский мир*. На наш взгляд, *русский мир* — это нечто большее, чем только язык, это целая летопись событий на протяжении всей истории формирования *русского мира*, охватывающая культуру, традиции, мировоззрение, ему присущие, а также выдающихся личностей, прославивших свою Родину.

Активно формируется в настоящее время **религиозно-интегративный подход** Русской православной церкви, ядро которого составляет идея единства народов России, Беларуси и Украины. Согласно данной концепции родство восточнославянских стран заключается в единстве русского языка и культуры, православной веры, истории и общности происхождения. Религиозно-интегративный подход сосредоточивается на видении *русского мира* как исторически сложившегося конгломерата стран России, Украины и Беларуси с едиными канонами православной веры.

В современном мире можно все чаще наблюдать интерпретацию *русского мира* как «глобального сообщества, охватывающего сотни миллионов русскоязычных людей, чувствующих свою связь с русской культурой и Россией» [Островский].

Итак, концепт *русский мир* в настоящий момент нельзя назвать составным наименованием с полностью сформировавшимся смыслом. Постоянно меняющийся фокус осмысления названного понятия порождает все новые интерпретации. Что можно констатировать однозначно, так это то, что истоки формирования идеологического конструкта *русский мир* следует искать в историческом прошлом Российского государства, в котором отражены следы трагического опыта событий периода XX века и опасений, относительно надвигающегося будущего.

Наша позиция репрезентации ядерной части смыслового поля концепта *русский мир* совпадает с мнением О.Н. Батановой, согласно которой *русский мир* — это «глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее делам и судьбе» [Батанова 2008].

С целью исследования идеологемы *русский мир* в языке современной политики мы воспользовались системой «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) [<http://www.ruscorpora.ru>], в которой изучили корпус с ключевым выражением *русский мир*. Всего зафиксировали 26 контекстов словоупотребления. Существенные характеристики установлены нами посредством:

— анализа ПВ (плана выражения) идеологемы на основе выбранных из НКРЯ контекстов словоупотребления;

— анализа ПС (плана содержания) атрибутивного словосочетания с учетом синтагматики микроконтекста и парадигматики дискурса.

В процессе исследования нами определены инварианты идеологемы *русский мир* в современном политическом дискурсе. Итак, зафиксируем следующие формальные и смысловые составляющие идеологического концепта *русский мир*.

Форма репрезентации концепта *русский мир* — словосочетание, не обладающее закрепленной идейной оформленностью, наделяемое вариативным смыслом и поэтому предполагающее существование в различных вариантах написания.

Инвариант: «русский мир» / русский мир — «Русский мир» / Русский мир / Русский Мир.

Вариант 1: «русский мир»

«...*русский мир*» — нечто несбыточное, относящееся только к прошлому и какому-то эсхатологическому будущему» (№ 1 в НКРЯ).

Данный контекст взят из книги богослова Иоанна Мейендорфа «Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы» (1992 г.). Подобное оформление идеологемы — единственно встреченное нами в НКРЯ. Объяснение такого написания концепта кроется во времени, когда был опубликован данный материал, а именно в 1992 г.

Учитывая тот факт, что корни идеологемы *русский мир* восходят только к концу 1990 г., когда идеологами С. Градиловским, Е. Островским и П. Щедровицким была непосредственно разработана концепция и обоснован идейный замысел идеологического образования *русский мир*, а до этого времени (начиная приблизительно с XI в.) существовали лишь отдельные упоминания о *русском мире*. Концепция *русского мира*, озвученная вышеупомянутыми идеологами, была предложена в качестве альтернативного решения проблемы распада постсоветской среды и подразумевала в основе своей существование русского литературного языка как единого центра, организующего вне зависимости от политических обстоятельств сообщество единомышленников, утративших связь с Родиной, но «думающих и говорящих на русском языке» (см. работы С.Н. Градиловский,

Б.В. Межуев [Градировский, Межуев], П.Г. Щедровицкий, [Щедровицкий], Е. Островский [Островский]). Именно этот идейный замысел, заложивший основы понимания *русского мира*, послужил началом отсчета существования этого идеологического концепта.

Вариант 2: **русский мир**

Подобное написание варианта идеологемы — одно из наиболее часто встречаемых в публикациях, освещающих сферу современной политики. Например, следующие контексты с сочетанием *русский мир*, выбранные из НКРЯ, выполняют функцию характеристики, актуализируют в смысловом поле варианта ключевые мелиоративные экспликативы — «духовный», «образованный», «читающий», «пушкинский».

«Пушкин — русский мир» (№ 57 в НКРЯ); *«весь читающий русский мир»* (№ 58 в НКРЯ); *«духовный русский мир»* (№ 60 в НКРЯ); *«образованный русский мир»* (№ 63 в НКРЯ).

Кроме того, для данного варианта характерна и репрезентация отрицательно-оценочного значения, фиксирующегося посредством предикатов либо атрибутов. Например:

«русский мир — пьяные дети во дворах» (№ 9 в НКРЯ); *«русский мир — черные люди»* (№ 21 в НКРЯ); *«шатающийся русский мир»* (№ 27 в НКРЯ).

Вариант 3: **«Русский мир»**

Такое оформление идеологемы подразумевает фиксацию ряда названий: фонда «Русский мир», газеты «Русский мир», страховой компании «Русский мир», журнала «Русский мир», поэтому, в первую очередь, является указателем к восприятию данного сочетания в качестве формы, заключающей в себе конкретное закрепленное значение. Так, например, в контексте: *«...учрежденный президентом фонд „Русский мир“, в главнейшие задачи которого входит и распространение русского языка...»* (№ 7 в НКРЯ), отмечаем определенную идеологическую составляющую, стоящую за названием фонда. В других примерах смысловое значение также определяется из контекста, в котором содержится прямое указание на принадлежность варианта концепта конкретной предметной области. Например:

«...компания „Первый страховой брокер“ рекомендовала клиентам страховую компанию „Русский мир“...» (№ 18 в НКРЯ), *«...в статье „После Грозы Островского“, напечатанной в журнале „Русский мир“ в 1860 году...»* (№ 51 в НКРЯ), *«Страхов и написал в тогдашней петербургской консервативной газете „Русский мир“ статью...»* (№ 62 в НКРЯ).

Вариант 4: **Русский мир**

Проанализировав контексты употребления идеологемы в форме *Русский мир*, мы пришли к выводу о том, что подобное написание имеет место в контекстах сопоставления, в контекстах, сравнивающих взаимно противоположные, по сути, несочетаемые понятия. В рассмотренных нами примерах из НКРЯ были установлены следующие конструкции:

«Асад, Ким, Русский мир» (№ 4 в НКРЯ); *«сербы, французы, осетины, чеченцы — война за Русский мир в Новороссии»* (№ 5 в НКРЯ); *«...Русский мир — люди без капли русский крови»* (№ 5 в НКРЯ).

В примере № 4 НКРЯ в один ряд с «агрессорами» и «тиранами» Башаром Асадом и Ким Чен Ыном, представляющими собой «угрозу мировой безопасности», «помещается» *Русский мир*, что является прямым указанием к рассмотрению в отрицательной, негативной коннотации широкого смыслового диапазона понятий, стоящих за данным концептом.

Также отрицательный модус значения идеологемы *Русский мир* характерен для примера № 5 НКРЯ. В контексте примера обезличивается концепт *Русский мир* как таковой с уникальными, присущими ему особенностями, за счет включения в его смысловое поле характеристик (выраженных в виде национальностей людей), изначально ему не принадлежащих. Исходя из данных соображений, мы приходим к следующему ассоциативному ряду: «...*Русский мир* — не только русские».

Вариант 5: **Русский Мир**

Следует также упомянуть о данной форме представления концепта, непосредственно не отраженной в системе НКРЯ, поэтому не участвующей в статистическом анализе, однако зафиксированной нами в современных СМИ. Источником фиксирования данной формы идеологемы стал интернет-ресурс «Новости Русского Мира» [Новости Русского Мира webnovosti.info]. Концепт *Русский Мир* в данном случае отражает название проекта, которое раскрывается в задачах, решаемых ресурсом, а именно: освещение только «достоверной информации», «объяснение всем, кто способен понять, что действительно происходит с цивилизацией», «поднятие уровня грамотности населения», «облегчение людям доступа к нужным источникам информации» и др.

Рассмотрим составляющие смыслового поля идеологического концепта *русский мир* с применением методик фреймовой репрезентации знаний, относящиеся к определенной предметной области [Дейк Т.А. ван 1989]. Подобным образом описывается концепт «Русская идея» в дискурсе русского религиозного философа И.А. Ильина С.Н. Стародубцем [Стародубец 2010].

Тематическая область «**война/борьба**».

«*Асад, Ким, Русский мир*» (№ 4 в НКРЯ).

«*Война в Новороссии — борьба за Русский мир*» (№ 5 в НКРЯ).

«*Сербы, французы, осетины, чеченцы — война за Русский мир в Новороссии*» (№ 5 в НКРЯ).

«... *русский мир — борьба против коммунизма*» (№ 56 в НКРЯ).

Тематическая область «**творчество/духовность/высокая нравственность**».

«*Русский мир как особая духовная система ценностей*» (№ 15 в НКРЯ).

«*весь читающий русский мир*» (№ 58 в НКРЯ).

«*духовный русский мир*» (№ 60 в НКРЯ).

«*образованный русский мир*» (№ 63 в НКРЯ).

Тематическая область «**люди/представители**».

«*Пушкин — русский мир*» (№ 57 в НКРЯ).

«*Розенбаум и Кобзон — Русский мир, а Макаревич и Немцов — нет*» (№ 5 в НКРЯ).

«*Сергей Кужугетович Шойгу — Русский мир, а Ксения Анатольевна Собчак — нет*» (№ 5 в НКРЯ).

«...Русский мир — люди без капли русский крови» (№ 5 в НКРЯ).
«русский мир — пьяные дети во дворах» (№ 9 в НКРЯ).
«Русский мир объединяет людей, имеющих общее Отечество» (№ 19 в НКРЯ).
«русский мир и „черные“ люди как представители дешевой рабочей силы» (№ 21 в НКРЯ).

Тематическая область **«географическое расположение/территория».**

«Меридианы Новороссии пронизывают русский мир» (№ 16 в НКРЯ).
«русский мир — как бы северная Византия» (№ 12 в НКРЯ).
«русский мир — мир, особый в географическом смысле...» (№ 47 в НКРЯ).
«не обратился ли русский мир в Крит и Микены» (№ 54 в НКРЯ).
«Москва — русский мир» (№ 75 в НКРЯ).

Тематическая область **«старый/новый».**

«царь Алексей Михайлович создал новый русский мир...» (№ 12 в НКРЯ).
«старый русский мир имел свои красоты и свои радости» (№ 50 в НКРЯ).

Тематическая область **«прошлое/будущее».**

«„русский мир“ — нечто несбыточное, относящееся только к прошлому и какому-то эсхатологическому будущему» (№ 1 в НКРЯ).

Что касается плана содержания идеологемы *«русский мир» / русский мир — «Русский мир» / Русский мир / Русский Мир*, фиксируем смысловое поле каждого из вариантов посредством лексических экспликативов — мелиоративных, пейоративных, безоценочных.

Вариант «русский мир»:

безоценочные экспликативы: *нечто несбыточное, относящееся к прошлому;*
пейоративные экспликативы: *эсхатологическое будущее.*

Вариант русский мир:

мелиоративные экспликативы: *духовная система ценностей, читающий, духовный, образованный, Пушкин, люди, имеющие общее Отечество, северная Византия, особый в географическом смысле, Крит и Микены, новый, старый, борьба против коммунизма;*

пейоративные экспликативы: *пьяные дети во дворах, «черная» рабочая сила;*
безоценочные экспликативы: *Новороссия, Москва.*

Вариант «Русский мир»:

мелиоративные экспликативы: *распространение русского языка;*
безоценочные экспликативы: *фонд, страховая компания, ЗАО, журнал, газета.*

Вариант Русский мир:

мелиоративные экспликативы: *возрождаемый, Розенбаум, Кобзон, Сергей Кужугетович Шойгу;*

пейоративные экспликативы: *Асад, Ким, война в Новороссии, Сербы, французы, осетины, чеченцы, люди без капли русский крови, Макаревич, Немцов, Ксения Анатольевна Собчак.*

Вариант Русский Мир:

безоценочные экспликативы: *Русское Агентство Новостей;*

мелиоративные экспликативы: *всегда честные новости.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате проведенного исследования была составлена статистика частотности употребления идеологемы *русский мир* в различных формах ее написания. Таким образом, получили следующее соотношение (рис. 1).

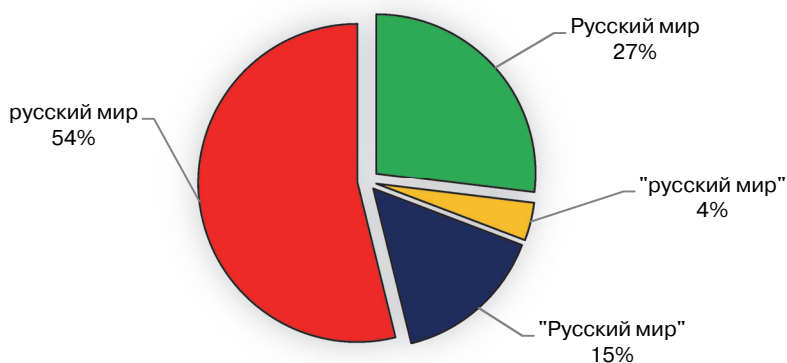

Рис. 1. Частотность форм употребления идеологемы *русский мир*

Исходя из полученных результатов можно сделать следующие заключения. В современном политическом дискурсе наибольшее распространение имеет форма написания варианта концепта: *русский мир* (54%). Подобное доминирование можно объяснить тем, что такое оформление идеологемы является более сдержанным и политически корректным, что способствует, в свою очередь, адекватному ее восприятию реципиентами. *Русский мир* в данном варианте употребляется в 27% случаев примеров, приведенных в НКРЯ, таким образом являясь также одной из распространенных форм репрезентации идеологемы. В меньшей степени распространена форма написания «*Русский мир*». Данный вариант употребляется в 15% случаев из 100% в силу ограниченного ряда значений, фиксируемых в смысловом поле данной идеологемы. Частотность употребления варианта «*русский мир*» в НКРЯ составляет всего 4%, что говорит нам о наименьшей степени распространения варианта в политических текстах современных СМИ.

Концепт *русский мир* в наибольшей степени представлен такими тематическими областями, как творчество/духовность/высокая нравственность, люди/представители, географическое расположение/территория. Наиболее распространенные области употребления идеологемы: «люди/представители», «географическое расположение/территория».

Смысловое поле идеологемы *русский мир* репрезентируется оценочными экспликаторами, в составе которых доминируют общекультурные (к примеру, *Византия, Крит, Микены*) и национально-культурные онимы (к примеру, *Москва, Пушкин, Шойгу*), фиксируем преобладание мелиоративных экспликаторов над пейоративными. Всего описано 42 экспликатора, из них мелиоративных — 32, пейоративных — 14.

Следует отметить, что вариант *Русский мир*, функционируя в контексте, репрезентирован в значительной степени и пейоративными вариантами, фокус которых можно назвать даже агрессивным, предельно осуждающим, о чем свидетельствует явный перевес пейоративных экспликаторов, выделенных в смысловом поле данной идеологемы. При этом отмечаем, что наибольшее их число принадлежит тематической области «люди/представители». В основе каждого из таких примеров лежит некая абстрактная модель сравнения «Русский мир — Представитель». Таким образом, отрицательный модус значения высказывания в целом формируется за счет отрицательного контекста, который персонифицирован посредством личности, ассоциирующейся у адресанта с *Русским миром*.

Вариант «*Русский мир*» в основном репрезентирован безоценочными экспликаторами, что объясняется менее эмоциональными и экспрессивными контекстами употребления идеологемы.

Вариант «*русский мир*». Контекст употребления данной формы относится к XX веку, когда смысловое поле концепта существовало в «пунктирном» виде, о чем свидетельствуют выражение — *нечто несбыточное, относящееся только к прошлому и какому-то эсхатологическому будущему* — из примера № 1 НКРЯ.

Идеологический концепт Русский Мир, непосредственно не представленный в НКРЯ, в состав своего смыслового поля включает такие варианты, как: *всегда честные новости, альтернатива современным новостным СМИ, источник альтернативной, правдивой информации, поднятие уровня грамотности населения*. Таким образом, Русский Мир — концепт, принятый для обозначения новостного агентства, ставящего целью полное и достоверное информирование граждан о своей стране, а также событиях остального мира, которые могут повлиять «на нас и наши дела, и на цивилизацию в целом» [Новости Русского Мира].

Таким образом, в современном политическом дискурсе смысловое ядро идеологического концепта *русский мир* преимущественно составляют понятия, относящиеся к областям — «люди/представители», «географическое расположение/территория».

Считаем, что идеологема *русский мир* представляет собой персонифицированный концепт, продуктивно репрезентированный посредством культурно маркированных онимов. В первую очередь, *русский мир* — это великие представители литературной классики, науки, живописи, искусства, посвятившие жизнь служению России во имя сохранения русской самобытности и достижений русского народа. Доминирование контекстов с отрицательным модусом значения, на наш взгляд, является формой выражения неприятия, протеста и отрицания заслуг всемирно известных представителей русской культуры в публикациях оппозиционного характера. Кроме того, необходимо учитывать, что смысловое поле концепта *русский мир* за счет продуктивного функционирования в зарубежной прессе имеет экстравертированный идеологический фокус.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концепт *русский мир* в большей степени представлен сквозь призму цивилизационного подхода. В свою очередь, это говорит нам о том, что идеологема *русский мир* рассматривается в современном политическом дискурсе

в качестве сложной структуры, ядро которой составляют ценностные доминанты из различных тематических областей. Концепт *русский мир* представляет собой лингвокультурему (термин Воробьева В.В. [Воробьев 2008], пояснение наше — Тимофеев С.Е.) с культурно-идеологическим оценочным компонентом значения, «причем культурный элемент содержания является принадлежностью коннотата, а идеологический инвариант оценочности — денотата. Дополнительной дифференциальной семой лексического значения <...> является „национальное“, т.е. „этнически ориентированное как имеющее собственные, отличные от других, своеобразные, определенные традицией черты“» [Стародубец 2017].

© Тимофеев С.Е.

Дата поступления: 15.01.2018

Дата приема в печать: 25.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Батанова О.Н. Концепция Русского мира: зарождение и развитие // Вестник Национального института бизнеса. 2008. Вып. 6. С. 83—84.
3. Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4(49). С. 10—20.
5. Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2(51). С. 5—14.
6. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Языки русской культуры, 1999.
7. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. Москва: РУДН, 2008.
8. Градировский С.Н., Межуев Б.В. Русский мир как объект геокультурного проектирования. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/tu_mir/history/histori2003/gradirovsky-russmir. Дата обращения: 20.11.2017.
9. Голованевский А.Л. Идеологические концепты в лексикографическом дискурсе: семантика, прагматика, синтагматика // Принципы и методы исследования филологии: Конец XX в. Вып. 6. Санкт-Петербург; Ставрополь, 2001. С. 335—339.
10. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989.
11. Жукоцкая А.В. Феномен идеологии. Режим доступа: <http://service.ebooksearch.webfactual.com/en>. Дата обращения: 12.11.2017.
12. Журавлев С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
13. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996.
14. Клушина Н.И. Теория идеологем // *Политическая лингвистика*, 4(50). 2014. С. 54—58.
15. Кривоусков В.В. Концепт «русский мир»: принципы и возможности методологических подходов // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Вып. 1(174). 2016. С. 111—119.
16. Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. 2000. С. 182—190.
17. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3—9.
18. Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // *Политическая лингвистика*. 2009. № 4. С. 32—40.

19. «Новости Русского Мира». Режим доступа: <http://webnovosti.info>. Дата обращения: 15.10.2017.
20. *Островский Е.* Новые границы мира: геокультура. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/472>. Дата обращения: 20.11.2017.
21. *Пионтек Б.М.* Общеязыковые факторы генезиса идеологемы как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2012.
22. *Стародубец С.Н.* Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И.А. Ильина // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3(39). С. 36—37.
23. *Стародубец С.Н.* Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: дисс. ... док. филол. наук. Брянск, 2010.
24. *Щедровицкий П.Г.* Русский мир. Возможные цели самоопределения. Режим доступа: URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015. Дата обращения: 20.11.2017.
25. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. Москва: Флинта: Наука. 2006.
26. *James P.G.* Social Linguistics and Literacies: Ideology in Discourses // P.G. James. Taylor and Francis, 2008.

УДК: 316.75:811.161.1'42:327

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-186-199

IDEOLOGEME THE “SLAVIC COMMUNITY” IN THE MODERN POLITICAL DISCOURSE

S.E. Timofeev

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky
Bezitskaya Str., 14, Bryansk, Russia, 241036

Abstract. The article is devoted to the research of ideological concept the *slavic community* in the modern political discourse. The main approaches in interpretation of the *slavic community* were considered and analyzed here, as well as the invariants of the ideologeme and constituents of its semantic field by means of the method of the frame knowledge representation with the explication of the semantic field constituents. The subject of the research is the ideological concept of the *slavic community*. The object is the ideological usage of the concept the *slavic community* in the modern political discourse. The content of the political character with a keyword the *slavic community* was selected in the system of the “Russian National Corpus”. The theoretical grounds are based on the conception of the *slavic community* created by the ideologists S. Gradirovsky, E. Ostrovsky, P. Shedrovitsky. The main methods used in the research were: the method of semantic analysis with a cognitive-semantic description of the word semantics, summary and grouping of statistical observation materials. Such type researches are valuable for the political linguistics. As a result the usage frequency statistics in political discourse of variants of the ideologeme the *slavic community* was compiled, as well as regularities in usage each of its variants were revealed, and the research results were explained.

Key words: ideologeme the *slavic community*, political discourse, semantic field, explicators. Russian National Corpus

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the world of man*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ).
2. Batanova, O.N. (2008). The concept of the Russian world: origin and development. *Bulletin of the National Institute of Business*, issue 6, 83—84. (In Russ).

3. Bakhtin, M.M. The word in the novel. In: *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Fiction. (In Russ).
4. Boldyrev, N.N. (2016). Cognitive schemes of language interpretation. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4(49), 10—20. (In Russ).
5. Boldyrev, N.N. (2017). Problems of verbal communication in the cognitive context. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2(51), 5—14. (In Russ).
6. Vezhbitskaya, A. (1999). *Semantic universals and the description of languages*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ).
7. Vorobyov, V.V. (2008). *Linguoculturology*. Moscow: RUDN. (In Russ).
8. Golovanevsky, A.L. (2001). Ideological concepts in lexicographic discourse: semantics, pragmatics, syntagmatics. In: *Principles and methods of philological research: the end of the XXth century, issue 6*, 335—339. Saint Petersburg, Stavropol. (In Russ).
9. Gradirovsky, S.N & Mezhujev, B.V. The Russian world as an object of geocultural design. URL: http://www.archipelag.ru/en_mir/history/histori2003/gradirovsky-russmir (accessed: 20.11.2017).
10. Zhukotskaya, A.V. The phenomenon of ideology. URL: <http://service.ebooksearch.webfactional.com/en> (accessed: 12.11.2017).
11. Zhuravlev, S.A (2004). Ideologems and their actualization in the Russian lexicographic discourse [abstract of dissertation]. Kazan. (In Russ).
12. Karasik, V.I. (1996). Cultural dominants in the language. In: *Linguistic personality: cultural concepts*. Volgograd, Arkhangelsk: The Peremena. (In Russ).
13. Kupina, N.A. (2000). Language construction: from the ideological system to the system of culture. *Russian language today, Issue 1*. (In Russ).
14. Klushina, N.I. (2014). Theory of Ideology. *Political Linguistics* 4(50), 54—58. (In Russ).
15. Krivopuskov, V.V. (2016). Concept “russian world”: principles and possibilities of methodological approaches, *The Bulletin of Adyghe State University, Issue 1(174)*, 111—119. Rostov-on-Don. (In Russ).
16. Likhachev, D.S. (1993). Concept of the Russian language. *Izvestia RAN, Series of Literature and Language*, 1(52), 3—9. (In Russ).
17. Malysheva, E.G. (2009). Ideologem as a linguistic-cognitive phenomenon: definition and classification. *Political linguistics*, 4, 32—40. (In Russ).
18. “News of the Russian World”. URL: <http://webnovosti.info> (accessed: 10.15.2017).
19. Ostrovsky, E. New borders of the world: geoculture. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/472> (accessed: 20.11. 2017).
20. Piontek, B.M. (2012). General language factors of genesis ideologeme as a category of political linguistics (on the material of Polish and Russian languages) [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ).
21. Shchedrovitsky, P.G. The Russian world. Possible goals of self-determination. URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/? Library = 2015 (accessed: 20.11.2017).
22. Starodubets, S.N (2017). Appraisal and connotation “spirituality” in the discourse I.A. Ilyin. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(39), 36—37. (In Russ).
23. Starodubets, S.N. (2010). Specificity of the organization of language symbolic means in the discourse I.A. Ilyin [dissertation]. Bryansk. (In Russ).
24. Chudinov, A.P. (2006). *Political Linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka.
25. Deik, T.A. van (1989). *Language. Cognition. Communication*. Moscow: Progress.
26. James, P.G. (2008). *Social Linguistics and Literacies: Ideology in Discourses*. Taylor and Francis.

Для цитирования:

Тимофеев С.Е. Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 186—199. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-186-199.

For citation:

Timofeev, S.E. (2018). Ideologeme the “slavic community” in the modern political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 186—199. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-186-199.

Sergey E. Timofeev, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 186—199. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-186-199.

Сведения об авторе:

Тимофеев Сергей Евгеньевич, аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского; *научные интересы*: политическая лингвистика, сопоставительная лингвистика, когнитивная лингвистика, теория перевода; *e-mail*: drumliker@mail.ru

Bio Note:

Timofeev Sergey Evgenievich, post-graduate student of Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, speciality: Linguistic theory; *Interests*: political linguistics, comparative linguistics, cognitive linguistics, translation theory; *e-mail*: drumliker@mail.ru

УДК: 81'42:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ю.Ю. Суханов

Военный университет

Большая Садовая, 14, Москва, Россия, 123001

Актуальность работы обусловлена тем, что на современном этапе развития политическая лингвистика считается одним из бурно развивающихся и наиболее перспективных направлений лингвистики. Наименование этого направления указывает на предмет его исследования — политическая лингвистика занимается исследованием «политической коммуникации», т.е. речевой деятельности, которая ориентирована на пропаганду определенных идей, эмоциональное воздействие и побуждение граждан к политическим действиям, для принятия и обоснования политических и социальных решений в условиях многих точек зрения в социуме, для выработки общественного согласия. Цель политической лингвистики состоит в исследовании различных взаимоотношений между политическим состоянием общества, субъектами политической деятельности, коммуникацией, мышлением и языком. Именно поэтому главной задачей политической лингвистики является исследование взаимоотношений между субъектами политической деятельности, коммуникацией, мышлением, языком и политическим состоянием общества. В современном языкознании одним из самых развивающихся направлений считается политическая лингвистика. Это положение можно определить как свидетельство обширной вовлеченности социума в политические процессы и, как результат, повышенного интереса науки в коммуникации в политической сфере. В данной статье использованы следующие методы исследования: стилистический, синтаксический и лексико-семантический анализ фрагментов текстов; семиотический анализ; элементы компонентного анализа лексических единиц; элементы контент-анализа; описательный метод и его главные компоненты (наблюдение, интерпретация, обобщение). К исследованию разнообразных аспектов предвыборного дискурса обращались зарубежные и отечественные исследователи. В частности, политическому дискурсу посвящены исследования В.Н. Базылева, Д.А. Бокмельдер, Э.В. Будаева, Р. Водак, Е.А. Репиной, А.П. Чудинова, Е.В. Бакумовой, А.Н. Баранова, Н.А. Синеоки, Е.И. Шейгал и других ученых. Исследованию когнитивной лингвистики, теории и истории развития дискурса в науке посвятили работы такие ученые, как В.Г. Борботько, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, В.Е. Чернявская и другие.

Ключевые слова: политическая лингвистика, коммуникация, дискурс, социум, языкознание, пропаганда

ВВЕДЕНИЕ

Политическая лингвистика сформировалась на пересечении разных областей науки: этнографии, культурологии, психологии, социологии, политологии, лингвистики и иных гуманитарных наук. Для понимания и успешного описания механизмов политической коммуникации также политическая лингвистика привлекает достижения когнитивной лингвистики, функциональной: риторики, стилистики, социолингвистики, лингвопрагматики, лингвистики текста. Политической лингвистике совместно с мультидисциплинарностью, как отмечает А.П. Чудинов, при-

сущи такие основные черты современного языкознания, как экспланаторность, функционализм, экспансионизм, антропоцентризм [Чудинов 2006: 7].

В данной области до сегодняшнего дня нет теоретической единой основы, терминологии и методологии. Но это не исключает необходимости формирования некоторого терминологического и понятийного минимума, который может обеспечить систематическую передачу исследуемого материала и взаимопонимание между его исследователями. В виде набора базисных понятий и терминов, которые охватывают главные проблемы политической лингвистики, можно выделить следующие:

— лингвоментальная или языковая картина политического мира, являющаяся сложным единением таких ментальных единиц, как ментальные поля (ментальные сферы), политические концепты, антиценности и ценности, стереотипы в политическом дискурсе [Новикова 2016: 111];

— политическая коммуникация и связанные с ней политический дискурс, тактики и стратегии в политической коммуникации, жанры политической речи, политическая фразеология и лексика, политическая сфера и ее уровни, политический текст, политическая речь и политический язык [Чудинов 2006: 9].

Главным постулатом современной политической лингвистики считается дискурсивный подход к исследованию политических текстов.

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Анализ дискурса представляет собой междисциплинарную область знания, которая находится на стыке философии, стилистики, семиотического направления литературоведения, этнографии, психологии, социологии, лингвистики. Дискурсивный анализ осуществляется с разных позиций, однако существуют основные посылки анализа. К ним относятся:

— текст как коммуникационный продукт имеет несколько измерений, основными из которых считаются интерпретация и порождение текста;

— коммуникация включает посткоммуникативную и докоммуникативную стадии;

— главная роль в ситуации коммуникации принадлежит не средствам общения, а людям;

— общение осуществляется в коммуникативных ситуациях, которые обязаны исследоваться в культурном контексте;

— динамическая языковая модель обязана базироваться на коммуникации, то есть совместной деятельности людей, пытающихся выразить собственные чувства, обменяться опытом и идеями либо оказать друг на друга влияние;

— статистическая языковая модель не соответствует природе дискурса и считается слишком простой.

Дискурс с позиций социолингвистики представляет собой общение людей, которое рассматривается с позиций их принадлежности к определенной социальной группе либо применительно к определенной типичной речевой поведенческой ситуации, к примеру, политический дискурс.

Анализ политического текста, а также исследование его элементов предполагает изучение уровня воздействия на политический текст, его восприятие адресатом разных языковых, социальных, культурологических, экономических, политических, национальных и иных факторов, оказывающих воздействие на понимание дискурса.

Р. Водак пишет, что сложные отношения между обществом и дискурсом не могут быть адекватно описаны без сочетания социологических и лингвистических подходов [Wodak 2006: 181].

Из структуры политического дискурса следует тот факт, что изучение связано с анализом содержания, задач и формы дискурса, который употребляется в определенных ситуациях и лежит оно на пересечении разнообразных дисциплин [Bell 1995: 46]. Считаясь частной дискурсивной разновидностью, политический дискурс как базовое понятие не получил в лингвистике однозначного определения.

Модель институционального дискурса представлена несколькими признаками [Жбанков 2013]:

- нейтральные признаки;
- признаки типа институционального дискурса;
- признаки институциональности;
- конститутивные признаки дискурса.

К конститутивным признакам институционального дискурса относятся: материал, способы, организация, условия и участники общения, т.е. люди, которые рассматриваются в их ситуативно-коммуникативных и статусно-ролевых амплуа; тексты с невербальными включениями; жанр, стиль, тональность, режим и канал общения; членение, развертывание общения, стратегии, цели и мотивы; коммуникативная среда и сфера общения.

Признаки типа институционального дискурса отражают тип социального института, считающийся феноменом культуры, в его материальном и духовном выражении, имеет размытую периферию и жесткое ядро. Как считает В.И. Карасик, общественный институт можно представить в виде сложного фрейма, содержащего людей, которые заняты соответствующей деятельностью, их характеристики, типичные для этого института сооружения, поведенческие стереотипы, общественные ритуалы, мифологемы данного института и тексты, хранимые и проводимые в данном социальном образовании [Карасик 2007: 193].

К признакам институциональности относится уточнение конститутивных дискурсивных признаков по условиям и целям коммуникации, по линиям участников общения. Институциональное общение, будучи, по сути, представительским, реализует цель поддержания социальных институтов, обеспечения стабильности общественной структуры. Условия институционального общения выделяют контекст в качестве действий ритуального и символического характера, типичных хронотопов, клише и трафаретных жанров [Карасик 2007: 192].

Нейтральные признаки отражены лично-ориентированными фрагментами коммуникации, строевым материалом дискурса, моментами институционального дискурса, которым присущи и иным общественным институтам.

Институциональный дискурс — это общение в контексте определенного общественного института, задающего рамки статусно-ролевых отношений [Карасик 2000: 14].

По мнению Е.И. Шейгал, институциональный дискурс представляет собой дискурс, который осуществляется в социальных институтах, общение в которых считается неотъемлемой частью их организации [Шейгал 2004: 42]. Главными параметрами институционального дискурса считаются [Волкова 2011: 40—41]:

— речевые тактики и стратегии, которые обусловлены интенциональной составляющей;

— набор типичных для этой сферы коммуникативных ситуаций — речевых событий;

— представление о типичных моделях речевого поведения при выполнении конкретных социальных ролей;

— ограниченную тематику общения;

— специфический набор интенций.

Ставя под сомнение вопрос о наличии «чистых» разновидностей дискурса, типы институционального дискурса имеют исторический характер и условно выделяются. Типы институционального дискурса имеют полевое строение и пересекаются друг с другом. Тип дискурса включает жанры, подвиды, стратегии, ценности и цели соответствующего типа дискурса, дискурсивные формулы и прецедентные тексты.

Считаясь разновидностью институционального дискурса, политический дискурс тоже имеет несколько признаков, исследованию и определению которых посвящены исследования зарубежных и российских ученых.

Политический дискурс нужно рассматривать как минимум с 3-х позиций [Басырова 2009]:

— индивидуально-герменевтическая позиция, позволяющая установить персональные смыслы интерпретатора и/или автора политического дискурса в конкретных обстоятельствах;

— социопсихолингвистическая позиция, используемая для оценки эффективности достижения политических целей оратора;

— чисто физиологическая позиция, рассматривающая политический дискурс, как и любой другой текст, однако с использованием политического и идеологического фона.

Данный подход объясняет, почему анализ дискурса в политической сфере находится на пересечении разных дисциплин. Он требует анализа содержания, задач и формы дискурса, который реализуется в определенных ситуациях политической сферы. Предназначение политического дискурса — внушение прогнозируемых оценок и/или действий адресату, его понимание невозможно без излюбленных логических переходов и скрытых мотивов, сюжетных схем, фона аудиторий и автора, знаний ожидания, которые существуют в конкретную эпоху [Демьянков 2002: 43]. К ключевым характеристикам дискурса политической коммуникации относятся оценочность и агрессивность, эффективность, отстаивания своей позиции в дискурсе.

Самым релевантным подходом к анализу структуры политического дискурса считается полевой подход, который позволяет определять сферы его соприкосновения с иными разновидностями неинституционального (бытовой и художественный) и институционального дискурса (научный, религиозный, педагогический, военный, юридический, спортивный, рекламный и пр.) [Шейгал 2004: 33]. В сущности, это тематический содержательный принцип, который основан на характере текстовой референции. Выделяя особенную роль средств массовой информации в реализации политического дискурса, с помощью которых он становится адресованным к обширной аудитории, публичным, ученые говорят о тенденции к сращиванию дискурса масс-медиа и политического дискурса [Перельгут, Сухоцкая 2013: 39].

В двух планах можно рассматривать функциональные особенности политического дискурса. А именно [Халатян 2010: 53]:

- с позиции системообразующей интенции политического дискурса;
- с позиции выполнения общих языковых функций.

К наиболее актуальным общеязыковым функциям политической коммуникации относятся: регулятивная/побудительная функция, в частности, такие ее проявления, как запрет и воодушевление. Отмеченная креативность политического дискурса свидетельствует о факте смыкания здесь референтной и магической языковой функций [Шейгал 2004: 33—34].

Функциональная специфика дискурса политической коммуникации по отношению к другим видам дискурса представлена в его главной функции — применения в виде инструмента политической власти, реализующейся в овладении властью, борьбе за нее, сохранении власти, осуществлении, стабилизации и перераспределении власти. Это предоставляет возможность выделить ключевые функции дискурса политической коммуникации, которые считаются аспектами проявления анализируемой функции: интеграция групповых политических агентов и функции дифференциации, функции атональности и гармонизации, интерпретация и ориентация, акциональная и информационная функция, функция контроля и побуждения [Халатян 2010: 53].

Кроме институциональности, которая рассмотрена выше, к системообразующим признакам политического дискурса можно отнести информативность, смысловую неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, динамичность, фактор масс-медиа, дистанцированность, авторитарность и театральность. Эти все признаки имеют определенную специфику, обусловленную интенциональной составляющей дискурса в сфере политической коммуникации.

ПОНЯТИЕ ЖАНРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Внимание ученых, которые изучают политический дискурс, обращено на анализ его отдельных жанров: политический анекдот и новогоднее обращение к гражданам, политическая программа и карикатура, политический плакат и политический скандал, парламентские дебаты и предвыборная полемика, листовка и политическое интервью.

Как считает Е.И. Шейгал, многомерность дискурса в сфере политической коммуникации проявляется в возможности различия его жанрового пространства по некоторым параметрам: степень прототипности, событийная локализация, социокультурная специфика, субъектно-адресные отношения и уровень институциональности [Шейгал 2004: 232—243].

Обширное понимание политического дискурса, которое включает личностно-ориентированную и статусно-ориентированную коммуникацию, позволяет разделять жанры политического дискурса по оси институциональности, при расположении их последовательно от максимально институциональных до максимально неформальных: официальные встречи представителей государств, международные переговоры; политические документы; речи политиков, публичные выступления; публичные политические дискуссии; пресс-конференция; политический скандал (находится на грани персонального и личного); письма и телеграммы в знак поддержки или протеста; слухи, анекдоты, разговоры в очереди с незнакомыми людьми, разговоры о политике с друзьями и в семье. Стратификация по субъектам политической коммуникации требует разграничения неинституциональных и институциональных разновидностей общения [Халатян 2011: 44—45].

В общении, включающем институты, выделяются жанры, которые характерны для общественно-институциональной коммуникации (линия «общество — институт»: выступления на митингах, указы избирателей, листовки, обращения, петиции; линия «институт — общество»: указ президента, радиообращение, публичные речи политиков, плакаты, лозунги, призывы, законы, декреты, постановления правительства), коммуникации между агентами в институтах (публичная сфера: программная речь на партийном съезде, партийная программа, доклад на съезде, выступление премьер-министра на заседании Думы, круглый стол, парламентские дискуссии, встречи политических деятелей, переговоры; внутренняя сфера: закрытое заседание, кулуарное обсуждение, служебная переписка и пр.), коммуникации между гражданином и институтом (голосование на выборах, письма граждан к институтам и политикам, телеграммы).

Социокультурная дифференциация жанров дискурса в сфере политической коммуникации, приводящая к формированию политических социолектов, обусловлена разнородностью идеологических ориентаций групповых политических субъектов [Солганик 2012]. Идеологическая ориентация заложена в основу политического социолекта и определяет его номинативный автономный код, который образован главными словам-идеологемами, специфическим набором речевых тактик, стратегий и жанров.

При исследовании специфики жанровых форм с позиции их соотносительности с коммуникативными сложными событиями политического дискурса необходимо обратиться к концепции Гольдина В.Е., в согласовании с которой коммуникативные политические события рассматривают как многожанровые, сложные формы: речевое сложное событие «встреча депутатов с избирателями» можно представить такими жанрами, как указы избирателей, ответы на вопросы, выступление депутата, объявление и пр. [ПНИП 2011: 280].

Можно выделить следующие критерии, которые определяют уровень маргинальности или прототипности жанровых форм: соответствием главной интенции политического дискурса — первичности текста, борьбе за власть и наличием либо отсутствием пересечения с прочими типами дискурса. К прототипным жанровым формам, исходя из этого, Е.И. Шейгал относит первичные, институциональные жанры: переговоры и декрет, лозунг и публичная политическая речь, парламентские дебаты. Политические периферийные жанры считаются вторичными жанрами, они находятся на пересечении с прочими типами дискурса. Эти жанры имеют респонсивный характер: анекдот и пародия, политическая карикатура и граффити, письма читателей и аналитические статьи, политические мемуары и интервью и пр. В функциональной структуре пространства жанра Е.И. Шейгал выделяет эпидейктические/ритуальные жанры. Основной интенцией эпидейктических жанров считается интеграция (юбилейная речь, радиообращение, инаугурационная речь и лозунг), а также ориентационные жанры (соглашение, указ и конституция) [Шейгал 2004: 244—245].

В настоящем исследовании вслед за К.Ф. Седовым [Седов 2007: 7—38] и М.М. Бахтиным [Бахтин 2007: 197—236] мы используем следующее определение жанра: жанр — это вербально-знаковое оформление типичных ситуаций общественного взаимодействия людей, которое соответствует конкретным коммуникативным целям, успешная реализация которого невозможна без учета фактора и апперцептивного фона адресата. Мы рассматриваем жанр политического дискурса как речевое сложное событие или гипержанр, реализующее главную интенцию политического дискурса — борьбу за власть — и выделяемое по таким критериям, как: функциональная составляющая, уровень прототипности, событийная локализация, социокультурная специфика, субъективно-адресные отношения, уровень институциональности. Каждый гипержанр дискурса в сфере политической коммуникации поддается разделению на меньшие по объему жанры, в составе которых можно выделить одноактные высказывания, которые обозначают поворот в рамках внутрижанровой интеракции, т.е. речевые тактики или субжанры. В свою очередь, каждая речевая тактика входит в репертуар конкретной речевой стратегии.

ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Под речевым поведением субъекта политического дискурса следует понимать многогранное и сложное явление, которое детерминировано интенциями коммуниканта. Политики в борьбе за власть используют все допустимые средства, а авторы политических текстов тщательно отбирают тактики и стратегии реализации политического дискурса. Речевые стратегии реализуют речевые жанры и формируют их неповторимость и индивидуальность.

К.Ф. Седов пишет: «несмотря на то, что жанр предписывает языковым личностям конкретные нормы коммуникативного воздействия, любое жанровое действие по собственным свойствам уникально [Горелов 2001: 166]. Различные жанры предоставляют участникам коммуникации неодинаковый набор возможностей. В выборе речевых средств выражения внутри жанра вариативность предопреде-

ляется тактиками и стратегиями речевого поведения» [Седов 2007: 15]. В определении К.Ф. Седова внутрижанровая тактика представляет собой речевой акт, который меняет сюжетный поворот в развитии сюжетной интеракции. Отбор внутрижанровых тактик находится в зависимости от стратегий внутрижанрового поведения, детерминированных индивидуальными особенностями языковых личностей, принимающих участие в интеракции.

Такой же точки зрения придерживается О.Л. Михалева, понимающая под коммуникативной стратегией план оптимальной реализации коммуникативных намерений, который учитывает субъективные и объективные условия и факторы, в которых протекает коммуникационный акт и которые обуславливают внутреннюю и внешнюю тестовую структуру и применение конкретных языковых средств [Михалева 2009: 45]. Для реализации коммуникативной стратегии применяется набор тактик, которые предопределены интенциями говорящего и представлены совокупностью приемов, обуславливающих использование языковых средств. О.Л. Михалева считает, что избираемый способ общения считается результатом влияния таких конституирующих признаков политического дискурса, как присутствие адресата-наблюдателя и наличие противоборствующих сторон. В результате этого возникает необходимость выбора стратегий, которые позволяют снизить статус оппонента, представив его незначительным политиком, который не заслуживает внимания, и повысить собственную значимость. Говорящий при этом эмоционально влияет на адресата, пытается вовлечь его в политическое представление [Михалева 2009: 63]. Под влиянием названных факторов в политическом дискурсе формируются три стратегии. А именно [Акопова 2013: 403].

1. Стратегия театральности, представленная определенным набором тактик: провокации, иронизирования, предупреждения, прогнозирования, обещания, информирования, размежевания, кооперации, побуждения.

2. Стратегия на повышение, которая обслуживается тактикой самооправдания, отвода критики, неявной самопрезентации, презентации, тактикой анализ-«плюс».

3. Стратегия на понижение, которая реализуется через тактику угрозы, оскорбления, обличения, безличного обвинения, обвинения, тактику анализ-«минус».

Согласно О.Н. Паршиной, стратегии, которые используются субъектами политического дискурса, определены желанием политика побудить адресата проголосовать за конкретный политический институт, укрепить или завоевать авторитет, информировать адресата о предмете речи, о своей позиции касательно обсуждаемых вопросов, сформировать эмоциональный прогнозируемый настрой адресата, убедить в справедливости собственного мнения адресную аудиторию. О.Н. Паршина выделяет следующие коммуникативные стратегии [Паршина 2007: 13]:

- манипулятивная стратегия;
- агитационная стратегия;
- аргументативная стратегия;
- стратегия убеждения;
- интерпретационная информативная стратегия;

- стратегия формирования эмоционального настроения адресата;
- стратегия удержания власти;
- стратегия самозащиты;
- стратегия нападения;
- стратегия дискредитации;
- стратегия борьбы за власть;
- стратегия самопрезентации.

Также автор подчеркивает зависимость стратегии речевого воздействия от набора тактик, которые реализуют каждую стратегию речевого воздействия. Исследователь отмечает, что для актуализации одной и той же стратегии политик может использовать обширный репертуар речевых тактик: побудить проголосовать за определенного кандидата можно с использованием средств дискредитации оппонентов или средств саморекламы. С позиции автора, выбор определенной тактики политиком зависит от конечной цели коммуникации, особенностей коммуникативной ситуации, а также от типа языковой личности говорящего.

О.Н. Паршина предлагает следующую систему классификации коммуникативных стратегий и реализующих их тактик в дискурсе в сфере политической коммуникации:

1) стратегия убеждения:

- агитационная стратегия: тактика призыва и тактика обещания;
- аргументативная стратегия, которая реализуется с помощью тактики иллюстрирования, тактики сопоставительного анализа, указания на перспективу и обоснованных оценок;

2) стратегии удержания власти:

- стратегия создания эмоционального настроения адресата: тактики единения, обращения к эмоциям адресата, учета ценностных ориентиров адресата;
- информационно-интерпретационная стратегия, которая представлена тактикой признания существования проблемы, акцентирования положительной информации, разъяснения, комментирования, а также тактикой рассмотрения проблемы под новым углом зрения и указания на путь ее решения;

3) стратегия борьбы за власть:

- стратегия самозащиты, которая формируется благодаря тактике критики, оспаривания и оправдания;
- манипулятивная стратегия: манипулятивные тактики и демагогические приемы;
- стратегия нападения и дискредитации представлены тактикой оскорбления и обвинения;

4) стратегия самопрезентации, которая реализуется с помощью тактики оппозиционирования, тактики солидаризации, тактики отождествления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор источников по проблеме исследования позволяет сделать вывод о том, что разные стратегии выделяются на основе индивидуальных особенностей языковой личности продуцента дискурса, конечной цели коммуникации и особенностей

коммуникативной ситуации. Тактики, реализующие стратегии, считаются инструментом последовательного достижения цели с помощью решения конкретных коммуникационных задач. В политическом дискурсе, цель которого состоит в борьбе за власть, специфика коммуникативного планирования зависит от ситуации социального взаимодействия коммуникантов и особенностей языковой личности политика, которые отражаются на тактических предпочтениях и, в результате, отборе языковых средств. Под речевой стратегией, исходя из этого, мы будем понимать определенную направленность речевого поведения политика в определенной ситуации речевого общения, которая способствует достижению прогнозируемой коммуникационной цели. Мы предлагаем рассматривать тактику как средство актуализации речевой стратегии поэтапного решения коммуникационных задач.

© Суханов Ю.Ю.

Дата поступления: 15.01.2018

Дата приема в печать: 25.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Акопова Д.Р.* Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(1). С. 403—409.
2. *Басырова Н.Т.* Политический дискурс. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2009/Politologia/46717.doc.htm. Дата обращения: 24.12.2017.
3. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Социальная психолингвистика. Москва: Лабиринт, 2007. С. 197—236.
4. *Волкова Т.А.* Дискурсивно-коммуникативная модель перевода в исследовании институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17. С. 37—42.
5. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. Учебное пособие. Москва: Лабиринт, 2001.
6. *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32—43.
7. *Жбанков М.М.* Жанровая система как институциональный признак дискурса клинических исследований (на материале английского языка). Режим доступа: <http://referatdb.ru/medicina/160038/index.html>. Дата обращения: 24.12.2017.
8. *Карасик В.И.* Дискурс // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. Москва: Лабиринт, 2007. С. 162—196.
9. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20.
10. *Михалева О.Л.* Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
11. *Новикова А.М.* Содержание языковой картины политического мира // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12. С. 111—113.
12. *Паршина О.Н.* Российская политическая речь: Теория и практика. Москва: ЛКИ, 2007.
13. Педагогическая наука и практика — региону: Материалы XIII региональной научно-практической конференции (г. Ставрополь, ГОУ ВПО СГПИ) / Под ред. Л.Л. Редько, С.В. Бобрышова. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011.

14. *Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б.* О структуре понятия «политический дискурс» // *Вестник Нижневаторского государственного университета.* 2013. № 2. С. 35—41.
15. *Политическая лингвистика* / Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2011. Вып. 2(36).
16. *Седов К.Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация.* Москва: Лабиринт. 2007. С. 7—38.
17. *Солганик Г.Я.* Язык СМИ и политика. Москва: Издательство Московского университета; факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. Режим доступа: <http://lib.sale/jurnalistika-knigi/funktsionalnaya-tipologiya-znakov-71570.html>. Дата обращения: 20.12.2017.
18. *Халатян А.Б.* Особенности организации современного политического дискурса // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика.* 2010. № 6. С. 51—54.
19. *Халатян А.Б.* Предвыборный дискурс // *Политическая лингвистика.* Ставрополь. 2011. № 2. С. 180—187.
20. *Халатян А.Б.* Предвыборный дискурс: жанровое своеобразие и специфика языкового воплощения (на материале текстов предвыборных кампаний 2008 г. в России и США). Дисс. ... канд. филол. наук. 2011.
21. *Чернявская В.Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // *Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов,* 2001.
22. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. Москва: Флинта:Наука, 2006.
23. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2004.
24. *Bell V.* Negotiation in the workplace: The view from a political linguist // A. Firth (Ed.). *The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace.* Oxford etc.: Pergamon, 1995. 41—58.
25. *Wodak R.* Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA // *Discourse and society.* 2006. № 8. pp. 179—190.

УДК: 81'42:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212

POLITICAL DISCOURSE AS OBJECT OF LINGUISTIC ANALYSIS

Yury Y. Sukhanov

Military University

14 Bolshaya Sadovaya Str., Moscow, Russian Federation, 123001

Abstract. The urgency of the work is due to the fact that at the present stage of development political linguistics is considered one of the most rapidly developing and most promising areas of linguistics. The name of this direction indicates the subject of his research — political linguistics is engaged in the study of “political communication”, that is, speech activity that is oriented to the propagation of certain ideas, emotional impact and motivation of citizens to political actions, to accept and substantiate political and social decisions in the conditions of many points of view in society, for the development of public consent. The goal of political linguistics is to study the various relationships between the political state of society, the subjects of political activity, communication, thinking and language. That is why the main task of political linguistics is to study the relationship between subjects of political activity, communication, thinking, language and the political state of society. In modern linguistics, one of the most developing areas is political

linguistics. This position can be defined as evidence of the extensive involvement of the society in political processes and, as a result, the increased interest of science in communication in the political sphere. The following research methods are used in this article: stylistic, syntactic and lexical-semantic analysis of fragments of texts; semiotic analysis; elements of the component analysis of lexical units; elements of content analysis; descriptive method and its main components (observation, interpretation, generalization). Foreign and domestic researchers turned to the study of various aspects of the pre-election discourse. In particular, the studies of Bazylev VN, Bokmelder DA, Budaeva EV, Vodak R., Repina EA, Chudinova AP are devoted to the political discourse. Bakumova EV, Baranova AN, Sineoki NA, Sheigala EI and other scientists. The work of such scientists as Borbotko VG, Karasik VI, Makarov ML, Cherniavskaya VE devoted to the study of cognitive linguistics, theory and history of discourse development in science. and others.

Key words: political linguistics, communication, discourse, society, linguistics, propaganda

REFERENCES

1. Akopov, D.R. (2013). Strategies and tactics of political discourse. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 6(1), 403—409. (In Russ). (In Russ).
2. Bakhtin, M.M. (2007). Problem of speech genres. In: *Social psycholinguistics*. Moscow: The Labyrinth. pp. 197—236. (In Russ).
3. Basyrov, N.T. (2009). Political discourse. Academic innovative University. URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2009/Politologia/46717.doc.htm (accessed: 24.12.2017.).
4. Bell, V. (1995). Negotiation in the workplace: The view from a political linguist. In: *The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace*. Oxford etc.: Pergamon. pp. 41—58.
5. Chernyavskaya, V.E. (2001). The Discourse as object of linguistic research. In: *Text and discourse. Problems of economic discourse: Sat. scientific*. Tr. SPb.: S. Petersburg. State University of Economics and Finance. (In Russ).
6. Chudinov, A.P. (2006). Political linguistics. Moscow: Flinta:Nauka. (In Russ).
7. Demyankov, V.Z. (2002). Political discourse as a subject of political science Philology. *Political science. Political discourse: History and modern studies*, 3, 32—43. (In Russ).
8. Gorelov, I.N. & Sedov, K.F. (2001). *Fundamentals of psycholinguistics. Textbook*. Moscow: The Labyrinth. (In Russ).
9. Karasik, V.I. (2007). The Discourse. In: *Social psycholinguistics: a reader*. Moscow: The Labyrinth. pp. 162—196. (In Russ).
10. Karasik, V.I. (2000). The types of discourse. In *Linguistic personality: institutional and personal discourse: Collected scientific*. Volgograd: Peremena. pp. 5—20. (In Russ).
11. Khalatyan, A.B. (2011). Pre-Election discourse: genre originality and the specificity of linguistic realization (on the material of texts of pre-election campaigns of 2008 in Russia and the USA): [dissertation] (In Russ).
12. Khalatyan, A.B. (2011). Pre-Election discourse. *Political Linguistics. Stavropol*, 2, 180—187. (In Russ).
13. Khalatyan, A.B. (2010). The organization of modern political discourse. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 6, 51—54. (In Russ).
14. Mikhaleva, O.L. (2009). Political discourse. The specificity of manipulative influence. Moscow: “LIBROKOM”. (In Russ).
15. Novikova, A.M. (2016). The Contents of the linguistic view of a political world. *The Translation and comparative linguistics*, 12, 111—113. (In Russ).
16. Parshina, O.N. (2007). Russian political discourse: Theory and practice. Moscow: LKI. (In Russ).
17. Redko, L.L. & Bobreshova, S.V. (Ed.). (2011). Pedagogical science and practice of region. In: *Materials of the XIII regional scientific-practical conference (Moscow, GOU VPO Saratov State Pedagogical University)*. Stavropol. (In Russ).
18. Perelgut, N.M. & Sukhotsky, E.B. (2013). On the structure of the concept of “political discourse”. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2, 35—41. (In Russ).

19. Chudinov, A.P. (Ed.). (2011). Political linguistics. Vol. 2(36). Yekaterinburg. (In Russ).
20. Sedov, K.F. (2007). Man in the genre space of everyday communication. In: *The anthology of speech genres: everyday communication*. Moscow: The Labyrinth. pp. 7—38. (In Russ).
21. Sheigal, E.I. (2004). Semiotics of political discourse. Volgograd. (In Russ).
22. Solganik, G.J. (2012). The Language of media and politics. Moscow. URL: <http://lib.sale/jurnalistika-books/funktsionalnaya-tipologiya-znakov-71570.html> (accessed: 20.12.2017).
23. Volkova, T.A. (2011). Discourse-communicative model of translation in the study of institutional discourse. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 17, 37—42. (In Russ).
24. Wodak, R. (2006). Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. *Discourse and society*, 8, 179—190.
25. Zhbakov, M.M. (2013). Genre system as an institutional characteristic of the discourse of clinical. URL: <http://referatdb.ru/medicina/160038/index.html> (accessed: 24.12.2017).

Для цитирования:

Суханов Ю.Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 200—212. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212.

For citation:

Sukhanov, Yu.Yu. (2018). Political discourse as object of linguistic analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 200—212. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212.

Yury Yu. Sukhanov, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 200—212. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212.

Сведения об авторе:

Суханов Юрий Юрьевич, адъюнкт кафедры английского языка (основного) Военного университета; научные интересы: политическая лингвистика, социолингвистика; e-mail: ngeru@mail.ru

Bio Note:

Sukhanov Yury Yurievich, post-graduate of Military University English department; Interests: political linguistics, sociolinguistics; e-mail: ngeru@mail.ru

УДК: [811.161.1:811.162.1]374:32
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-213-222

РУССКО-ПОЛЬСКАЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Я. Кобылко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

На первый взгляд, по причине генетической близости русского и польского языков, кажется, что лексические единицы политической речи в этих языках часто совпадают. Активно идет пополнение политического тезауруса национальных языков с применением различных нормативных и индивидуальных средств словообразования. Современное общественное коммуникативное пространство в своем объеме представляет, прежде всего, язык политики. Поэтому политическая лексика становится доступной для всех носителей национального языка, при этом термины, представленные в более узких направлениях, используют прежде всего эксперты-аналитики. Весомую роль в этом процессе играют средства массовой информации, представляющие собой эффективный механизм воздействия на общественное сознание. Увидеть все сходства и различия между политической терминологией в обоих языках можно, собирая лексический материал и анализируя конкретные термины. Актуальность исследования заключается в недостаточно разработанном сравнительно-сопоставительном анализе общеславянской русской и польской политической терминологии, анализируется русская и польская политологическая лексика общеславянского происхождения, которая претерпела семантические расхождения, а также политологические понятия, которые передаются разными по происхождению словами. Исследуемый материал представляет лексические единицы, называющие политические действия, учреждения и лица. Практический материал был собран из русско-польской лексикографии и текстов СМИ.

Ключевые слова: праславянский язык, диалект, терминология, понятие, корень, этимология

ВВЕДЕНИЕ

Общим предком русского и польского языков является общеславянский (пра-славянский) язык, который, в свою очередь, развился из индоевропейского праязыка. Н.С. Трубецкой констатирует, что в итоге развития любого живого языка возникают диалекты, которые стремятся к обособлению. Диалекты одного языка могут меняться и развиваться одновременно, однако даже одинаковые изменения в разных подгруппах следуют друг за другом не в одном и том же порядке. В конечном итоге перестают возникать общие для всех диалектов данного языка изменения и начинает наступать свойственная эволюция отдельных диалектов. С этого момента язык распадается, а субъектами эволюции становятся отдельные диалекты, представители которых перестают понимать друг друга [Трубецкой 1927: 90]. Таким образом, можно сказать, что данный диалект является самостоятельным языком.

РАСПАД ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО ЕДИНСТВА

Распад языка начинается с того момента, когда в отдельных диалектах расходятся звуковые и грамматические изменения. Для изучения развития живого языка необходимо восстановить звуковые особенности. Письменные тексты не всегда

позволяют установить время наступления важнейших звуковых изменений. «Для воссоздания звуковой истории компаративистский метод играет значительно бóльшую роль, чем чисто филологический» [Трубецкой 1987: 158].

Н.С. Трубецкой утверждает, что, если звуковые изменения рассматривать с точки зрения сравнительной фонетики всех славянских языков, тогда можно убедиться в том, что «звуковое своеобразие великорусского, его звуковые отличия от других восточнославянских языков были обусловлены тем, что общерусские изменения, например, преобразование редуцированных, распространялись на восточнославянскую языковую область относительно медленно» [Трубецкой 1987: 158].

К звуковым изменениям, которые распространялись с юго-запада на северо-восточное русское языковое пространство, выделяем исчезновение слабых редуцированных и переход сильных ъ, ь в нормальные гласные «среднего подъема». Данный процесс изначально произошел у южных славян, в дальнейшем распространялся на все славянство. Н.С. Трубецкой констатирует, что этому звуковому изменению дольше всех сопротивлялись именно восточные и северные древнерусские диалекты.

Завершение процесса преобразования редуцированных гласных является последним изменением всех славянских языков и совпадает с распадом древнерусского языкового единства. Все это приводит к тому, что «русский только тогда потерял способность принимать участие в общеславянских звуковых изменениях, когда и отдельные восточнославянские говоры стали неспособны осуществлять общерусские звуковые изменения совместно. Из всего этого следует, что конец дочерней языковой общности не всегда должен быть хронологически более поздним, чем конец материнской языковой общности» [Трубецкой 1987: 167].

Распространение большинства звуковых изменений именно с юго-запада автор объясняет тем, что русская языковая область на юге и западе географически соприкасалась с областями распространения других славянских языков [Трубецкой 1987: 159].

Звуковые изменения имеют специфический, ярко выраженный индивидуальный характер. Падение общерусского единства заключается в «борьбе между проникнутым славянским духом, консервативно сохраняющим славянские формы юго-западом и сопротивляющимся общеславянским традициям, бурно стремящимся к индивидуальному своеобразию северо-востоком» [Трубецкой 1987: 159].

Медленное распространение звуковых изменений привело к продолжению их существования в диалектах. Такой процесс, охватывающий все языковое пространство, вызывает более глубокие различия диалектов, чем локальные звуковые изменения с ограниченной областью распространения. Н.С. Трубецкой утверждает, что именно темп и направление распространения влияет на общую теорию звуковых изменений [Трубецкой 1987: 166].

В свою очередь, особенности западнославянских языков связаны со специфической западнославянской последовательностью общих праславянских звуковых изменений. “Западнопраславянский” является чисто географическим понятием и не следует понимать его как компактную языковую общность. Это часть северо-западного общепраславянизма, в которой не происходят характерные только для нее звуковые изменения [Трубецкой 1987: 194].

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКИЕ ТЕРМИНЫ

Одинаковые политологические понятия в русском и польском языках передаются разными по происхождению словами: имеющими общеславянские или заимствованные европейские корни. При этом в русском и польском языках лексика общеславянского происхождения претерпела семантические расхождения.

Посол / *poseł*

В русском, как и польском словарном составе, существуют политические термины, образующиеся от общеславянского *posълати*. В этимологическом словаре Н.М. Шанского к *posълати* относится современный русский *посол* [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Posol-3196/>].

Посол — это дипломатический представитель высшего ранга, а также, в переносном смысле, человек, который послан к кому-либо с каким-либо поручением [Дмитриев URL: <http://enc-dic.com/dmytriev/Posol-3204/>]. В то же время для названия данного лица в польском языке, был заимствован термин из французского языка *ambassadeur*, польский *ambasador* [Kopalinski 2000: 32].

Польским, образованным от общеславянского *posъlati* (посылати) „posłać”, является термин *poseł*. Однако данная лексическая единица, называет члена парламента [Wasiluk, Zmarzer 2011: 219] и является аналогом русской лексической единицы *депутат*, которая образовалась от нем. *deputat* из лат. *deputatus* [Фасмер URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Deputat-3752.html>].

Единственным примером, когда в русском языке слово *посол* встречается в значении *депутат*, является *посольская изба* — «нижняя палата сейма Королевства Польского, а после Речи Посполитой, состоявшая из избранных шляхтой на сеймиках депутатов (послов)» [Wasiluk, Zmarzer 2011: 110].

Стоит обратить внимание, что в польском словарном составе также образовался от лат. *deputatus* термин *deputowany* [Wasiluk, Zmarzer 2011: 77], однако он употребляется только для номинации зарубежных членов парламента, а также как аналог евродепутата — *eurodeputowany*. Для подтверждения вышеизложенного приводим примеры употребления единицы *deputowany* в текстах СМИ с переводом на русский язык:

Grupa deputowanych Dumy zwróciła się do prezydenta Putina z propozycją... (rp.pl, 07.11.2017).

Grupa deputatów Госдумы обратились к президенту Путину с предложением... (перевод — Я.К.).

Inicjatywa społeczna kobiet przekazała eurodeputowanym listy... (polityka.pl, 05.10.2016).

Общественная организация женщин передала евродепутатам списки... (перевод — Я.К.).

Русский *посол* выступает только в мужском роде. В польском языке от *poseł* образуется женский род *posłanka*, а также *europosłanka*:

Posłanka PiS Krystyna Pawłowicz w swoim stylu skomentowała na Facebooku... (wprost.pl, 24.11.2017).

Deputat od partii PiS Krystyna Pawłowicz w swoim stylu prokommentowała w socialnej sieci Facebook ... (перевод наш — Я.К.).

Wyjątkowo mocne było wystąpienie europosłanki Krisztiny Morvai (wmeritum.pl, 16.11.2017).

Очень ярким было выступление *евродепутата Кристины Морвай* (перевод — Я.К.).

В терминах *posól* и *poseł*, происходящих от общеславянского источника, кроме разошедшихся значений также не совпадают ударения.

Замену старой интонационной системы экспираторным ударением Н.С. Трубецкой считает общеславянским явлением, которое не затронуло только сербохорватского и словенского языков. Количественные различия сохраняются в языках, в которых экспираторное ударение было закреплено на определенном слоге (древнепольский, чешский, словацкий). В языках, в которых экспираторное ударение занимало место старого музыкального, образуется одновременная утрата старых количественных различий (русский, болгарский). Стоит обратить внимание, что тенденция к устранению количественных различий имеет место в языках (в том числе новопольском) с фиксированным ударением. Утрата интонаций и количества, также может расцениваться как звуковое изменение, объединяющее русский с другими славянскими языками [Трубецкой 1987: 159].

Таким образом, в русском языке ударение подвижное, в польском оно фиксированное (связанное) — всегда ставится на предпоследний слог (исключением являются некоторые заимствования и формы глагола в сослагательном наклонении).

Сравним:

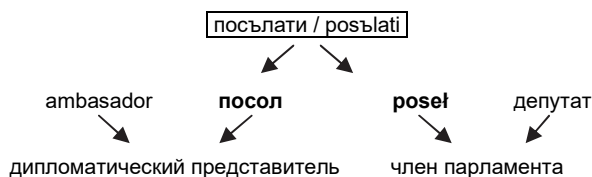

Рис. 1. Общеславянские термины, разошедшиеся в значении

Вышеизложенное указывает, что по значению русская и польская лексика, в основе которой — общие славянские корни, различается. В русском языке не образуются слова женского рода, кроме того, не совпадают ударения.

Чиновник / *urzędnik*; урядник / *czynownik*

Термин *чиновник* был образован из старославянского корня *-чин-* [Гаршин URL: <http://www.slovorod.ru/slavic-roots/osl-ch.html>], в польском языке образовался корень *-czyn-* (*czynownik*), однако в современном польском языке должностное лицо приобрело совсем не общеславянскую форму *urzędnik*.

В толковых словарях С.А. Кузнецова (1998), Д.В. Дмитриева (2003) *чиновник* рассматривается как государственный служащий (мелкие чиновники, крупный чиновник, полицейский чиновник), а также чиновником называют должностное лицо, которое выполняет свою работу формально, равнодушно, следуя предписаниям, инструкциям, не учитывая жизненной ситуации.

Чиновник образовался от лексической единицы *чин* — «порядок, правило, степень, должность, собрание» [Фасмер URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Chin-15646>].

Польский *czyn* по сравнению с русским *чин* разошелся в значении и называется нечетко определенное действие, поступок [Jackowska URL: <http://www.gazetaprawna.pl/encyklopedia/prawo/hasla/334617,czyn.html>]. Однако *czynownik* в польских словарях относится к должному лицу в царской России [Kopalinski 2000: 109]:

Urządник — czynownik — był służą cara, a nie rzecznikiem społeczeństwa (A. Chwalba. *HistoriaPowszechna. Wiek XIX // WydawnictwoNaukowe PWN SA*, 2008).

Должностное лицо — чиновник — был слугой царя, а не представителем общества (перевод — Я.К.).

Кроме вышеуказанных примеров употреблений обсуждаемой лексической единицы мы проанализировали тексты, тема которых относится к временам Советской России и Польской Народной Республики:

Staralem się obejść zakazy, kalkulowałem, jakie słabe punkty ma radziecki czynownik (*GazetaWyborcza*, 09.12.1995).

Я старался обойти запреты, прикидывал, какие слабые черты у советского чиновника (перевод — Я.К.).

Zwolnijcie go, po co nam męczennik, a do tego czynownik bezpieki (*Polityka* nr 2496, 26.03.2005).

Увольте его, зачем нам мученик, причем чиновник (bezpieki) службы безопасности Польской Народной Республики (перевод — Я.К.).

Польским современным аналогом чиновника является *urządник*. Данное слово образовалось от *urząd*, что обозначает «учреждение, ведомство, бюро (*urząd celny* — таможня, *urząd stanucywilnego* — загс)», а также «должность (*objąć urząd* — вступить в должность, *pełnić urząd* — исполнять должность)». *Urządник* в польско-русских словарях переводится как *чиновник, служащий* [Chwatow, Timoszuk 2008: 231].

Стоит обратить внимание на русский термин *урядник*, которого этимология в словаре П.А. Крылова указывает на «название нижнего чина в уездной полиции царской России, было заимствовано из польского, где *urzednik* — „служащий“ от существительного *urząd* — „учреждение“, восходящего к той же основе, что и русское *ряд*. Буквально — „тот, кто следит за порядком“» [Крылов URL: <http://enc-dic.com/krylov/Urjadnik-506.html>].

Обобщая, в старославянском значении *урядник* называл *чиновника*. Таким образом, можно сделать вывод, что одинаковые общеславянские корни выступают в обоих языках, однако, устаревшая лексика в русском языке употребляется в современном польском языке и наоборот.

Современный русский *чиновник* употребляется только в мужском роде. В польском языке от современного *urządник* образуется женский род *urzędniczka*:

Marzena K. była urzędniczka Ministerstwa Sprawiedliwości dostała od miasta 38 mln zł (*warszawa.wyborcza.pl*, 05.12.2017).

Маженя К. бывший чиновник Министерства юстиции Польши получила от города 38 млн злотых (перевод — Я.К.).

Сравнивая русский *урядник* с польским *urzędnik*, а также *чиновник* с *czynownik*, замечаем, что ударения в проанализированных нами терминах совпадают.

Сравним:

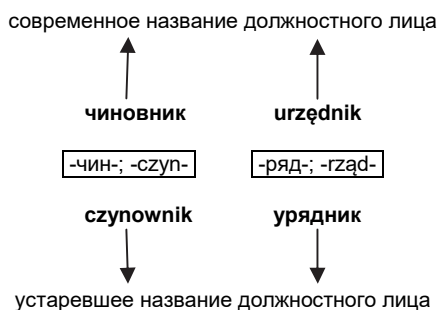

Рис. 2. Современные и устаревшие общеславянские термины

Все вышеуказанные примеры называют должностных лиц, однако слова с одинаковыми праславянскими корнями, которые в одном языке обозначают исторических государственных служащих, в другом называют современных.

Председатель / przewodniczący

В российских и польских словарях [Ожегов 1999, Дмитриев 2003, Drabik 1996] для названия «лица, руководящего собранием, председательствующего; руководителя некоторых учреждений, объединений, обществ, организаций или их отделов, органов» приводят русское слово *председатель* и польское *przewodniczący*.

Председатель образовался от древнерусского глагола *пръсѣдати* — «занимать первое место, сидеть впереди» [Крылов <http://enc-dic.com/krylov/Predsedatel-349.html>] и «восходит к основе *сидеть* — сѣдѣти» [Фасмер <http://enc-dic.com/fasmer/Sidet-12084>].

Przewodniczący приобрел другую, нежели его русский аналог, общеславянскую основу *wodzić* — «водить волость, быть головою» [Даль <http://enc-dic.com/dal/Vodit-3345>] от общеславянского *водити* [Фасмер <http://enc-dic.com/fasmer/Vodit-2702>].

Русский *председатель* выступает только в мужском роде. В польском языке от *przewodniczący* образуется женский род *przewodnicząca*:

Członkowie partii cieszyli się z wyboru Soni na przewodniczącą Indyjskiego Kongresu Narodowego (tvn24.pl, 13.12.2017).

Члены партии радовались выбором Сони Ганди председателем Индийского национального конгресса (перевод — Я.К.).

Сравним:

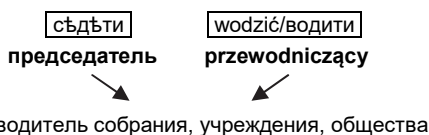

Рис. 3. Разные общеславянские термины, называющие одно понятие

Вышеизложенное указывает на то, что для общего значения оба языка приобрели разные лексические единицы, при этом каждая из них происходит от общеславянского языка.

Изба / izba

В словаре Н.М. Шанского происхождение общеславянского термина *изба* относят к древнерусскому *истьба* после падения слабого редуцированного, упрощения *стб* в *сб* и последующего озвончения *с* перед *б*. В русском языке — «постройка с печью, баня», «теплое помещение, баня» [Шанский, Боброва URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Izba-570>]. В словаре М.Р. Фасмера: «праславянская *jъstьba заимств. из герм. *stuba (д.-в.-н. stuba „теплое помещение, баня“, др.-исл. stofa, stufa „баня с печью“) или из ром. *extūfa (франц. étuve, ит. stufa „баня“»). Древнерусское значение — дом, баня“, в других славянских языках: болг. ѝзба „землянка, хижина“, сербохорв. ѝзба „комната, погреб“, словен. „комната“, чеш. jizba „комната“, словц. izba „комната“, польск. izba, źba „комната, палата“ [Фасмер URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Izba-4858>].

Польская *izba* тоже произошла от общеславянского *истьба* [Klemensiewicz 2002: 28]. Напомним, что М.Р. Фасмер отметил два значения слова *izba*: *комната* и *палата*. Польский термин *izba* в современном польском языке переводится как *палата* (верхняя палата парламента — *izba wyższa parlamentu*; нижняя палата парламента — *izba niższa parlamentu*), а в названиях *помещений* встречается как: приемный покой — *izba przyjęć*; вытрезвитель — *izba wytrzeźwień* [Chwatow, Timoszuk 2008: 236].

Русская *палата* была заимствована из лат. *Palatium*, и в русском языке, кроме зала, комнаты в больнице, роскошно отделанного помещения называет представительные органы или их отдельные составные части в ряде стран, а также государственные учреждения [Кузнецов URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Palata-24172.html>].

Стоит обратить внимание, что польская *izba* кроме русской *палаты* (например: Палата лордов — *Izba Lordów*; Палата депутатов — *Izba Deputowanych*; Палата общин — *Izba Gmin*; Палата представителей — *Izba Reprezentantów*; торговая палата — *izba handlowa*), встречается как *коллегия* (например: коллегия адвокатов — *izba adwokacka*; коллегия врачей — *izba lekarska*) и *служба* (Федеральная налоговая служба — *Izba Skarbowa*).

В собранном материале мы нашли только один пример, где *изба* в русском языке употребляется для названия учреждения: *земская изба* — «выборный орган местного самоуправления в городах, черных и дворцовых волостях, созданный в результате реформы Ивана IV Грозного» [Wasiluk, Zmarzer 2011: 106].

В происходящих от общеславянского источника лексических единицах *изба́* и *izba* — кроме разошедшихся значений, также не совпадают ударения.

Сравним:

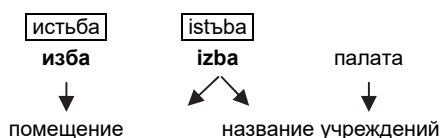

Рис. 4. Общеславянские термины с семантическими расхождениями

В указанных выше примерах замечаем, что общеславянские термины претерпели семантические расхождения. Современное значение слова *izba* называет другое понятие, чем его русский аналог.

Вече / wiec

Обратимся к этимологическому словарю Г.А. Крылова: «Общеславянское слово, образованное от *въть* — „совет“. В Древнем Новгороде (который по способу правления был республикой) вече́м называлось собрание горожан, на котором решались все важные городские вопросы» [Крылов URL: <http://enc-dic.com/krylov/Vechе-506.html>]. Другие словари [Ожегов 1949; Шанский, Боброва 2004] тоже указывают на устаревшие значения данного слова в русском языке.

Польский *wiec* называет современные массовые собрания населения с целью обсуждения актуальных политических событий [Łepkowski 1973: 527]. В польско-русском словаре аналогом польского *wiec* указан заимствованный из английского языка термин *митинг* [Chwatow, Timoszuik 2008: 236]. Ниже приводим пример употребления лексической единицы *wiec*:

Pod Sejmem odbył się wiec poparcia dla ministra... (wprost.pl, 22.11.2017).

Перед зданием Сейма состоялась митинг в поддержку министра (перевод — Я.К.).

Сравним:

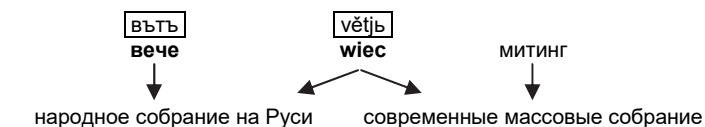

Рис. 5. Общеславянские термины разошедшиеся в значении

Общеславянский термин *вече* в современном русском языке не употребляется, в польском — *wiec* называет современные политические события.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В большинстве случаев одно и то же политологическое понятие передается в русском и польском языках разными по происхождению словами. В тех случаях, когда русские и польские лексические единицы имеют общий славянский корень, они называют разные понятия. За счет этого идет сдвиг всей системы обозначений.

© Кобылко Я.

Дата поступления: 10.01.2018

Дата приема в печать: 20.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре / К проблеме русского самопознания. Париж, 1927.
2. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. Москва: Прогресс, 1987.
3. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. Москва: Дрофа, 2004. Режим доступа: <http://enc-dic.com/rusethy/Posol-3196>. Дата обращения: 27.12.2017.

4. *Дмитриев Д.В.* Толковый словарь русского языка. Москва: Астрель, 2003. Режим доступа: <http://enc-dic.com/dmytriev/Posol-3204>. Дата обращения: 27.12.2017.
5. *Kopaliński W.* Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych z almanachem. Warszawa: Muza SA, 2000.
6. *Wasiluk J., Zmarzer W.* Rosyjsko-polski słownik terminologii politycznej. Warszawa: Instytut Rusycystyki UW, 2011.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4 т. Москва: Прогресс, 1964—1973. Режим доступа: <http://enc-dic.com/fasmer/Deputat-3752.html>. Дата обращения: 27.12.2017.
8. *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa: PWN, 2002.
9. *Chwatow S., Timoszuk M.* Wielki słownik polsko-rosyjski rosyjsko-polski. Warszawa: Rea, 2008.
10. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. Режим доступа: <http://enc-dic.com/kuzhceov/Palata-24172.html>. Дата обращения: 03.01.2018.
11. Словород. Режим доступа: <http://www.slovorod.ru>. Дата обращения: 03.01.2018.
12. *Jaskowska I.* Gazeta prawna. Encyklopedia. Режим доступа: <http://www.gazetaprawna.pl/encyklopedia/prawo/hasla/334617,czyn.html>. Дата обращения: 03.01.2018.
13. *Крылов П.А.* Этимологический словарь русского языка. Санкт-Петербург: Полиграф-услуги, 2005. Режим доступа: <http://enc-dic.com/krylov/Urjadnik-506.html>. Дата обращения: 04.01.2018.
14. *Łepkowski T.* Słownik historii Polski. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973.
15. *Drabik L.* Słownik języka polskiego PWN. Warszawa: PWN, 1996.
16. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка в 4 т. Москва: Олма-Пресс, 2009. Режим доступа: <http://enc-dic.com/dal/Vodit-3345>. Дата обращения: 04.08.2018.

УДК: [811.161.1:811.162.1]374:32

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-213-222

RUSSIAN AND POLISH POLITICAL LEXIS OF THE PROTO-SLAVIC ORIGIN

J. Kobyлко

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. Due to the genetic proximity of the Russian and Polish languages may seem, that political terms of both discussed languages overlap. Actively complementing the political thesaurus of vernacular with the using of different normative and individual word formation. Contemporary communication is filled, above all, with the language of politics. Therefore, political lexis is made available to all carrier for vernacular. Specialist vocabulary is used, above all, by experts and analysts. Mass media play important role in this process, constituting an effective mechanism of impact on social consciousness. See all the similarities and differences between political terms in Russian and Polish by lexical material and analyzing specific terms. The study's validity is a poorly developed comparative analysis of Russian and Polish political terminology. The Russian and Polish lexis of the Proto-Slavic origin, in which the meanings were changing, as well as common concepts, which represent different origins with words. The material studied is called political processes, institutions and people. The terminology was collected from Russian-Polish lexicography and mass media texts.

Key words: Proto-Slavic, dialect, terminology, concept, root word, etymology

REFERENCES

1. Trubetskoy, N.S. (1927). On the Slavic element in Russian culture. On the problem of Russian self-awareness: volume of essays, Paris. (In Russ).
2. Trubetskoy, N.S. (1987). Selected works. Moscow: Progress. (In Russ).
3. Shansky, N.M. & Bobrova, T.A. (2004). School etymological dictionary of the Russian language. Origin of words. Moscow: Drofa. URL: <http://enc-dic.com/rusethy/Posol-3196/> (accessed: 27.12.2017). (In Russ).
4. Dmitriev, D.V. (2003). Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Astrel. URL: <http://enc-dic.com/dmytriev/Posol-3204/> (accessed: 27.12.2017). (In Russ).
5. Kopalinski, W. (2000). Dictionary of words and phrases of foreign origin. Warsaw: Muza SA.
6. Wasiluk, J. & Zmarzer, W. (2011). Russian-Polish dictionary political terminology. Warsaw: Institute of russian studies UW.
7. Fasmer, M. (1964—1973). Etymological dictionary of the Russian language in 4 t. Moscow: Progress. URL: <http://enc-dic.com/fasmer/Deputat-3752.html> (accessed: 27.12.2017). (In Russ).
8. Klemensievich, Z. (2002). History of Polish language. Warsaw: PWN. (In Pl.).
9. Khvatov, S. & Timoshuk, M. (2008). Polish-Russian and Russian-Polish Dictionary. Warsaw: Rea.
10. Kuznetsov, S.A. (Ed.). (1998). Large explanatory dictionary of the Russian language. Saint Petersburg: Norint. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Palata-24172.html> (accessed: 03.01.2018). (In Russ).
11. Slovorod. URL: <http://www.slovorod.ru/> (accessed: 03.01.2018). (In Russ).
12. Jackovska I. Gazeta prawna. Encyklopedia. URL: <http://www.gazetaprawna.pl/encyklopedia/prawo/hasla/334617,czyn.html> (accessed: 03.01.2018).
13. Krylov, P.A. (2005). Etymological dictionary of the Russian language. Saint Petersburg: PoliGRAF usluga. URL: <http://enc-dic.com/krylov/Urjadnik-506.html> (accessed: 04.08.2018). (In Russ).
14. Lepkovski, T. (1973). Historical dictionary of Poland. Warsaw: Wiedza Poszechna.
15. Drabik, L. (1996). Polish dictionary PWN. Warsaw: PWN.
16. Dal, V. (Ed.). (2009). Dictionary of the Living Great Russian language in 4 t. Moscow: Olma-Press. URL: <http://enc-dic.com/dal/Vodit-3345/> (accessed: 04.08.2018). (In Russ).

Для цитирования:

Кобылко Я. Русско-польская общеславянская терминология в политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 213—222. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-213-222.

For citation:

Kobyлко, Ya. (2018). Russian and polish political lexis of the proto-slavic origin. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 213—222. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-213-222.

Jaroslav Kobyлко, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 213—222. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-213-222.

Сведения об авторе:

Кобылко Ярослав, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лексикография, морфология, семантика; *e-mail*: jaroslav.kobyлко@yandex.ru

Bio Note:

Kobyлко Jaroslav, Post-graduate student of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *Interests*: lexicography, morphology, semantics; *e-mail*: jaroslav.kobyлко@yandex.ru

УДК: 81'42:821.161.1'-3:316.48
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

Чжан Ди

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7—9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В речи персонажей художественных произведений, отражающих значимые экстралингвистические события, проявляются особенности исторического времени и пространства. Сложный период в послереволюционной России отмечен не только экономическими проблемами, но и языковыми, одна из которых связана со становлением новой системы обращений. Умение человека пользоваться обращениями при осуществлении коммуникации является свидетельством его сформированности как полноценного члена общества. В «Собачем сердце» М. Булгакова, повествующем о становлении неочеловека, дискурсивная весомость различных форм обращения очевидна: с одной стороны, они являются показателем социального расслоения общества, а с другой — акцентируют социально-идеологическое противостояние Преображенского и Швондера.

В статье рассматриваются обращения в речи главных персонажей повести, отмеченные высокой прагматической релевантностью и дискурсивной весомостью, акцентирующие показанный автором социальный конфликт новой власти и ее окружения — таких, как Шариков, Швондер и другие, «горделиво» пользующихся формой *товарищ* в ее новых смыслах ('равный', 'единомышленник'), и приверженцев старых ценностей — культуры, взаимоуважения, корректного и ровного отношения к людям и обращения к ним. Особое внимание уделяется употреблению форм обращения со словами *товарищ*, *гражданин*, *милостивый государь*, *господин* и реакции адресатов на данные формы обращения, свидетельствующие о взаимном неприятии норм этикета, характерных для представителей пролетариата и интеллигенции.

В условиях идейно-политического противостояния обращения способны не только характеризовать уровень культурного и интеллектуального развития, регулирующий выбор форм обращений с учетом разных критериев, но также указать место, занимаемое говорящим в системе социально-политической ориентации, выразить отношение к идейному оппоненту, они становятся одним из инструментов воздействия.

Ключевые слова: социально-политический дискурс, обращение, М. Булгаков, «Собачье сердце», социальный конфликт, господин, товарищ

ВВЕДЕНИЕ

Тема политического дискурса, весьма привлекательная и активно разрабатываемая в последнее время, охватывает самые разные векторы исследования, в числе которых можно назвать, например, выявление когнитивных аспектов политического дискурса [Шапочкин 2012] и его национальных особенностей [Методология 2000], анализ речевого поведения политиков [Алышева 2012, Асланова 2015, Паршина 2005], выявление дискурсивных стратегий и языковых средств в определенных типах дискурса [Якоба 2015], определение изменений в коммуникативной парадигме коллективного носителя языка как следствие из-

менений в общественно-политической жизни [Кормилицына 2008], специфика определенных подтипов политического дискурса — парламентских дебатов [Баранов 1991], партийного дискурса [Царьков 2009], аргументативной дискуссии на политические темы в прямом радиоэфире; концепты и их вербализация в политическом дискурсе [Бойко 2015] и т.д. Отдельное внимание уделяется языковому выражению политического дискурса — критериям отбора, семантическим и эмоционально-оценочным характеристикам используемой лексики и фразеологии, средствам выразительности и стилистического оформления [Даниленко 2011, Селиверстова 2012 и др.].

Дискурс в данной работе понимается как социальное явление — инструмент социального взаимодействия [Крапивкина 2017], как «воплощение социально-речевого опыта» [Тубалова 2015: 241], социальная деятельность в условиях реального мира [Макаров 2003], фиксируемая в письменных текстах и устной речи, осуществляемая в «определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Карасик 2004: 56]. Н.М. Перельгут и Е.Б. Сухоцкая, анализируя объем понятия «политический дискурс» и его структуру, предлагают включать в понятие дискурса контекст, или ситуацию общения, и язык, организованный в соответствии со структурами, присущими высказываниям в различных сферах социальной жизни» [Перельгут, Сухоцкая 2013: 15].

Если говорить о существовании политической формы общения, когда со сферой политики должна быть связана хотя бы одна из составляющих — будь то субъект, адресат или содержание сообщения, — выделенных А.Н. Барановым [Баранов 2003: 245—246], то анализируемый нами текст может вызвать некоторые сомнения: правомерно ли отнести его к текстам политического дискурса?

На наш взгляд, это вполне правомерно и вот по какой причине. Действительность, разворачиваемая писателем в произведении, живущие в ней герои и все происходящее с ними воспринимается читателями в осях координат «время—пространство», т.е. через хронотоп, который, по словам М.М. Бахтина, определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. «Хронотопическое начало литературных произведений способно <...> „выводить“ словесную ткань на образ бытия как целого, на картину мира» [Хализев 2000: 53].

В повести М. Булгакова «Собачье сердце» перед читателями предстает Москва первой половины 20-х годов XX века, город эпохи серьезного кризиса в России — экономического, социального, когда герои наблюдают постреволюционный уход привычного прежнего мира и вживаются в иное время, с его новшествами и трудностями. Вступление в сферу смыслов этого произведения возможно только через понимание особенностей жизни того времени — серьезных преобразований в разных сферах общественной жизни, недопонимание (во всяком случае — в сознании многих) силы новой власти и ее неустрашимости, как и невозможности возврата к прежнему — отношениям, системе ценностей, к прежней жизни.

Февральская и Октябрьская революция во многом послужили, как пишет М.И. Гаврилова, «поводом для объективной и всесторонней оценки исторического

развития русского политического дискурса», активного воздействия на носителей языка «политических слов» [Гаврилова 2017: 10]. Достаточно вспомнить повесть В. Зазубрина «Щепка» (1923), рассказы и роман Е. Замятина («Пещера», «Дракон», «Мы» и др.) и многих других писателей и поэтов, чтобы по реакции на них официальной власти понять, что художественное изображение политических событий может восприниматься в качестве «острой социально-политической сатиры и аллегории революционных преобразований в России», каковую увидели в повести «Собачье сердце» [Савина 2005].

Творчество М. Булгакова приходится именно на такой период, когда авторское слово оценивалось не столько по художественным достоинствам, сколько по степени лояльности к новой власти. Вина многих из творческих людей по отношению к советскому режиму состояла лишь в том, что они, «не били в казенный барабан», «не равнялись, очертя голову» (Ю. Анненков), а продолжали самостоятельно мыслить, не скрывали своих воззрений. Таким образом, в условиях постреволлюционного террора люди, имевшие мнение, не совпадающее с официальным, как правило, оказывались в стане «врагов».

Так произошло и с М. Булгаковым, чья повесть «Собачье сердце» была охарактеризована одним из агентов ОГПУ, присутствовавшим при ее чтении автором, так: «вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Советскому строю тонах». Она намного «опаснее бесполезно-безвредных выступлений литераторов 101-го сорта на заседаниях „Всероссийского Союза Поэтов“» [Булгаковская энциклопедия]. М. Булгаков, таким образом, совершенно добросовестно исполнил свой «литературный (и он же — политический) портрет» [Савина 2005: 5], а повесть, воспринимавшаяся как памфлет, была опубликована в СССР только в 1987 году.

Смена власти и государственного строя в России в 1917 году повлекла за собой кардинальные изменения в общественно-политическом сознании. Участники коммуникации, представляющие разные социальные слои общества, оценивают происходящее с разных позиций и ведут себя в соответствии со своими привычками и традициями людей своего окружения. И хотя в основу повести положен не социально-политический конфликт, а конфликт естественного (природного) и рукотворного (очеловечивания в результате операции), противостояние пролетария Швондера и с ним нечеловека Шарикова (Чугункина) и интеллигента Преображенского можно рассматривать как полемику со сторонниками идеи «нового человека», сознательного гражданина, способного управлять советским государством, и т.п.

Языковая и мыслительно-речевая деятельность, характерная для определенного периода, содержит «лингвистически значимые дифференциальные признаки речевого поведения национально-этнических сообществ» [Асланова 2015: 74], выявление которых позволяет увидеть обусловленность выбора языковых средств социальным статусом адресанта и адресата, ситуацией общения, но также и решаемыми прагматическими задачами.

Одним из ярких показателей последовавших в 20-е годы XX в. изменений в коммуникативной парадигме российского общества является использование в повести М. Булгакова этикетных форм — в частности, форм обращений.

Как особая языковая форма, называющая и призывающая адресата к чему-либо, обращение может быть выражено «собственными именами людей во всех формах, прозвищами, кличками, названиями социальных признаков и ролей и т.д.» [Формановская 2002: 24].

Апеллятивные формы всегда привлекали внимание исследователей в связи с их способностью выполнять не только вокативную функцию, но также этикетную, экспрессивную и др. Так, В.Д. Черняк отмечает, что и в современной ситуации, как когда-то после революции 1917 года, наблюдаются попытки «выработать новые официальные обращения» — такие, как, например, «россияне», «сограждане», воспринимаемые, однако, как чуждые русской традиции» [Черняк 2013: 223].

В показанное писателем время происходит смена принятой ранее системы обращений, учитывавшей, безусловно, возрастные и гендерные особенности коммуникантов, но также и социально-статусные градации. Если в XVIII—XIX вв. в российском обществе господствовал дворянский этикет [Бирюлина 2009: 45] и были приняты такие обращения, как *господин*, *государь*, *сударь* и т.д., то после революции «новые социально-экономические культурные отношения разрушили старую систему речевого этикета жанра обращения» [Трофименко, Волгин 1991: 58], появляются новые обращения *товарищ*, *гражданин*, первое из которых становится широко употребительным [Руделев 1992: 27]. Это свидетельствует о динамике норм речевого этикета и об их зависимости от социально-политических условий.

Однако было бы недостаточным указать только на знание М. Булгаковым намечившихся изменений в номенклатуре средств установления контакта между коммуникантами. Особенности представленных в повести «Собачье сердце» и происходивших за ее пределами — в исторической реальности — событий послереволюционного времени заставляют обратить внимание на прагматические функции использованных в тексте обращений. Введение в систему обращений новой формы — *товарищ* — и облечение идеологическим флером прежде просто вежливых этикетных обращений (*господин* и др.) сделало формы адресации одним из ярких дискурсивных средств, выполняющих регулятивную функцию.

Обращения, в роли которых для называния лица-адресатов, могут выступать существительные, местоимения, субстантивированные прилагательные или эквивалентные им словосочетания [Ахманова 2010: 266], служат для установления и поддержания контакта между собеседниками и в то же время отражают «определенную речевую интенцию говорящего по отношению к адресату в ситуации непосредственного общения» [Ибрагим 2004: 33]. С их помощью реализуются вокативные, вокативно-экспрессивные и экспрессивные регулятивные тактики [Нестерова 2001].

Необходимые при осуществлении коммуникации «правила обхождения людей друг с другом, воплощенные в речи» [Формановская 2002: 5] предполагают знание форм обращений, соответствующих нормам литературного языка [Крысин 2002: 82]. С другой стороны, нужно уметь ими пользоваться: умение сохранять отношения между коммуникантами позволяет рассматривать человека «как члена социально обусловленной системы общения» [Ларина 2003: 17].

Кроме того, обращение к собеседнику — это «самый яркий и самый употребительный этикетный знак, потому что мы действительно так или иначе называем человека — либо по его социальной роли, либо по индивидуальным признакам, либо по своему собственному отношению к нему» [Формановская 1982: 99]. В процесс адресации обращение говорящего отражает не только степень его владения литературным языком, но также его представление о теме разговора и ситуации в целом, об адресате (слушателе) и даже об обществе в целом. Вместе с тем реакция слушателя на адресацию отражает степень его согласия/несогласия с таким восприятием себя адресантом. Как пишет А.Д. Васильев, в обращении выражается оппозиция «свой»/«чужой» [Васильев 2009: 9]. Последнее замечание о возможной реакции адресата на обращение — в виде согласия или несогласия на его использование в отношении себя — представляется нам в свете конфликта между главными героями повести особенно важным.

В повести, воспринимаемой как пародия на попытки большевиков создать «„нового человека“, призванного построить коммунистическое общество» [Антипина 2006: 17], глубинный конфликт между работающим и работающим интеллигентом Преображенским и не работающими пролетариями, т.е. не оправдывающими своей пролетарской сути — Швондером, Шариковым и др., во многом вербализуется через использование тех или иных форм обращения. Обращение обретает статус лингвокультуры — слова, имеющего не только языковое значение, но и содержащего в себе «внеязыковой культурный смысл» [Воробьев 2006: 45].

Этим и объясняется наше к ним внимание.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАБЛЮДЕНИЙ

Обращения, используемые в повести, образуют две значимые группы. **Первую группу** можно условно обозначить как совокупность обращений, используемых в доме профессора Преображенского членами его «семьи» — окружение одинокого доктора составляют две женщины, работающие по дому, молодой коллега Борменталь, швейцар Федор, спасающий его в трудных ситуациях, особенно в связи с появлением в доме Шарикова. Обращения, фигурирующие в их речи, традиционны для русской культуры: это, во-первых, адресация всех к профессору по имени и отчеству как к старшему, хозяину дома, уважаемому человеку и, наконец, предельно корректному в общении с другими. (Зина:) *Где же вы такого [пса] взяли, Филипп Филиппович?* (Доктор Борменталь:) *Как это вам удалось, Филипп Филиппович, подманить такого нервного пса?* (Федор:) *Здравия желаю, Филипп Филиппович.* Даже Шариков, постепенно осваивающий новый для него (точнее, для Клима Чугункина, его «предшественника по гипофизу») этикет, заменяет недопустимое в качестве обращения к профессору просторечно-фамильярное «папаша» на имя и отчество: — *Да что ж дело! Дело простое. Документ, Филипп Филиппович, мне надо.*

Профессор, в свою очередь, обращается по имени и отчеству к поварихе Дарье Петровне и молодому коллеге Ивану Арнольдовичу, соблюдая тем самым вежли-

вую доброжелательную дистанцию. Как нам представляется, немаловажным фактором в выборе обращений по имени и отчеству является его стремление не дать человеку почувствовать в чем-либо собственного превосходства: в обращении с доктором Борменталем — его сравнительной неопытности, в обращении с прислугой — статусно-социального и культурного неравенства.

По имени профессор адресуется к двоим — к молодой девушке Зине, выполняющей обязанности горничной и медсестры, в отношении которой он, обращаясь «на ты», использует по-отечески и уменьшительно-ласкательную форму имени *Зинуша* (*Шея Филиппа Филипповича налилась красным цветом. — Спокойно, Зинуша, — молвил он, простирая к ней руку, — не волнуйся*), и к швейцару Фёдору, с которым профессора связывает давнее знакомство и общая забота о доме. Профессор выше Федора по социальной лестнице и, вероятно, старше; в его устах такое обращение является корректным и уважительным.

Формы обращения в речи всех этих людей, являющихся друг другу — на фоне появившихся в их жизни Шарикова и Швондера — «своими», соответствуют существующим этикетным нормам и приемлемы для обеих сторон: адресата и адресанта.

К профессору Преображенскому и доктору Борменталу обращаются в повести и с помощью принятых в сфере медицины форм «доктор» и «профессор», а также словосочетания «доктор + фамилия».

Нельзя не отметить здесь и обращения, используемые профессором не столько для поддержания контакта, сколько в качестве экспрессивов — «актов выражения психологических состояний, испытываемых чувств, отношений» [Савельева 1991: 101]. Сочувствия, жалости исполнено обращение, используемое им в разговоре с барышней, приведенной в дом Шариковым: — *Мне вас искренне жаль, но нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения... Детка, ведь это безобразие*. С позиции умудренного жизнью учителя профессор дает совет и наставление молодому коллеге: — *Нет, я не позволю вам этого, милый мальчик. Мне 60 лет, я вам могу давать советы. На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено*. Здесь проявляется и интенция извинения профессора за категоричность (*я не позволю*), и благодарность за беспокойство о нем, и озабоченность, и ласка.

Более частым и универсальным из эмоционально-окрашенных обращений является в речи Преображенского форма *голубчик*, характеризующаяся как ‘разговорное, ласкательное обращение к близкому знакомому’ [Балакай 2001: 106]. Она используется им как в общении с пациентами (— *Ба-ба, да вас узнать нельзя, голубчик*) — независимо от их социального положения и статуса, так и в разговоре с Борменталем. При этом обращение выражает разные интенции: обеспокоенность (— *У вас боли, голубчик, возобновились? — спросил осунувшийся Филипп Филиппович*), сожаление и просьбу о снисхождении:

— *Ну, извините, извините, голубчик! — забормотал Филипп Филиппович. <...> Голубчик, не сердитесь, меня он так задергал...* и т.д.

Ко **второй группе** мы отнесли случаи, когда используемое обращение свидетельствует о незнании правил этикета и/или их ошибочной трактовке, о наруше-

нии правил общения, об изменении в системе обращений, вызванном экстралингвистическими факторами.

Так, вежливое обращение, сочетающееся с формой «вы» и выражающее уважение к незнакомцу [Балакай 2001: 119], считавшееся ранее обычным, использованное профессором в сцене появления в его квартире членов домоуправления, вызывает неожиданную реакцию адресата: — *В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, попрошу снять вашу головной убор*, — *внушительно сказал Филипп Филиппович*. — **Я вам не милостивый государь!** Адресат, не привыкший к подобному обращению, воспринял его почти как оскорбление и поспешил отмежеваться от таких, как профессор Преображенский и другие, среди которых принято обращаться подобным образом.

Показателен и второй мини-диалог: — *Вы, господа, напрасно ходите без капош в такую погоду*, — *перебил его наставительно Филипп Филиппович*. <...> — *Во-первых, мы не господа*, — *молвил, наконец, самый юный из четверых, персикового вида* [Вяземская]. Между первой и второй репликами автором отмечена значительная пауза, связанная как с сутью самого замечания о персидских коврах, так и с прозвучавшей формой обращения. Между говорящими пролегла граница непонимания: профессор использовал слово *господа* как вежливое обращение к нескольким лицам (к мужчинам или мужчинам и женщинам вместе) [МАС.1: 607] — так он шутливо обращается и к собаке, приглашая ее в квартиру (— *Пожалуйста, господин Шарик*, — *иронически пригласил господин*); адресатом же обращение воспринято как причисление его к представителям чуждого ему класса, к «недобитым буржуям» (вспомним в речи Шарикова: *Господа уже все в Париже!*). После Октябрьской революции словом *господа* именовались «чужие — явные либо скрытые внутренние и внешние враги новой власти» [Васильев 2008: 88]. Это, с одной стороны, отражает степень владения говорящими речевым этикетом а с другой — свидетельствует об уже сформировавшемся отношении к человеку, живущему в семи комнатах. Этот пример подпадает под выделяемые Т.В. Нестеровой случаи каузации у адресата ответного эмоционального ряда в качестве реакции на использованное обращение [Нестерова 2001: 19], хотя профессор Преображенский вряд ли имел намерение оскорбить визитеров.

Не считая Шарикова равным и не испытывая к нему особого расположения, воспитанный профессор Преображенский, а вместе с ним и доктор Борменталь допускали, тем не менее, обращение к нему по фамилии, что в целом, на фоне прочих обращений, можно характеризовать как случай исключительный. От обращения к Шарикову по имени-отчеству пришлось отказаться, отчасти — в силу недопустимости, по мнению профессора, имени Полиграф Полиграфович вообще, однако в большей степени по причине значительной дистанцированности героя — не столько социальной, сколько культурной. Шариков не может вызывать уважения своими манерами, речью и всем своим поведением, что исключает возможность адресации к нему также и с использованием формы *господин*. К тому же у собеседников есть опыт обращения к Шарикову как собаке, что делает сомнительной возможность скорого перехода от «Шарик, фить-фить!» к форме «господин Шариков». Однако, услышав от Шарикова недопустимое обращение к Бормен-

талю по фамилии, профессор смягчает свою позицию: *Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно «Шариков», и я и доктор Борменталь будем называть вас «господин Шариков». — Я не господин, господа все в Париже! — отлаял Шариков. — Не будет никого, кроме господ, в моей квартире.*

Для Шарикова, постигающего основы этикета и получающего от Швондера представление о социальной расстановке сил, более подходящей представляется форма *товарищ*: — *А если бы я у вас помер под ножом? Вы что на это выразите, товарищ?* — Филипп Филиппович! — раздраженно воскликнул Филипп Филиппович, — *я вам не товарищ! Это чудовищно!* Шариков считает логичным использование обращения *товарищ*, поскольку он причисляет себя, хотя и без всяких на то оснований, к «трудовому элементу», к пролетариям.

Слово *товарищ*, появившееся в речевом обиходе после Октябрьской революции, получило в русской культуре в качестве обращения особый смысл. Д.С. Лихачев отмечает, во-первых, что мужчины и женщины в этом обращении не различались и тем самым упразднялись гендерные различия. Во-вторых, все люди становились при этом «если не товарищами в подлинном смысле этого слова, то, во всяком случае, равными» [Лихачев 1989]. Через эту форму устанавливалось равенство говорящего и адресата, становился неважным социальный статус адресата.

Обращения *господин*, *сударь* и *сударыня*, *милостивый государь* и др. стали восприниматься после революции как унижающие человеческое достоинство и характерные для речи «бывших» — представителей классов, порицаемых за свое непролетарское происхождение и считающихся идеологическими противниками.

Слово *товарищ* в «Толковом словаре языка Совдепии» толкуется следующим образом: 1. Гражданин в советском обществе: *Вчера приезжал товарищ из района. // При обращении: Товарищ, как пройти к штабу?* (Фадеев). // При фамилии, звании, должности: *Товарищ Новиков! Товарищ судья!* 2. Пренебр. Большевик или сторонник большевиков: *Враги революции и их сторонники называли большевиков товарищами* [ТСЯС: 602—603]. Слово *товарищ* имеет политическую окраску, демонстрирует солидарность и взаимное доверие идеологических единомышленников среди коммунистов, социалистов, социал-демократов и т.п. [Нгуен Ву Хыонг Ти 2010: 62].

Профессор же отказывается от обращения «товарищ», пресекая попытку уравнивать его с такими, как Шариков — «дикарь», «стоящий на самой низшей ступени развития», «слабое в умственном отношении существо» и т.д. Они не могут быть людьми, «участвующими с кем-л. в одном деле, промысле и т.п.» [МАС.4: 350]. Он не является ни сторонником нововведений, ни сочувствующим. Отметим, что неприятие профессором произнесенного в его адрес обращения выражается практически в тех же словах, что были произнесены его «оппонентами»: «Я вам не ...!».

В повести особенно показательно использование обращений представителями новой власти. Уже при первой встрече, представив недоумевающему профессору себя и своих коллег исключительно по фамилии (— *Я Швондер, она — Вяземская,*

он — товарищ Пеструхин и Жаровкин), Швондер попытался обратиться и к нему с помощью формы *товарищ*: — Во-первых, — перебил его Филипп Филиппович, — вы мужчина или женщина? Четверо вновь смолкли и открыли рты. На этот раз опомнился первый тот, с копной. — Какая разница, **товарищ**? — спросил он горделиво.

М. Булгаков не случайно сопровождает речь Швондера выразительной ремаркой «горделиво», оттеняющей его эмоциональное состояние и ощущение собственной правоты и значимости. Профессор, не откликнувшись на это обращение соответствующим поведением — добровольным согласием на уплотнение, да еще посетовав на плохие перспективы калабуховского дома, вызвал ненависть Швондера, но и заставил его выбрать иные формы обращения к профессору.

Решая проблему получения Шариковым документов, т.е. в ситуации администрирования, Швондер демонстративно обращается к профессору с использованием формы *гражданин*: — Что же, — заговорил Швондер, — дело несложное. Пишите удостоверение, **гражданин профессор**. Швондер и к Шарикову обращается так же, подчеркивая его гражданские обязанности: — Вы, **гражданин Шариков**, говорите в высшей степени неосознанно. На воинский учет необходимо взяться. Слово *гражданин* в данном предложении придает более убедительное звучание излагаемой информации.

Если в XIX в. концепт «Гражданин» входит «в разряд основных морально-этических и общественно-значимых категорий гражданской культуры» [Завьялова 2001: 137], то после Октября 1917 года слово утрачивает свое высокое звучание, а обращение «Гражданин!» стало широко распространяться в качестве официального обращения. Так что в обоих случаях, прибегая в формах *товарищ* и *гражданин*, Швондер не столько демонстрирует свою воспитанность, сколько принципиально иную стилистику и мотивированность выбора обращения своим происхождением, идейной платформой и т.п. Этим выбором он выражает и свое эмоциональное состояние, поскольку, по мнению О.Г. Мельник, «примеры эмоционального дейксиса демонстрируют то, как степень эмоциональной вовлеченности языковых единиц может менять прагматическое значение высказывания» [Мельник 2017].

Нельзя также не отметить изменения в использовании оснований для выбора обращения Шариком-Шариковым. Если, будучи уличным псом, он оценивал человека по одной шкале (*Дверь через улицу в ярко освещенном магазине хлопнула и из нее показался гражданин. Именно гражданин, а не товарищ, и даже — вернее всего, — господин. Ближе — яснее — господин. <...> О, глаза значительная вещь. Вроде барометра. Все видно: у кого великая сушь в душе, кто ни за что, ни про что может ткнуть носком сапога в ребра*), то, безбедно проживая человеком в квартире Преображенского, он оценивает разницу между пролетариатом и интеллигентом совсем по иным критериям: *Какие уж мы вам товарищи! Где уж. Мы в университетах не обучались, в квартирах по 15 комнат с ванными не жили.*

Использование обращений профессором Преображенским и Шариковым не оставляет сомнений в том, на чьей стороне «гражданин Шариков».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, используемые говорящими обращения в условиях идейно-политического, классового противостояния приобретают особые прагматические функции. Они способны не только характеризовать уровень культурного и интеллектуального развития, регулирующий выбор форм обращений с учетом критериев возраста, пола, ситуации, психоэмоционального фона адресата и т.п., владение стилистическими регистрами речи, но также указать место, занимаемое говорящим в системе социально-политической ориентации, выразить отношение к идейному оппоненту, они становятся одним из инструментов воздействия.

Динамика форм обращения в речи Шарикова на пути от собаки до сотрудника очистки помогает реализации авторской идеи ошибочности попыток очеловечивания животных — без учета факторов среды, социального статуса, уровня развития, привычек и проч., которые становятся препятствием при поиске общего языка в процессе коммуникации.

Обращения, часто намеренные, особенно те, которые проводят водораздел между представителями двух сословий — пролетарского и интеллигентского, использованы в повести преимущественно в регулятивной функции. Они являются у М. Булгакова одним из ярких средств, позволяющих очертить границы круга «своих» людей — как для профессора Преображенского, так и для Швондера. Принятие определенной формы адресации и адекватная ответная реакция на нее — своего рода лакмусовая бумажка, проверяющая лояльность по отношению к новой власти или приверженность старым устоям. Нельзя, однако, не признать, разную степень «намеренности» и демонстративности в использовании обращений Швондером и Шариковым и, с другой стороны, Преображенским, для которого традиционные формы обращений являются во многом знаком устойчивого миропорядка, проявления воспитанности и уважения к собеседнику.

© Чжан Ди

Дата поступления: 10.12.2017

Дата приема в печать: 20.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Альшеева Ю.С.* Речевой портрет В.В. Путина // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 171—174.
2. *Антипина С.Ф.* История становления и развития общественно-политических взглядов М.А. Булгакова: дис. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2006.
3. *Асланова М.Г.* Средства создания позитивного имиджа в речи политика (на материале текста второго инаугурационного обращения Барака Обамы) // Политическая лингвистика. № 1. 2015. С. 74—82.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2010.
5. *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.
6. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.
8. *Бирюлина А.И.* Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы 19—21 веков): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.

9. *Бойко С.И.* Модификации концепта нации в бинарной системе российской имитационной партийности // *Политическая концептология*. 2015. № 1. С. 41—71.
10. Булгаковская энциклопедия — электронный ресурс <http://www.bulgak.ru/encyclopaedia.html> (дата обращения: 16.01.2018).
11. *Васильев А.Д.* Игры в слова: эволюции доминирующего вокатива // *Теория политической лингвистики*. 2009. № 2. С. 9—25.
12. *Васильев А.Д.* Эволюция доминирующего вокатива как социокультурный феномен // *Вестник Красноярск. гос. пед. ун-та*. 2008. № 2. С. 87—89. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-dominiruyuschego-vokativa-kak-sotsiokulturnyy-fenomen>. Дата обращения: 16.12.2017.
13. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: РУДН, 2006.
14. *Гаврилова М.В.* Лингвистический заметки о воздействии публичного слова: к столетию русской революции // *Политическая лингвистика*. 2017. № 3. С. 10—17. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-zametki-o-vozdeystvii-publichnogo-slova-k-stoletiyu-russkoy-revolutsii> Дата обращения: 16.12.2017.
15. *Даниленко О.В.* Социолингвистический анализ динамики функционирования метафорических моделей в советском и постсоветском политическом дискурсе (на материале предвыборных программ политических партий) // *Ученые записки Орловск. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 1. С. 164—169.
16. *Завьялова Е.В.* Ментальный сегмент нации и способы его репрезентации (на примере русского концепта гражданин): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007.
17. *Ибрагим Б.* Типы и функции русского обращения как именованная адресата в разных видах словесности: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. Режим доступа: <http://www.dissertat.com/conternt/typy-i-funktsii-russkogo-obrashcheniya-kak-imenovaniva-adresata-v-raznykh-vidakh-slovesnosti>. Дата обращения: 08.12.2017.
18. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
19. *Кормилицына М.А.* О некоторых активных процессах в языке современной публицистики // *Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции*. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 88—96.
20. *Кративкина О.А.* Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных телешоу) // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2017. № 46. С. 21—30. DOI: 10.17223/19986645/46/2.
21. *Крысин Л.П.* Современная литературная норма и ее кодификация // *Русский язык в школе*. 2001. № 1. С. 82—89.
22. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: РУДН, 2003.
23. *Лихачев Д.С.* Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Ленинград: Советский писатель, 1989.
24. *Мельник О.Г.* Роль дейксиса в интерпретации художественного произведения // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2017. № 46. С. 31—42. DOI: 10.17223/19986645/46/3. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1486. Дата обращения: 16.01.2018.
25. *Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой*. Минск: БГУ, 2000.
26. *Нгуен Ву Хыонг Ти.* О динамике использования обращения в русском языке // *Вестник Российского университета службы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2010. № 1. С. 61—63. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dinamike-ispolzovaniya-brascheniya-v-russkom-yazyke>. Дата обращения: 20.12.2017.
27. *Нестерова Т.В.* Прагматика обращений-антропонимов // *Русский язык за рубежом*. 2001. № 4. С. 14—20.

28. *Паришина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
29. *Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б.* О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартговского государственного университета. 2013. № 1. С. 14—20. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (дата обращения: 20.12.2016).
30. *Руделев В.Г.* Русский язык. Учение о предложении. Тамбов, 1992.
31. *Савельева Е.П.* Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1991. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/nominatsii-rechevyh-intentsiy-v-russkom-yazyke-i-ih-semantiko-pragmaticheskoe-istolkovanie> Дата обращения: 19.12.2017.
32. *Савина Е.А.* Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова: «Собачье Сердце»: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
33. *Селиверстова Е.И.* Образ партии и ее конкурента: некоторые особенности предвыборного текста // Язык как система и деятельность—3. Матер. Междунар. научн. конф. Ростов н/Дону, 2012. С. 153—155.
34. Толковый словарь русского языка (ТСРЯ) / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Альт-Принт, 2005.
35. Толковый словарь языка Совдепии (ТСЯС) / под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Харьков: Фолио-Пресс, 1998.
36. *Трофименко В., Волгин А.* Поговорим об этикете. М.: Московская правда, 1991.
37. *Тубалова И.В.* Концепт «великая отечественная война» в личностноориентированных дискурсивных практиках обыденного человека // Русин. 2015. № 2. С. 241—258.
38. *Формановская Н.И.* Вы сказали: «Здравствуй!» (Речевой этикет в нашем общении). М.: Знание, 1982.
39. *Формановская Н.И.* Культура общения и речевой этикет. М.: Икар, 2002.
40. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000.
41. *Царьков П.Б.* Политическая лингвистика в теории и практике формирования партийного дискурса (на примере партии «Единая Россия») // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Тверь: Тверская гос. сельскохозяй. академия, 2009. Т. 1. № 16. С. 77—82.
41. *Черняк В.Д.* Риторика: учебник для бакалавров / В.А. Ефремов [и др.]: под общ. ред. В.Д. Черняк. М.: Издательство «Юрайт», 2013.
42. *Шапочкин Д.В.* Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 2012.
44. *Якоба И.А.* Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3. С. 122—134.

УДК: 81'42:821.161.1'-3:316.48

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237

FORMS OF ADDRESS AS A MEAN OF EXPRESSING SOCIAL CONFLICT IN THE MIKHAIL BULGAKOV'S "HEART OF A DOG"

Zhang Di

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, Russian, 199034

Abstract. In the speech of characters artistic work, reflecting significant extra-linguistic events reflected historical time and space. Difficult period in post-revolutionary Russia is marked not only by economic problems but also language, one of which is associated with the development of a new system

of appeals. The ability of a person to use cases in the implementation of the communications is evidence of its formation as a full-fledged member of society. In “Heart of a Dog” M. Bulgakov, which tells of the formation of a new man, discursive justifiability of various addressing forms are obvious: on one hand, they are an indicator of social stratification, and on the another — to show the socio-ideological confrontation of the Transfiguration and Shvonder.

The article discusses the address in the speech of the main characters of the novel, noted the high relevance of pragmatic and discursive weight, which accentuates shown by the author social conflict between the new government and its environment — such as Sharikov and other “proudly” using a form of *comrade* in its new senses (‘equal’, ‘associate’), and the adherents of the old values — culture, respect to each other, correct and smooth treatment of people and appeals to them. Special attention is paid to the use of forms of dealing with words *comrade*, *citizen*, *sir*, *mister*, and the reaction of recipients to these forms of address, evidence of mutual rejection of rules of etiquette that are characteristic of the representatives of the proletariat and the intelligentsia.

In conditions of ideological and political confrontation, appeals are able not only to characterize the level of cultural and intellectual development regulating the choice of forms of appeals, taking into account different criteria, but also to indicate the place occupied by the speaker in the socio-political orientation system, to express an attitude toward the ideological opponent, they become one of the instruments of influence.

Keywords: socio-political discourse, M. Bulgakov, “Heart of a Dog”, addressing form, social conflict, sir, comrade

REFERENCES

1. Alysheva, Yu.S. (2012). Speech portrait of V.V. Putin. *Bulletin of Volgograd. state. un-ta. Ser. 2. Linguistics*, 2(16), 171—174. (in Russ).
2. Antipina, S.F. (2006). History of the formation and development of socio-political views M.A. Bulgakov [dissertation]. Voronezh. (in Russ).
3. Aslanova, M.G. (2015). Means of creating a positive image in the speech of the politician (based on the text of the second inaugural address by Barack Obama). *Political linguistics*, 1, 74—82. (in Russ)
4. Ahmanova, O.S. (2010). Dictionary of linguistic terms. Moscow: Librokom. (in Russ).
5. Balakay, A.G. (2001). Dictionary of Russian speech etiquette. Moscow: AST-PRESS. (in Russ).
6. Baranov, A.N. (2003). Introduction to Applied Linguistics. Moscow: Editorial URSS. (in Russ).
7. Baranov, A.N. (1991) Parliamentary Debate: Traditions and Innovations. Moscow: Knowledge. (in Russ).
8. Bir’ulina, A.I. (2009). Evolution of Russian speech etiquette (based on the literature 19—21 centuries) [dissertation] Tambov. (in Russ).
9. Boyko, S.I. (2015). Modifications of the concept of the nation in the binary system of the Russian imitative party membership. *Political conceptology*, 1, 41—71. (in Russ).
10. Bulgakov’s encyclopedia — an electronic resource URL: <http://www.bulgak.ru/encyclopaedia.html> (in Russ). (accessed: 16.01.2018).
11. Vasilyev, A.D. (2009). Games in words: the evolution of the dominant vacathive. *Theory of Political Linguistics*, 2, 9—25. (in Russ).
12. Vasilyev, A.D. (2008). The Evolution of the dominant Vocative as a sociocultural phenomenon. *Bulletin of Krasnoyarsk state pedagogical University*, 2, 87—89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-dominiruyuschego-vokativa-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (in Russ). (accessed: 16.12.2017).
13. Vorobiev, V.V. (2006). Linguistic and cultural studies. Moscow: RUDN. (in Russ).
14. Gavrilova, M.V. (2017). Linguistic notes on the impact of the public word: on the centenary of the Russian revolution. *Political Linguistics*, 3, 10—17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-zametki-o-vozdystvii-publichnogo-slova-k-stoletiyu-russkoy-revoljutsii> (in Russ). (accessed: 16.12.2017).

15. Danilenko, O.V. (2011). Sociolinguistic analysis of the dynamics of the functioning of metaphorical models in the Soviet and post-Soviet political discourse (on the basis of the pre-election programs of political parties). *Uchenye zapiski Orlovsk. state. un-ta. Ser. Humanities and social sciences, 1*, 164—169. (in Russ).
16. Zavyalova, E.V. (2007). Mental segment of the nation and its representation (on the example of the Russian concept of citizen) [dissertation] Tambov. (in Russ).
17. Ibragim, B. (2004). Types and functions of the Russian address as naming the addressee in different types of literature [dissertation] Moscow. URL: <http://www.dissercat.com/conternr/typy-i-funktsii-russkogo-obrashcheniya-kak-imenovaniva-adresata-v-raznykh-vidakh-slovesnosti> (in Russ). (accessed: 08.12.2017).
18. Karasik, V.I. (2004). Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnosis. (in Russ).
19. Kormilitsyna, M.A. (2003). On Some Active Processes in the Language of Contemporary Publicism. *Russica on the Threshold of the 21st Century: Problems and Prospects: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: Ilya RAS, pp. 88—96. (in Russ).
20. Krapivkina, O. A. (2017). Experience in the analysis of discursive practices as forms of social interaction (based on the material of judicial television shows). *Bulletin Tom. state. un-ta. Philology, 46*, 21—30. DOI: 10.17223 / 19986645/46/2.
21. Krysin, L.P. (2001). Modern literary norm and its codification. *Russian language in school, 1*, 82—89. (in Russ).
22. Larina, T.V. (2003). Category of politeness in English and Russian communicative cultures. Moscow: PFUR. (in Russ).
23. Likhachev, D.S. (1989). Notes and observations: from notebooks over the years. Leningrad: Soviet writer. (in Russ).
24. Melnik, O.G. (2017). The role of deixis in the interpretation of a work of art. *Vestn. Tom. state. un-ta. Philology, 46*, 31—42. DOI: 10.17223/19986645/46/3. Access mode: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1486. Date of circulation: 01/16/2018.
25. Ukhvanova-Shmygova, I.F. (Ed). (2000). Methodology of research of political discourse: Actual problems of the content analysis of socio-political texts. Issue 2 / Comp. and Society. Minsk: BSU. (in Russ).
26. Nguyen Vu Huong Ti. (2010). On the evolution of the circulation in the Russian language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantic Semantics, 1*, 61—63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dinamike-ispolzovaniya-brasch-eniya-v-russkom-yazyke> (in Russ). (accessed: 20.12.2017).
27. Nesterova, T.V. (2001). Pragmatics of address of anthroponyms. *Russian language abroad, 4*, 14—20. (in Russ).
28. Parshina, O.N. (2005). Strategies and tactics of speech behavior of the contemporary political elite of Russia [dissertation] Saratov. (in Russ).
29. Perelgut, NM & Sukhotskaya, E.B. (2013). On the structure of the concept of “political discourse”. *Bulletin of Nizhneartovsk State University, 1*, 14—20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskoy-diskurs> (in Russ). (accessed: 20.12.2016).
30. Rudalev, V.G. (1992). Russian language. The doctrine of the proposal. Tambov. (in Russ).
31. Saveleva, E.P. (1991). Nomination speech intentions in the Russian language and their semantic-pragmatic interpretation [dissertation] Moscow. URL: <http://cheloveknauka.com/nominatsii-rechevyh-intentsiy-v-russkom-yazyke-i-ih-semantiko-pragmaticheskoe-istolkovanie> (in Russ). (accessed: 19.12.2017).
32. Savina, E.A. (2005). Mystical motives in prose Bulgakova: “The Dog’s Heart” [dissertation] Moscow. (in Russ).
33. Seliverstova, E.I. (2012). Image of the party and its competitor: some features of the pre-election text. *Language as a system and activity — 3. Mater. Intern. scientific. Conf. Rostov n / Don*, pp. 153—155. (in Russ).

34. Ushakov, D.N. (Ed.). (2005). Explanatory dictionary of the Russian language (SRYA). Moscow: Al'ta-Print. (in Russ).
35. Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (Ed.). (1998). Dictionary of the language of the Council of Deputies (TSAS). Kharkiv: Folio-Press. (in Russ).
36. Trofimenko, V. & Volgin A. (1991). Let's Talk about etiquette. Moscow: Moskovskaya Pravda. (in Russ).
37. Tubalova, I.V. (2015) The concept of the “Great Patriotic War” in personally oriented discursive practices of everyday people. *Rusin*, 2, 241—258. (in Russ).
38. Formanovskaya, N.I. (1982). You said: “Hello!” (Speech etiquette in our communication). Moscow: Knowledge. (in Russ).
39. Formanovskaya, N.I. (2002). The culture of communication and speech etiquette. Moscow: Ikar. (in Russ).
40. Helisev, V.E. (2000). Theory of literature. Moscow: High school. (in Russ).
41. Tsarkov, P.B. (2009). Political linguistics in the theory and practice of forming party discourse (on the example of the party “United Russia”). *World of Linguistics and Communication: an electronic scientific journal. Tver: Tver state. agricultural academy*, 1(16), 77—82. (in Russ).
42. Chernyak, V.D. (Ed) (2013). Rhetoric: A Textbook for Bachelors / V.A. Efremov [and others]. Moscow: Yurayt Publishing. (in Russ).
43. Shapochkin, D.V. (2012). Political Liskurs: conical aspect: monograph. Tyumen: Publishing house Tyumen. state. un-ta. (in Russ).
44. Yakob, I.A. (2015). The power of the discourse of media space in the struggle for nomination. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 3, 122—134.

Для цитирования:

Чжан Ди. Формы обращения как средство выражения социального конфликта в повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 223—237. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237.

For citation:

Zhang Di (2018). Forms of address as a mean of expressing social conflict in the Mikhail Bulgakov's “Heart of a Dog”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 223—237. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237.

Zhang Di, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 223—237. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237.

Сведение об авторе:

Чжан Ди, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета; научные интересы: лингвокультурология, семантика; e-mail: wozaiizhe.000@163.com

Bio note:

Zhang Di, PhD student in Saint Petersburg State University; Interests: linguoculture, paremiology, semantics; e-mail: wozaiizhe.000@163.com